

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

Владимир Каламанов
«На нас сейчас лежит
особая ответственность...»

Дина Малышева
Кавказский узел
мировой политики

Сергей Самуйлов
Некоторые уроки советско-
американских отношений

Ангара Саморукова
Румыния в ЕС:
прогнозы и реалии

Григорий Ханин
Почему в России мало
хороших экономистов?

Владислав Иноземцев
Призыв к порядку

Александр Тарасов
«Черный октябрь» 1993-го

Петр Александров-Деркаченко
Государство
и федерация

Кирилл Разлогов
Множественная идентичность
в условиях глобализации

Михаил Смирнов
О философии европеизма
в эпоху
суверенной демократии

Андрей Власкин
Христианство и политика
в социальной философии
русского зарубежья

а также рецензии и обзоры
М. Романовой, В. Бурова, Н. Ауровой, А. Марeya,
И. Яжборовской, Л. Бараненко, О. Смирновой, К. Грекова,
П. Кондрашова, А. Шведа, Г. Гринбаума, П. Иванова

2008 / № 10 (1593)

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

ИЗДАТЕЛЬ И ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР — ВЛАДИСЛАВ ИНОЗЕМЦЕВ

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Петр Петрович АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО	<i>председатель Редакционного совета, председатель Русского исторического общества</i>
Анатолий Леонидович АДAMIШИИИ	<i>к. и. н., Чрезвычайный и Полномочный посол</i>
Алексей Иванович АНТИПОВ	<i>ответственный секретарь Редакционной коллегии</i>
АНЬ ЦИИИИИИ	<i>профессор Китайского народного университета</i>
Алексей Георгиевич АРБАГОВ	<i>д. и. н., руководитель Центра международной безопасности ИМЭМО РАН, член-корреспондент РАН</i>
Зигмунт БАУМАН	<i>почетный профессор Университета г. Лидса (Великобритания)</i>
Иммануэль ВАЛЕРСТАЙИ	<i>профессор Йельского университета (США)</i>
Сергей Юрьевич ГЛАЗЬЕВ	<i>д. э. н., директор Национального института развития, академик РАН</i>
Александр Дмитриевич ЖУКОВ	<i>заместитель Председателя Правительства России (в личном качестве)</i>
Владислав Леонидович ИНОЗЕМЦЕВ	<i>д. э. н., директор Центра исследований постиндустриального общества</i>
Борис Гурьевич КАПУСТИИ	<i>д. ф. н., профессор Йельского университета (США)</i>
Сергей Павлович КАРПОВ	<i>д. и. н., декан исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, член-корреспондент РАН</i>
Стивен КОЭИ	<i>профессор Нью-Йоркского университета, почетный профессор Принстонского университета (США)</i>
Джульетто КЬЕЗА	<i>депутат Европарламента, президент ассоциации MegaChip (Италия)</i>
Василий Семенович ЛИПИЦКИИ	<i>д. ф. н., секретарь правления — исполнительный директор Института современного развития</i>
Вадим Андреевич МЕДВЕДЕВ	<i>руководитель научно-исследовательских проектов Горбачев-фонда, член-корреспондент РАН</i>
Александр Дмитриевич НЕКИПЕЛОВ	<i>академик РАН, вице-президент РАН</i>
Сергей Михайлович РОГОВ	<i>д. и. н., директор Института США и Канады РАН, член-корреспондент РАН</i>
Владимир Александрович РЫЖКОВ	<i>к. и. н., профессор Государственного университета — Высшая школа экономики, координатор общественного комитета «Россия в объединенной Европе»</i>

Редколлегия:

В. Л. Иноземцев, П. П. Александров-Деркаченко, А. И. Антипов, Н. Н. Сибириков

Редакторы: О. В. Ауоров, В. Г. Бушуев

Группа подготовки номера: Л. Ю. Андреева, М. А. Иванова, А. А. Лебедева, Р. З. Малкова, А. Н. Шахова

Учредитель журнала — Автономная некоммерческая организация «Центр исследований постиндустриального общества». Журнал издается с апреля 1924 года. Выходил под названиями «Большевик» (1924–1952) и «Коммунист» (1952–1991). С 1991 года журнал является независимым международным общественным изданием и выходит под названием «Свободная мысль».

Свидетельство о регистрации журнала ПИ № ФС77-24420 выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия 4 мая 2006 года. Адрес редакции: 101000 Москва, Милютинский пер., д. 2. Тел. (495) 621-4578. Факс (495) 621-3435. E-mail: pitirim@svom.info, slava_in@yahoo.com. Журнал отпечатан в ООО «Объединенный издательский Дом «Медиа-пресса». Адрес типографии: 127137 Москва, ул. Правды, д. 24, стр. 1. Тираж 2000 экз. Заказ № 82344.

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ 2008 / №10 (1593)

PERSONA GRATA

ЖЕЛАТЕЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

Владимир Каламанов

- «На нас сейчас лежит особая ответственность...» 7
Наибольшую долю своего времени и ресурсов ЮНЕСКО направляет на проекты, связанные с образованием. Иногда считают, что ЮНЕСКО больше занимается культурой, но это не так. Вполне можно сказать, что ЮНЕСКО — это в первую очередь образование, а уже потом идут вопросы науки, культуры, коммуникации и информации.

THEATRUM MUNDI

МИРОВАЯ АРЕНА

Дина Мальшева

- Кавказский узел мировой политики 19
Начавшаяся в ночь с 7 на 8 августа 2008 года Пятидневная война была спровоцирована вооруженным нападением Грузии на непризнанную Республику Южная Осетия. На ее защиту, как и на защиту другой, де-факто независимой, но формально входившей в состав Грузии Республики Абхазия, встала Россия.

Сергей Самуйлов

- Некоторые уроки советско-американских отношений 1970—1980 годов . . . 31
После многих столетий проведения имперской внешней политики, направленной на территориальное расширение, после самоликвидации СССР Россия в настоящее время осуществляет фундаментальный переход и к освоению значительной части собственных гигантских пространств, и к созданию многочисленного среднего класса в качестве опоры для демократизирующейся государственности.

Ангара Саморукова

- Румыния в ЕС: прогнозы и реалии. 45
Свое пребывание в составе ЕС Румыния рассматривает как безальтернативный вариант быстрой и успешной европеизации страны, возможность добиться стабильного развития национального хозяйства, повышения жизненного уровня за счет интеграционных ресурсов и новых форм кооперационного сотрудничества.

RES PUBLICA

ОБЩЕЕ ДЕЛО, ГОСУДАРСТВО, РЕСПУБЛИКА

Владислав Иноземцев

- Призыв к порядку 57
Приход в Кремль президента Д. А. Медведева состоялся на фоне активизировавшейся риторики о необходимости скорейшей модернизации российской экономики и российского общества. Однако представления об этом процессе, бытующие ныне в нашем обществе, можно назвать в лучшем случае умозрительными и любительскими.

STATUS RERUM

ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ

Михаил Смирнов

- О философии европеизма в эпоху суверенной демократии. 71
Европеизм как представление о европейском идеале исторического бытия и путях его практического воплощения наряду с евразийством — одно из ведущих идеологических течений, в наибольшей степени повлиявших на формирование внутренней и внешней политики в России.

Петр Александров-Держаченко

Государство и федерация..... 87

Идеи т. н. «суверенной демократии», равно как и предложения о назначении губернаторов или упразднении названий «президентов» республик не могут противоречить принципу федерализма. Но они — в самой откровенной и бескомпромиссной форме — противоречат идее конфедерализма.

PRO ET CONTRA

ЗА И ПРОТИВ

Григорий Ханнин

Почему в России мало хороших экономистов?..... 103

Российских экономистов совсем нет среди лауреатов Нобелевской премии по экономике, которая присуждается уже почти 40 лет. Единственный российский лауреат, Л. Канторович, удостоенный этой премии в конце 1960-х годов, был математиком.

ARS LONGA

ИСКУССТВО ВЕЧНО

Кирилл Разлогов

Множественная идентичность в условиях глобализации..... 117

Когда мы рассматриваем современную ситуацию в культуре, которая во многом развивается под воздействием новых электронных средств коммуникации, то видим, что наше представление о ней перестает соответствовать новой ситуации.

PRO MEMORIA

ДЛЯ ПАМЯТИ

Александр Тарасов

«Черный октябрь» 1993-го..... 123

С тех кровавых октябрьских дней уже минуло 15 лет. И хотя о событиях 3—4 октября 1993 года написаны тысячи страниц, снято множество телепередач, в России выросло уже целое поколение, ничего или почти ничего не знающее о произошедшей тогда трагедии.

QUO VADIS?

КАМО ГРЯДЕШИ? КУДА ИДЕШЬ?

Андрей Власкин

Христианство и политика в социальной философии русского зарубежья.... 137

Проблема взаимоотношений христианства и политики всегда волновала передовую русскую общественную мысль. Психологический шок, связанный с Первой мировой войной и Гражданской войной в России, оживил этот интерес, и особенно сильно он проявился в 1920—1930-е годы среди философов русской эмиграции

AD LITTERAM

БУКВАЛЬНО

Хмурый сентябрь 1983 года..... 147

Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя

Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова..... 149

Советское руководство считает необходимым довести до сведения советских людей, других народов и всех тех, кто ответствен за определение политики государств, свою оценку курса, проводимого в международных делах нынешней администрацией США.

Павел Иванов

На пороге века нестабильности 155

В апреле этого года Джордж Сорос закончил свою последнюю книгу, которая молниеносно появилась на прилавках книжных магазинов. В свете последних событий ее название звучит более чем актуально: «Новая парадигма для финансовых рынков. Кредитный кризис 2008 года и его суть».

Июсса Яжборовская

Гражданское общество в Центрально- и Юго-Восточной Европе 161

За истекшие два десятилетия в Центральной и Юго-восточной Европе определились шансы, темпы и барьеры перемен в области строительства институтов гражданского общества, выявились характер, условия, первые итоги и перспективы их развития.

Марина Романова

«Крапивное семя» для детей Джона Булля 173

На повседневную жизнь людей огромное влияние оказывает деятельность чиновников. Для России это утверждение актуально всегда. Взаимоотношения «крапивного семени» с согражданами никогда не носили идиллического характера и служили предметом политической и литературной сатиры уже в XVII—XIX веках. Но особенно ярко пороки бюрократического аппарата были заметны в его деятельности по отношению к иностранцам.

Любовь Бараненко

Любопытные воспоминания о революции в Закавказье 181

На фоне тревожных событий последних двух десятилетий в полной мере проявилась односторонность представлений о революционных событиях 1917—1920 годов в Закавказье. Между тем именно тогда сформировались истоки многих современных проблем.

Ольга Смирнова

Понятие «политическая идентичность» во французском обществе 187

Говоря о политической идентичности Франции, необходимо отметить, что эта страна обладает достаточно сформированной и развитой концепцией идентичности вообще и политической идентичности в частности.

EX LIBRIS

ИЗ КНИГ*Петр Кондрашов*

Утопия для России как утопия для мира 193

Константин Греков

Консерватизм и Российское государство: от Ивана III до наших дней 199

Александр Марей

Мысль, язык, общество и государство 203

Владимен Буров

Плодотворный опыт поисков и решений 207

Александр Швед

За Кавказским хребтом 213

Надежда Аурова

С точки зрения либерала 217

Григорий Гринбаум

Труд многих лет 221

К сведению подписчиков журнала 222

Поздравляем нашего Главного редактора!

Владиславу Леонидовичу Иноземцеву исполняется 40 лет! «Всего?» — спросите вы. Да, всего. В это трудно поверить, но это — непреложный факт. Всего сорок лет исполняется Владиславу Леонидовичу Иноземцеву — человеку, который уже успел так много сделать и столь многого достичь.

В далеком 1991 году в журнале «Коммунист» впервые была опубликована статья молодого аспиранта Владислава Иноземцева «Капитализм, социализм или постиндустриальные общества?», и это событие он по сей день считает важным в своей жизни. Однако сегодня справедливости ради стоит уточнить: важным, если не судьбоносным, это событие стало и для журнала.

Наши уважаемые читатели хорошо знают: журнал переживал разные времена, в том числе и не самые легкие. И всегда Владислав Леонидович оказывался именно тем человеком, который по мере сил и возможностей старался поддержать журнал и его редакционный коллектив. В результате все это привело к тому, что однажды (в наиболее тяжелый и кризисный момент, вызванный некомпетентностью и непрофессионализмом прежнего руководства) Владислав Леонидович, поборов природную скромность, все же внял настойчивым просьбам коллектива журнала и согласился занять должность главного редактора.

Вскоре журнал преобразился. Сохранив высокий интеллектуальный уровень издания и развив лучшие традиции редакционно-издательской работы коллектива, Владислав Леонидович сделал журнал более ярким и современным. Наши читатели, мнением которых мы очень дорожим, оценили и одобрили его старания.

Вообще стоит заметить, что для нашего Главного редактора мнение читателей — главный критерий успешности журнала, изданием которого он руководит. К выпуску очередного номера и обеспечению его доставки каждому подписчику он подходит в высшей степени ответственно, считая каждый номер журнала звеном исторической цепочки, начало которой было положено в далеком 1924 году. И мы со своей стороны стараемся соответствовать уровню поставленной перед нами задачи.

В одной из своих статей я назвал Владислава Леонидовича человеком эпохи Просвещения. Сегодня я еще раз хочу повторить эти слова. Как всякий убежденный просветитель, он не стремится получить дивиденды от просвещения. Напротив, вносит свой личный вклад в создание журнала «Свободная Мысль», производство которого, как и содержание редакционного коллектива, тяжким бременем легло на возглавляемый им Центр исследований постиндустриального общества. Владислав Леонидович не получает никакой материальной прибыли, поскольку для настоящего просветителя прибыль не может быть материальной по определению. Для Владислава Леонидовича она сводится исключительно к распространению знаний, и в этом направлении главный редактор действует самоотверженно. А ведь помимо журнала, само существование которого сегодня возможно исключительно благодаря ему, он занимается еще и книгоиздательством. С завидным постоянством Владислав Леонидович переводит труды современных зарубежных ученых, издает их и распространяет среди российской интеллигенции. Читатели «Свободной Мысли» имеют возможность убедиться в этом, регулярно получая книги по почте, разумеется, совершенно бесплатно.

Хочется сказать еще об одном. В современной России найдется не так уж много главных редакторов журналов, которые работают над каждым номером своего издания (некоторые из них зачастую вообще не читают того, что издают). Еще меньше главных редакторов, которые одновременно являются и издателями, поскольку осознают, что дело это — абсолютно затратное. А еще меньше редакторов, не использующих свое издание для саморекламы или удовлетворения собственных амбиций. Крайне мало среди них и профессионалов, у кого можно постоянно учиться мастерству. И уж совсем немного таких, которые не только руководят коллективом, но еще и заботятся о нем, по-дружески принимая участие в решении любых проблем каждого сотрудника. Сочетание этих качеств — вообще исключение. Таким исключением и является наш Главный редактор, причем мы хотим подчеркнуть — *наш*.

Мы желаем Владиславу Леонидовичу счастья, крепкого здоровья и благополучия. Он многого достиг к своему сорокалетию, и впереди его ждут новые свершения. Мы в этом не сомневаемся. Мы верим в него.

С днем рождения, наш дорогой Слава!

*Петр Александров-Деркаченко
10 октября 2008 года*

«На нас сейчас лежит особая ответственность...»

Владимир Авдашевич Каламанов — постоянный представитель России при ЮНЕСКО, профессор, кандидат исторических и доктор юридических наук. Окончив МГИМО МИД СССР, он остался там на научную работу, а затем семь лет возглавлял Институт глобальных исследований. С 1996 года работает в правительственных структурах: в 1999—2000 годах руководил Федеральной миграционной службой РФ, в 2000—2002-м занимал пост спецпредставителя Президента Российской Федерации по обеспечению прав и свобод человека в Чеченской Республике. С июня 2002 года в дипломатическом ранге Чрезвычайного и Полномочного Посла представляет Российскую Федерацию при ЮНЕСКО. В 2007 году по предложению России в ЮНЕСКО была проведена конференция, посвященная проблеме альтернативных и возобновляемых источников энергии. В ней приняли участие министры энергетики 35 стран, и она вошла в семерку лучших конференций при участии ЮНЕСКО. Год спустя (летом 2008 года) решено было создать Энергетический центр по устойчивому развитию, который будет находиться в Москве. Об «энергетическом» направлении в работе ЮНЕСКО наш европейский корреспондент Вера Медведева и побеседовала с Владимиром Авдашевичем Каламановым.

— Для Европы вопрос возобновляемых и альтернативных источников энергии является сейчас одним из самых актуальных. Про Россию же обычно говорят, что ее огромные энергетические запасы просто не способствуют ни экономике, ни поискам новых подходов. Не были ли удивлены в ЮНЕСКО, когда именно Россия предложила организовать конференцию и центр?

— В ЮНЕСКО не просто удивились, у многих послов был легкий шок. Почему? Потому что мировому сообществу постоянно навязывается представление о России как о государстве, которое только добывает природные ископаемые. Несколько стран, и среди них Соединенные Штаты, выступали резко против создания энергетического центра именно в России. Полтора года длилась тяжелейшая дискуссия, и наконец консенсусным решением Исполнительного совета, а затем и Генеральной конференции ЮНЕСКО постановили, что международный центр по устойчивому энергетическому развитию будет организован именно в Москве. Я просто уверен: если бы Россия предложила создать какую-либо другую структуру по любому иному вопросу, в том числе и в рамках энергетики, это не вызвало бы никакого протеста и все бы спокойно прошло. Здесь же речь идет фактически о передовых технологиях — будущем планеты, поэтому всем было чрезвычайно важно, кто же будет играть ведущую роль в научных изысканиях и определении направлений развития.

Основная задача данного центра состоит в том, чтобы формировать среду, в которой были бы представлены не только производители и основные потребители энергии. Ведь перед человечеством сейчас стоят задачи глобального масштаба. Даже само определение понятия вида энергии как таковой и то нуждается в уточнении. Например, в понятие альтернативной энергии мы сегодня включаем прежде всего атомную энергетику, но это является слишком узким подходом. А что такое «возобновляемая энергия»? Если смотреть широко, то это целая вселенная, поскольку со временем все что угодно может стать источником энергии.

В будущем мы сможем избежать серьезных ошибок, наблюдаемых сейчас, лишь когда отслеживанием ситуации в энергетической сфере займутся не только основные страны-производители и потребители, но и представители развивающихся стран. Все согласны с тем, что энергетика существует ради людей. Но если ради людей, то давайте посмотрим, как она размещается с точки зрения потребления. И увидим, что США и африканские страны будто находятся на разных планетах с точки зрения энергообеспеченности!

— Ученые подсчитали, что если бы весь мир потреблял нефть, как американцы, то мировые запасы истощились бы уже лет через восемь, если бы как африканцы — то ее хватило бы на двести лет.

— Я далек от того, чтобы осуждать какое-то государство за то, что оно хорошо развивается и подает пример другим. Наоборот, если получилось у одной страны, то почему бы не получиться и у других? Мне бы хотелось вовлечь как можно больше стран и людей в обмен мнениями, для того чтобы проанализировать, куда именно нужно двигаться. Часто встречается убеждение, что африканские страны ожидают только прямых денежных вливаний. Мне же кажется, что это представление о них как о нахлебниках-потребителях неверно. Они хотят прежде всего получить доступ к новым источникам энергии, а вовсе не деньги на бедность. Африканские страны хотят принимать хоть какое-то участие в выработке решений. Как это можно организовать? Именно через центр по устойчивому развитию. Должны разрабатываться «белые книги» по направлениям исследований, должны осуществляться специальные обучающие программы. Пока Россия исключительно за свои деньги подготовила первые 20 программ, в следующем году их будет уже 100. Эти программы рассчитаны не на студенческий, а на аспирантский, то есть более высокий, уровень. Их применение даст возможность молодым исследователям уже в университетах начать конкретную работу по выработке позиций в энергетике с учетом интересов собственного государства.

— Когда-то в России был изобретен термоядерный реактор «Токамак», но почему-то не мы, а Франция догадалась объединить финансирование семи стран, чтобы построить на своей территории экспериментальный термоядерный реактор. Как Вы считаете, может быть, стоило создавать собственный?

— Здесь не все так просто. Ряд европейских стран относится крайне осторожно к размещению у себя ядерных объектов. Я, например, не представляю себе, чтобы с такой инициативой могла выступить, положим, Германия. Тем не менее мы все приветствуем усилия Франции по созданию экспериментального термоядерного реактора. Мне кажется, что российская позиция была верной, поскольку на данном этапе решается очень много задач внутри страны, но мы не отошли и от глобальных проектов. Этот центр не будет принадлежать Франции, и никаких опасений относительно приватизации ею этого объекта просто не существует. А вот ответственность на нее ложится высокая.

Так что основным вопрос здесь — не месторасположение термоядерного реактора, главное — чтобы этот проект реально заработал. И отдача отнюдь не гарантирована стопроцентно. Нужны многочисленные исследования в этом направлении, а результат может быть виден только в отдаленном будущем. У нас есть много других вопросов в энергетической сфере, которые требуют немедленного ответа, например обсуждается возможность размещения атомных реакторов на Ближнем Востоке. Наверное, прежде чем принимать такие решения, нужно обо всем очень хорошо подумать.

— *А существует ли какая-то общая позиция ЮНЕСКО по отношению к ядерной энергетике?*

— ЮНЕСКО не дублирует МАГАТЭ, но со своей стороны уже более 35 лет занимается вопросами альтернативной энергетики и возобновляемых источников энергии. Необходимость в изучении этих вопросов возникла в связи с кризисом 1970-х годов, но что касается ЮНЕСКО, то речь идет прежде всего о науке и исследованиях.

Мне кажется, было бы оптимальным, если бы организация и далее оставалась на уровне фундаментальных подходов к фундаментальной науке. Было бы неплохо заняться также и статистическими исследованиями, ведь в этом вопросе явно не хватает достоверной информации, поскольку зачастую данные преподносятся в выгодном разным странам свете. ЮНЕСКО должна также заниматься изучением влияния атомной энергетики, причем не только на окружающую среду, но и на человека. Я бы даже сказал, что необходимо пытаться задаваться вопросами на уровне «быть или не быть». После Чернобыля такой вопрос стал вполне актуальным: а нужно ли вообще создавать то, что может потенциально погубить человечество?

— *И каково Ваше личное мнение?*

— Я разговаривал со многими нашими известными учеными, в частности с Сергеем Капицей и Жоресом Алферовым. В результате у меня сложилось впечатление, что какого-то единого мнения по отношению к атомной энергетике сегодня не существует. Прежде всего потому, что сейчас наука стоит на пороге создания чего-то принципиально нового. Этим и объясняется нестыковка позиций ряда государств. Чего-то нового, чего ждут одни страны, пока не суще-

ствуется, и, соответственно, остается позиция других: давайте пока развивать то что есть, то есть атомную энергетику.

Совершенно очевидно, что на земном шаре есть немало мест, где без ядерной энергетики на сегодняшний день просто невозможно нормальное экономическое развитие. Это, кстати, относится не только, например, к тем частям Европы, где наблюдаются проблемы с энергетическими ресурсами, но и к ряду российских регионов, где отсутствует все необходимое, в том числе и питьевая вода. Ее приходится опреснять достаточно затратными методами, а для всего этого нужна энергия. Так что пока, очевидно, без атомной энергии не обойтись.

Если же говорить о так называемых возобновляемых источниках энергии, в частности об использовании силы ветра, то здесь у меня неоднозначное отношение. Многие экологи рассказывали, что ветряные двигатели наносят колоссальный вред миграции птиц. Из-за них стаи могут поменять направление, а это означает, что резко возрастают риски гибели птиц, ведь они сбиваются с привычного курса и не рассчитывают силы. Поэтому, наверное, невозможно говорить, что в природе существует какой-то абсолютно «чистый» источник энергии. Нужно говорить корректно, и речь должна идти о снижении уровня нанесения вреда окружающей среде, а не о провозглашении какого-то направления энергетики полностью «экологически чистым».

Я не специалист в физике, но многие говорят, что от ветряных двигателей начинают меняться электромагнитные поля, что также очень опасно. А ведь еще несколько лет назад использование силы ветра представлялось чуть ли не самой экологичной альтернативой традиционным источникам энергии. И наоборот, все ругали торф. А сейчас считается, что торф чрезвычайно выгоден с точки зрения не только экономики, но и экологии. Оказалось, что, если не разрабатывать торфяные болота, мы каждое лето будем получать в том же Подмосковье пожары. Так что по отношению к энергетике все очень сложно и неоднозначно. Нужны серьезные исследования, которыми и должен заниматься международный центр по устойчивому энергетическому развитию.

— Распространение ядерной энергетики в мире практически неизбежно, но при этом очень трудно проследить, не будет ли полученный опыт потом использоваться для создания ядерного оружия. Как Вы относитесь к предложению Саркози о передаче Ирану технологий для создания атомных станций под контролем мирового сообщества?

— Должен Вас поправить, поскольку то, что сказал Николя Саркози, было давным-давно озвучено Россией. Просто его позиция сблизилась с российской. Но одно дело — говорить, а другое — жонглировать санкциями или угрозами санкций. Конечно, обсуждение этих тем — прерогатива не ЮНЕСКО, а скорее ООН и МАГАТЭ, тем не менее лично мое мнение таково: чем больше появится новых энергетических возможностей, тем лучше, причем не только в ядерной энергетике. Россия, в частности, могла бы предложить Ирану и другие технологии для производства электроэнергии, поскольку у Ирана много и нефти,

и газа. Считается, что теплоэлектростанции, работающие на газе, экологически достаточно чистые, практически не дают вредных отходов и, в отличие от атомной энергетики, с ними не связаны дополнительные риски. Конечно, во всех вопросах, связанных с энергетикой, очень много политики. И все, что касается Ирана, довольно далеко от науки, которой должна заниматься ЮНЕСКО, и ближе к сфере Министерства иностранных дел.

— ЮНЕСКО нередко ставит вопросы, которые вначале кажутся далекими от жизни, а потом оказываются чрезвычайно актуальными. Какой из таких вопросов особо запомнился Вам за последнее время?

— Могу сказать, что во время генеральных конференций у нас всегда проходят «круглые столы», где принимают участие известнейшие мировые ученые, некоторые из них являются нобелевскими лауреатами. И каждый раз во время дискуссий поражаешься глубине подходов к той или иной проблеме. В частности, во время обсуждения вопроса по биоэтике Капица задался вопросом: когда вообще можно считать человека человеком? С момента зачатия или с момента рождения? И такого рода вопросы отнюдь не праздные, ведь они напрямую связаны с правами человека. Для того чтобы защищать эти права, нужно понимать, когда именно мы говорим о зарождении жизни и появлении собственно человека.

По этому вопросу состоялась очень большая дискуссия, ведь все чрезвычайно сложно. И когда кто-то потребовал принять конвенцию по биоэтике, было очевидно, что существуют значительные расхождения даже в базисных понятиях. Какая может быть конвенция, когда не решен принципиальный вопрос относительно того, что вообще считается определением жизни? Зачастую говорится одно, а подразумевается совершенно другое. Кто-то должен об этом думать, в том числе и о самих терминах. И наверное, ЮНЕСКО — наиболее подходящая структура для решения этого вопроса.

Если вернуться к энергетике, то здесь также возникают серьезные проблемы, которые нуждаются в обсуждении, например энергетика и бедность. Я являюсь доктором наук в другой, неэнергетической, области, однако просто настаиваю на том тезисе, что в современном мире любая бедность является прежде всего последствием энергетической бедности. Отсутствие не каких-то продуктов, а энергии — вот что лежит в основе бедности. Как можно обеспечить население продуктами без тракторов, механизмов по переработке, без транспортировки в различные районы? Когда есть энергия, проблемы с обеспеченностью питанием решаются гораздо легче.

Идем дальше. Бедность — это в том числе и отсутствие должного образования. А можно ли поднять образование в стране, в которой наблюдается огромная детская смертность и отсутствует самое необходимое? И опять получаем, что в основе всего — обеспеченность энергией.

Часто пытаются понять, почему разрыв между богатыми и бедными странами за несколько последних десятилетий стал еще более огромным. Мое личное мнение заключается в том, что развитие государства слишком забежали вперед

с точки зрения IT-технологий. В частности, в Соединенных Штатах существенная часть национального продукта создается за счет виртуальных технологий. И все начали думать, что материальная составляющая экономики становится менее важной. Сейчас же именно реальный сектор выходит на первый план. Вспомните: стоило только объявить о намерении использовать некоторые продукты для производства биотоплива, как сразу же цены на всем мировом продовольственном рынке пошли вверх. Причем, как известно, это сделала не Россия, а конкретно американский президент. Именно после его выступления в Бразилии, когда он сказал о возможных крупных закупках, рынок моментально среагировал.

Я задаю только один вопрос: как будем действовать дальше — по прецеденту или, может быть, все-таки начнем сначала думать, а потом действовать? Разные организации разрозненно занимаются энергетическими вопросами и их влиянием на остальные сферы жизни, но нужны полномасштабные исследования при участии международных экспертов. И, возможно, тогда нам объяснят: отчего же все-таки в ряде регионов мира никак не удается победить голод, почему растут цены на сельскохозяйственную продукцию, почему никак не удается искоренить бедность?

С большой помпой выделяются миллиарды долларов на образовательные программы в развивающихся странах. Но, сколько ни давай, это не решает принципиальных вопросов. Мы постоянно твердим о необходимости повышать уровень преподавательского состава в этих странах, но о чем можно говорить, если подавляющее большинство детей воспитываются в сложнейших условиях? Никакие усилия по повышению образовательного уровня не помогут, если не будет повышаться общий уровень жизни, а одним из непеременных условий такого повышения является обеспеченность энергией. Иначе просто не будет базы, на которой можно выстраивать все остальное. Даже в собственной стране, России, мы еще не решили полностью проблему газификации регионов. Это сейчас один из принципиальных вопросов. И нам нужно прежде всего думать о собственной стране, а не о постоянном наращивании экспорта энергоносителей.

— Когда-то наш император Александр III написал в своем манифесте, что Россия должна прежде всего заботиться о себе и о своих интересах. Как Вы считаете, это время наконец наступило или пока еще нет?

— Я воспитывался на книгах наших известнейших историков (Ключевского, Тарле, Карамзина) и могу сказать, что никогда на Руси не было правителей, которые бы в первую очередь думали о согражданах. И мне кажется, что только недавно это положение начало меняться. Может быть, здесь даже уместно употребить слово «бум» по отношению к затратам на потребности собственного населения. О людях стали не просто много говорить, но и много для них делать. А люди хотят еще большего — и это нормально.

Если сравнивать Россию с развивающимися странами, то они просто никак не могут конкурировать с нами с точки зрения, например, пенсионного обе-

спечения. Все знают, как быстро развивается Китай, но забывают, что там практически отсутствует нормальная система социального обеспечения в нашем понимании этого слова. А теперь представьте: если в китайский бюджет внести выплату пенсий всем китайцам — какая это будет нагрузка на бюджет?!

Конечно, в России пока огромное количество проблем, но по подходам к социальной сфере мы являемся вполне европейской державой, хотя еще не дотягиваем до их стандартов. И я очень рад, что наконец-то на уровне нашего руководства существует понимание того, что страну можно считать развитой не только, когда растет ее экспорт, но прежде всего — когда растут зарплаты, пенсии и социальная помощь.

— Россия решает внутренние проблемы, однако европейские политики нередко пытаются реагировать на придуманные российские угрозы. Например, недавно на одной из конференций я услышала, что все-таки нужно построить нефтепровод «Набуко», поскольку, даже если по нему не пройдет ни капли нефти, все равно он пригодится, чтобы влиять на Россию. Почему так происходит?

— К сожалению, стереотипы по отношению к нам никуда не делись. Россия сама очень сложно расставалась со многими догмами, но все-таки сбросила с себя тяжелейшую ношу в виде блокового мышления и других старых подходов. Сейчас мы выстраиваем новую систему взаимоотношений, и нам хочется быть интегрированными на самом высоком уровне, причем не только политическом, но и технологическом, что позволит развиваться более поступательно. И принципиальной ошибкой является стремление представить Россию как страну, против которой нужно принимать какие-то заградительные меры.

Меня удивляют также разговоры, будто Россию победили в «холодной войне». Нас никто не побеждал. Нашему собственному руководству стало очевидно, что нужно кардинально менять направление развития, поскольку мы увидели ряд тупиков в системе, в которой находились. При этом Россия поступила совершенно демократично: она не пыталась удержать кого-то силой, мы дали возможность отделиться всем республикам и не навязывали свои представления странам бывшего Варшавского блока.

Надеюсь, мы останемся со всеми в дружеских отношениях и единое пространство сохранится, но совершенно точно можно сказать: без России многим приходится достаточно тяжело. А Россия как была, так и осталась великой державой. И мы не будем перечеркивать советское прошлое. Конечно, в нем были и минусы, но если мы начнем говорить о таковых в истории Великобритании или Франции, то найдем их также немало. А стоит ли начинать их искать?

Иногда серьезно задевают просто-таки настойчивые попытки переписать историю. В Совете Европы это делается на политическом уровне, а в ЮНЕСКО — уже и на научном. Самый яркий пример — детские учебники. Например, сейчас Польша и Германия создают совместный учебник. Зададимся вопросом: они что, являлись основными действующими лицами во Второй

мировой войне? И нас, конечно, очень интересует, какой же получится учебник у этих стран.

Сейчас повсеместно наблюдаются страшное искажение истории и битва за умы детей. Все сфокусировалось в этом сегменте. Нам нельзя прятать голову в песок, делая вид, будто мы ничего не замечаем. Наоборот, нам брошен вызов, и на него нужно адекватно отвечать. На «холодной войне» многие зарабатывали хорошие деньги, да и сейчас под предлогом «защиты от России» тоже осваиваются немалые бюджеты. Например, не так давно Швеция активно обсуждала увеличение расходов на оборону под тем предлогом, что их военные настаивали на необходимости быть всегда готовыми к отражению «российской военной угрозы». К такого рода проявлениям нужно относиться спокойно, но давать свои адекватные политические ответы. Нужно перестать задавать вопросы нашим партнерам, почему они так поступают; необходимо, чтобы они нам давали ответы. А так мы сможем себя вести только тогда, когда не просто станем сильными, но и точно будем знать, каковы наши собственные цели.

Скажу по собственному опыту. Меня никогда не страшат задачи, которые нужно решать, — даже если они являются чрезвычайно сложными. Намного труднее действовать, когда цель размыта и неопределенна. Мне кажется, сейчас Россия как раз и стоит на пороге окончательного формулирования своих долгосрочных целей и задач. И разрозненные попытки обрисовать будущее России должны превратиться в единую философию. На этом пути уже достигнута важная психологическая победа, которая заключается в осознании российским народом существенного факта: мы — великая держава.

Мы равны с другими нациями, но в силу масштабов нашей страны, ее культурных и научных достижений на нас лежит особая ответственность. При всем уважении к другим странам нам нужно помнить, что Россия дала миру совершенно фантастические «школы» в областях искусства, науки, образования. В принципе в России мы наблюдаем эпоху возрождения и воскрешения чувства собственного достоинства.

Что же касается многочисленных попыток принизить роль России или в чем-то ее обвинить, то, мне кажется, в виде ответа на все это должно появляться больше исторических книг и фильмов, которые бы доносили до жителей других стран нашу точку зрения. Думаю, один талантливый исторический фильм, который бы вышел в прокат по всему миру, принес бы нам больше имиджевых дивидендов, чем финансирование различных российских структур, занимающихся изучением недостатков западных демократий. Прекрасный фильм снял недавно наш режиссер Сергей Бодров, который был даже номинирован на «Оскар». Но неужели в российской истории не было своих интересных и, что там говорить, менее неоднозначных персонажей, чем Чингисхан? Фильм про монгола посмотрел полмира, а ничего сравнимого российского на мировых экранах давно не появлялось.

Долгое время, особенно в 1990-е годы, слово «патриот» было чуть ли не ругательным. Хуже того, для интеллигента существовала опасность при демонстри-

ровании своего патриотизма попасть в список недалеких людей. Для многих либералов вообще было традиционным прокламирование того, что «родина там, где мне хорошо». К счастью, этот бред сейчас исчезает. И я Вам скажу, что в такой международной организации, как ЮНЕСКО, прекрасно видно, что представители различных государств не стесняются быть патриотами своих стран и отстаивать их позицию. Более того, зачастую они не стесняются заниматься нравочениями по отношению к России. За шесть лет моего пребывания в ранге полномочного посла при ЮНЕСКО нам удалось сделать так, чтобы на заседаниях Исполнительного совета организации никому не пришло в голову начинать поучать Россию.

— Год назад ЮНЕСКО приняла антидопинговую конвенцию. Это была российская идея, и при этом утверждение Вячеслава Фетисова, человека с безупречной репутацией в спорте, на пост руководителя конвенции происходило достаточно сложно. Наверное, странам — членам ЮНЕСКО было непросто отдать приоритет именно России?

— Мы гордимся тем, что конвенция реально заработала и что первым ее председателем стал именно российский представитель, хотя на этот пост действительно претендовали очень многие. Хотел бы отметить, что само понятие конвенции означает не какую-то застывшую форму, а некий процесс, к которому присоединяются новые члены, и расширение сферы ее деятельности. В частности, эта конвенция не только занимается борьбой против применения допинга, но и отслеживает трафик анаболических стероидов, который сейчас по масштабам сравним с наркотрафиком. Кроме того, ставятся задачи по созданию центров для обучения молодых спортсменов. Рассматриваются даже проекты по организации центров олимпийского резерва в развивающихся странах, что, конечно, чрезвычайно важно, ведь там уж точно анаболиков не будет.

Россия являлась одним из инициаторов этой конвенции, и активная работа в ней нам чрезвычайно важна с точки зрения имиджа. И разумеется, при организации центров мы будем настаивать на привлечении российских специалистов, что, помимо всего прочего, означает и большее распространение русского языка, и лучшее ознакомление мирового сообщества с российскими достижениями.

— А каково положение России по сравнению с другими странами с точки зрения использования допинга?

— Такие данные можно найти в Международном антидопинговом агентстве, но я бы не ставил вопрос, кто больше употребляет допинга, кто меньше. Даже жизнь одного человека — это уже Вселенная. Но, конечно же, страны, на Олимпийских играх входящие в первую десятку, всегда больше подвержены соблазну улучшить результаты своих спортсменов за счет запрещенных средств. Они более других нацелены на достижение победы любой ценой. И американ-

цы, и мы, и ряд западноевропейских стран, и Китай — везде проблема допинга стоит достаточно остро.

Самая большая опасность здесь исходит от тренеров. Некоторые исследования показывают, что многие юные спортсмены в возрасте до 10 лет уже отравлены анаболическими веществами. Иногда во время обсуждения этой проблемы проскакивают фразы, будто уже трудно найти «чистых» детей-спортсменов. Чтобы не травить наших детей, нужно прежде всего начинать с тренеров. Только тогда дети будут защищены.

— Недавно родилась новая программа, которая должна дать возможность детям разных стран побывать в качестве зрителей на Олимпийских играх. Кто ее предложил?

— Эта инициатива появилась в Спортивном информационном агентстве Олимпийского комитета России. Генеральный директор ЮНЕСКО Коитиро Мацуура воспринял ее чрезвычайно позитивно. Планировался приезд 4 тысяч детей со всех континентов уже на Пекинскую олимпиаду. Мы все знаем, что Олимпийские игры — это не только спорт, но и стремление к достижению таких идеалов, как толерантность, дружба, отсутствие агрессии и т. д. Все эти идеалы продекларированы и в учредительных документах ЮНЕСКО, поэтому, конечно, данная программа очень близка целям нашей организации.

— Россияне считают, что у нас в образовании кризис. Французы, чья система всегда занимала одно из первых мест в мире, тоже убеждены, что находятся в кризисе. Так на кого нам ориентироваться в образовании?

— Наибольшую долю своего времени и ресурсов ЮНЕСКО направляет на проекты, связанные с образованием. Иногда считают, что ЮНЕСКО больше занимается культурой, но это не так. Вполне можно сказать, что ЮНЕСКО — это в первую очередь образование, а уже потом идут вопросы науки, культуры, коммуникации и информации.

Если же вернуться к Вашему вопросу относительно кризиса, то могу сказать, что сейчас наблюдается некое переосмысление всех подходов. Мы видим, что образование стало товаром, на нем делаются большие деньги. Например, в прошлом году в Соединенных Штатах оборот системы высшего образования достиг 100 миллиардов. На наших глазах возникают совершенно новые виды образования, например дистанционное. Кроме того, в ряде гуманитарных наук, особенно в истории, наблюдается стремление подогнать факты под идеологию, наиболее четко это сейчас видно на примере восточноевропейских стран.

Однако, прежде чем заниматься конкретными проблемами, нужно дать ответы на базовые вопросы. А что такое образование? Обычно считается, что это — некий набор ценностей, которые должен постичь человек. Но кто определяет этот набор? Я Вам приведу такой пример. Дважды проводили мировой

опрос, чтобы определить самых известных писателей. И ни разу в окончательный список по миру не попадали ни Толстой, ни Достоевский, а лучшим писателем, с точки зрения большинства опрошенных, считается Сервантес! Я далек от мысли, что Сервантес по своему вкладу в литературу выше, чем Толстой, но эти опросы отразили только одно: в мире преобладает испаноязычное население. Так что само понятие необходимого набора знаний, чтобы считаться образованным человеком, далеко неоднозначно.

Здесь очень много вопросов, и считаю, что будущее ЮНЕСКО — это межсекторальные программы, способные сформировать базу, на которой впоследствии и должны строиться разные системы. Просто фиксировать проблемы я бы не стал и употреблять слово «кризис» по отношению к образованию — тоже. Точнее было бы говорить о переосмыслении функций. И мое глубокое убеждение заключается в том, что в этом процессе не нужно ни на кого специально ориентироваться; нужно просто собраться и обдумать, как нам развивать свое образование дальше на основе наших собственных исторических и образовательных традиций и нашего менталитета. Совершенно не стоит шарахаться из стороны в сторону, копируя сегодня одних, а завтра других.

Сейчас у нас проходит огромное количество дискуссий, куда и как дальше развивать образование. Не меньшее внимание уделяется и вопросам образования в мире: так, именно Россия инициировала включение образовательной проблематики в число приоритетных тем саммита «Группы восьми» в Санкт-Петербурге, чего до нас не делал никто. Другими словами, с точки зрения внимания к проблеме образования вообще и к программам ЮНЕСКО в частности мы сами можем служить примером.

— Когда во Франции президентом избрали Саркози, некоторые российские политологи предрекали ухудшение отношений между нашими странами. Вы это заметили?

— Наверное, на этот вопрос должны отвечать представители нашего Министерства иностранных дел, я же могу сказать просто как гражданин Российской Федерации, который в силу своей работы провел шесть лет в Париже. При ЮНЕСКО работает постоянный представитель Франции. Обычно этот высокий пост занимает очень опытный политик. Я все время внимательно наблюдал за позицией Франции и могу сказать, что она отличается от того, как эта страна формирует двусторонние отношения с Россией.

Франция многолика в зависимости от проблем, которые перед ней стоят. По своему образованию я являюсь специалистом по Соединенным Штатам, и Франция была для меня несколько иным миром. Помимо многоликости я бы отметил ее чрезвычайную прагматичность.

Мое глубокое убеждение заключается в том, что независимо от смены политического руководства эта страна продолжает базироваться на принципах, выработанных ею десятки лет назад. Среди них, в частности, — особая пози-

ция Франции по отношению к Соединенным Штатам, которая позволяет ей сохранять «автономию» при принятии отдельных решений; особая европейская позиция и особые взаимоотношения с Германией. Все вопросы, связанные с любым сотрудничеством с Германией, являются чрезвычайно важными для Франции.

Мы, российские представители, с уважением относимся к этой позиции, но не более того. И в ЮНЕСКО при принятии решений никогда не руководствовались тем, какие у нас отношения с данной страной на данный момент. Главным является непосредственное содержание того или иного проекта. Какую выгоду или какой ущерб это принесет России — вот на что мы стараемся обращать внимание. Когда это было возможно, мы вели себя на переговорах мягко. Но когда требовалось, достаточно жестко критиковали и настаивали на своей позиции.

Скажу честно: зачастую наша позиция французскими послами при ЮНЕСКО воспринималась сдержанно. Многие не нравились. Вместе с тем за эти годы резких изменений в политике Франции я не наблюдаю. Все совершенно логично и достаточно предсказуемо, а это очень важно, поскольку ясно, чего именно они хотят и куда идут. Поэтому внутри международной организации поведение Франции при новом президенте не меняется.

Кавказский узел мировой политики

Начавшаяся в ночь с 7 на 8 августа 2008 года Пятидневная война была спровоцирована вооруженным нападением Грузии на непризнанную Республику Южная Осетия. На ее защиту, как и на защиту другой, де-факто независимой, но формально входившей в состав Грузии Республики Абхазия встала Россия. Война кардинально преобразила ситуацию как на Кавказе, так и во всех других регионах бывшего Советского Союза. Внесла она изменения и в мировой порядок, поменяв место России в нем. Пережив, по словам ¹ С.м. «Настоящая война». — «Время новостей». 08.09.2008. российского президента, «момент истины»¹, наше государство фактически впервые за всю постсоветскую историю проявило решимость, определив собственные международные приоритеты, и перешло от риторики и политических шагов к конкретным действиям. Направлены они в числе прочего на создание на постсоветском пространстве новой реальности, которая, как полагают в России, позволит минимизировать многие риски и угрозы.

Что же представляет собой кавказский пейзаж после неостывшей еще битвы? В чем состоят интересы и приоритеты в Закавказье (или на Южном Кавказе, как стали именовать этот регион после распада СССР) России и других международных игроков? Каковы уроки Пятидневной войны и перспективы России на этой части постсоветского пространства?

Кавказ в системе глобальных международно-политических взаимосвязей

Кавказ давно находился в фокусе пристального международного внимания. Такой интерес к региону обусловлен рядом факторов.

Во-первых, через него пролегал несколько маршрутов транспортировки каспийских энергоносителей; запланировано строительство новых трубопроводов. В ЕС и США они рассматриваются не только в качестве важного ресурса мировой экономики, но и как объект геополитики, средство избавления от пресловутой энергетической зависимости от России и один из способов доминирования в Евразии.

МАЛЫШЕВА Дина Борисовна — главный научный сотрудник Института мировой экономики и международных отношений РАН, доктор политических наук.

Во-вторых, географически приближенные к Ирану и Черноморско-Каспийскому бассейну, закавказские республики — удобный стратегический плацдарм для сдерживания или же возможного силового давления на Исламскую Республику Иран (ИРИ), противостояние с которой продолжают западные страны.

В-третьих, с кавказского направления, особенно из Грузии, которая после «революции роз» находится под внешним (американским) управлением, подкрепленным де-факто натовским военным присутствием, можно контролировать российскую территорию, управлять в какой-то мере процессами (политическими, этническими, религиозными) в ее Южном федеральном округе. Это несомненно представляет серьезный вызов безопасности и территориальной целостности Российского государства.

Кавказ в целом — это отсталый и слабо развитый по мировым меркам регион. В советские времена наряду со среднеазиатскими республиками он служил каналом крупномасштабной перекачки национального дохода союзного государства. Три независимые республики Закавказья — Азербайджан, Армения и Грузия — получили от СССР достаточно тяжелое наследство: конфликты, проблему беженцев, экономическое разорение. Но все они сумели сделать необратимым процесс нацистроительства, заложить основы работающей экономики. Азербайджан добился наибольших успехов во многом благодаря имеющимся естественным ресурсам (нефти и газу). Армения в силу объективных обстоятельств (главным из которых является блокада) в экономическом развитии преуспела меньше. Развитие Грузии, пережившей за постсоветскую историю несколько гражданских войн и переворотов, но подававшей в последние годы признаки экономического и политического выздоровления, прервано в августе 2008 года очередной войной. Теперь республике предстоит еще долго оправляться от этого крупного потрясения, усугубленного общей внутривнутриполитической неустойчивостью.

Все закавказские государства, включая участницу Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) Армению, благосклонно относятся к идее сотрудничества с США, Евросоюзом и НАТО, а игра на противоречиях между Москвой, Вашингтоном, европейскими столицами давно является компонентом их внешней политики. При этом только Грузия добровольно и с видимой охотой стала проводницей чужих интересов, связанных в числе прочего с выдвиганием России из региона.

Американский и западный капитал активно участвует в развитии нефтегазового потенциала прилегающих к Каспию кавказских республик; со стороны западных экономических и финансовых корпораций оказываются и другие виды помощи на много- и двусторонней основе. Вместе с тем далеко не всегда эта помощь направлена на поддержку экономического роста в странах-реципиентах. Чаще всего она связана с реализацией целей самих доноров, а также местных правящих элит, для которых игра на реальной, а порой и виртуальной международной конкуренции представляет серьезный ресурс для политического выживания.

Конфликты в Закавказье оказали дестабилизирующее влияние на всю региональную обстановку. К тому же между двумя «Кавказами» — российским Се-

верным и зарубежным Южным — имеется тесная взаимосвязь; по сути, они не отделимы друг от друга. Грузино-югоосетинский конфликт начала 1990-х годов привел к появлению беженцев-осетин в Пригородном районе Северной Осетии и обострению здесь конфликта между осетинами и ингушами, в результате чего значительное число ингушей превратилось в беженцев. Грузино-абхазский конфликт инициировал в свое время волнения адыгских народов Северного Кавказа, стимулировал сепаратистские процессы. Армяно-азербайджанский конфликт увеличил поток мигрантов на юг России, где возникла напряженность в межэтнических отношениях. В свою очередь в прошедшую войну в Чечне, усилившую кавказофобию на юге России и в ее европейском центре, косвенно оказались вовлеченными Грузия и Азербайджан. Накаляют атмосферу в регионе неурегулированные армяно- и курдско-турецкие противоречия.

Справедливо и другое: переговоры о статусе «самоопределившихся» давно зашли в тупик. Трудно было не заметить объективных обстоятельств этого, а именно — изменившегося в ходе прошедших войн этнического баланса во всех закавказских республиках и ставшего необратимым процесса продвижения народов Абхазии, Южной Осетии и Нагорного Карабаха по пути реализации идеи национального самоопределения. Вернуть там политическую ситуацию к исходному состоянию без кровопролития едва ли представлялось возможным.

В предчувствии войны

К лету 2008 года в мировой политике и внутрикавказской ситуации произошли серьезные изменения. Благодаря «утяжелению» роли энергетического фактора в международных отношениях повысился статус России — единственной «углеводородной державы», обладающей ядерным оружием. Произошло размежевание России с Западом по ряду важных международных вопросов. Этому способствовали «продавленный» США и ЕС в феврале 2008 года косовский прецедент, с которым не согласилась Россия; новые усилия по расширению НАТО на восток; размещение в Восточной Европе третьего позиционного района глобальной ПРО США; несоблюдение Договора об обычных вооруженных силах в Европе. Вопреки возражению России была развернута активная кампания по предоставлению Грузии и Украине на предстоящем в декабре 2008 года саммите НАТО Плана действий по членству в этой организации, расцененной Москвой как пренебрежение ее интересами на постсоветском пространстве и подготовка к перекройке там всей системы безопасности.

Обострились до предела и без того непростые отношения режима М. Саакашвили с Россией. Тбилиси начал открыто угрожать дестабилизацией в российско-кавказском приграничье, срывом предстоящей Олимпиады в Сочи. Несколько прогремевших в этом городе и его окрестностях взрывов добавили нервозности в межгосударственные отношения, при том что в России были почти уверены в причастности Грузии к этим событиям. С грузинской стороны участились вооруженные провокации в отношении населения Южной Осетии и Абхазии, а также российских миротворцев.

В этой напряженной атмосфере к внутрикавказским спорам активно подключились нерегиональные игроки. Речь идет о дипломатическом наступлении летом 2008 года США и ЕС, решившихся «разморозить» замороженные конфликты. Американские и европейские политики (где угрозами, а где обещанием финансово-экономической помощи) попытались — и порой безуспешно — склонить на свою сторону отдельных представителей «элиты» так называемых непризнанных, применив старую, как мир, тактику «разделяй и властвуй».

Один из посредников в процессе урегулирования карабахского конфликта, сопредседатель Минской группы ОБСЕ с американской стороны М. Брайза предложил план, согласно которому из семи районов вокруг Нагорного Карабаха надлежало вывести армянские войска. Их место должны были занять «международные миротворцы», которые обеспечили бы возвращение переме-

² См. <http://www.regnum.ru/news/1036119.html/04.08.2008>

щенных лиц и беженцев; одновременно предполагалось создать коридор, соединяющий Армению и Нагорный Карабах². Для США важно было, во-первых, добиться в свете предстоящих в ноябре 2008 года собственных президентских выборов хоть каких-то внешнеполитических прорывов на фоне провальных миссий в Афганистане и Ираке. Во-вторых, они постарались воспользоваться активизацией в Армении оппозиции и, в-третьих, намеревались использовать для давления на азербайджанское руководство президентские выборы в этой стране. Задача американцев, казалось, облегчалась тем, что закавказские лидеры панически боялись сценария «цветной» революции, которую, как они подозревали, Вашингтон способен был организовать.

Переговорный процесс пошел и в Грузии. В то время как с официальным Тбилиси плотные контакты поддерживала администрация США, в Южной Осетии и Абхазии функцию «добраго полицейского» взял на себя Евросоюз. Его делегация провела 15–17 июля переговоры с абхазскими лидерами. Позднее Германия в качестве механизма урегулирования нарастающей напряженности в отношениях между Тбилиси и Сухуми предложила очень разумный план, названный по имени его создателя — министра иностранных дел ФРГ Ф. В. Штайнмайера. Германский план, получивший, кстати, позитивную оценку высшего российского руководства, предусматривал три этапа: подписание грузинской и абхазской сторонами соглашения о неприменении силы и начало

³ См. А. Серенко. Российско-германская «Антанта». — <http://www.rian.ru/analytics/20080724/114838168.html>

процесса возвращения грузинских беженцев в Абхазию; восстановление непризнанной Абхазской Республики на средства стран-доноров; рассмотрение в неопределенной временной перспективе вопроса о статусе Абхазии³.

Но администрация США вела в регионе собственную игру, решив, видимо, форсировать в последний год пребывания Дж. Буша у власти прием Грузии в НАТО. Она-то скорее всего и дала грузинскому руководству карт-бланш на решение его внутренних проблем, чем Тбилиси не замедлил воспользоваться.

Весь июль 2008 года США проводили совместные учения с грузинской армией под кодовым наименованием «Мгновенная реакция». Профинанси-

рованы они были Пентагоном, а спланированы Восточным командованием Вооруженных сил США. Учения должны были продемонстрировать России, что отныне Грузия — сфера влияния США и Вашингтон готов приложить значительные усилия ради сохранения достижений «революции роз».

Москва ответила на эти вызовы новой тактикой. Абхазия и Южная Осетия были фактически объявлены зоной национальных интересов России. Был пересмотрен механизм взаимоотношений с Абхазией, предполагающий фактическое включение мощностей республики в систему снабжения олимпийской инфраструктуры в Сочи и расстановку новых акцентов в региональной энергетической политике. С помощью России было восстановлено и железнодорожное сообщение с Сухуми. Жители обеих, тогда еще непризнанных, республик, в большинстве своем обладавшие российскими паспортами, стали рассматриваться как граждане России. Соответственно, Россия приняла на себя дополнительные обязательства по их защите.

Итог российско-грузинской конфронтации известен: в рамках военной операции по принуждению к миру Россия силой остановила грузинскую агрессию в Южной Осетии и обезопасила затем Абхазию от возможного нападения со стороны разбушевавшейся «метрополии». Россия признала 26 августа в качестве независимых государств эти автономии, фактически давно находившиеся в «самостоятельном плавании» и вышедшие из-под подчинения Тбилиси.

Хотя это действие было закономерным ответом на признание Западом независимости Косова, отношения России с США, НАТО и некоторыми членами Евросоюза стали еще более напряженными. Грузия в свою очередь и вовсе разорвала с Россией дипломатические отношения. Посредничать между странами вызвался Н. Саркози, президент Франции, председательствовавшей на тот момент в ЕС. Он и договорился 12 августа с Д. Медведевым о «шести принципах», призванных обеспечить гарантии безопасности Южной Осетии и Абхазии. После новых переговоров в Москве 8 сентября президентов России и Франции ответственность за неповторение грузинской агрессии против любой из этих республик возложена Россией на международные присутствия, поскольку именно Евросоюз взял на себя роль главного гаранта принципа неприменения силы. Во исполнение этого решения ЕС направляет в Грузию 200 наблюдателей.

Если бы предпринятый тбилисским режимом 8—12 августа 2008 года блицкриг в Южной Осетии силами экипированных и натренированных американонатовскими инструкторами грузинских военных достиг целей, для России это имело бы катастрофические последствия. Помимо утраты важных геополитических позиций в Закавказье и контроля над энергопотоками конфликт мог бы стать детонатором нового осетино-ингушского конфликта, обострения ситуации в Дагестане и Чечне. Началась бы цепная реакция, после которой российский Северный Кавказ быстро вернулся бы в состояние 1999 года. Авторитет высшего политического руководства страны был бы резко подорван, и восстановить его было бы очень трудно.

Далеко не факт, что Грузию не ждет в будущем новая внутривнутриполитическая дестабилизация, которую вызовет неизбежная борьба за власть. Но это уже мало

изменит представления о Грузии как о «больном человеке» Кавказа. Ведь именно грузинская правящая элита несет главную ответственность за созданные ею региональные дисбаланс и нестабильность. Более того, активным вовлечением в собственные дела (в решение конфликтных ситуаций, во взаимоотношения с Россией и проч.) нерегинальных игроков власти Грузии приоткрыли окно в мир куда более масштабной военной катастрофы, нежели та, что произошла в Южной Осетии в августе нынешнего года.

Продолжение Большой энергетической игры

То, что энергетическая геополитика обусловила позиции в Закавказье внешних игроков, сомнению не подлежит. Однако Пятидневная война внесла в эту сферу серьезные коррективы. Появилась неопределенность в отношении жизнеспособности разрекламированного и во многом политизированного трубопроводного проекта Баку—Тбилиси—Джейхан, который был сдан в эксплуатацию в 2005 году при финансировании и открытой политической поддержке США. Хотя этот трубопровод до августовских военных действий в Южной Осетии не отличался особой рентабельностью из-за его незаполняемости, он имел для США двойное значение: ослаблял нефтяное преимущество России на мировых рынках и замещал в какой-то мере нефть изолированного Ирана. Пятидневная война продемонстрировала миру уязвимость и других стратегических экспортных маршрутов (например, Баку—Супса), идущих через Кавказ на Запад через ставшую такой ненадежной грузинскую территорию.

Усложнилась ситуация и для Европы, поскольку ее усилия, направленные на диверсификацию поставок энергоносителей и снижение зависимости европейского континента от растущего влияния «Газпрома», оказались подорванными умелой игрой Москвы. Есть и более отдаленные последствия Пятидневной войны: если после 2001 года казалось, что Соединенным Штатам и их союзникам в Европе удастся утвердиться в Центральной Азии, потеснив оттуда Россию и «освободив» евразийские транспортные и энергетические коридоры от ее влияния, то теперь эта задача усложнилась. Другое дело, что ограничением возможностей Запада не преминет воспользоваться растущий азиатский гигант — Китай, достаточно уверенно осваивающий в последние годы Центральную Азию и российский Дальний Восток. Но это будет уже проблемой центрально-азиатских государств и России, которая надеется, несмотря ни на что, использовать для конструктивного взаимодействия с Китаем переговорную площадку Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), куда Россия и КНР входят наравне с четырьмя центрально-азиатскими государствами.

После того как Москва силой отреагировала на грузинское вторжение в Южную Осетию, а затем признала независимость двух бывших регионов Грузии, на Западе стала активно муссироваться идея цепной реакции. Дескать, после Цхинвала и Сухуми Россия возьмется за третью непризнанную республику — Нагорно-Карабахскую, и у Азербайджана есть теперь основания бояться военной операции России, аналогичной южноосетинской и направленной на поддержку

независимости Карабаха. По логике американцев, Азербайджан, ранее державшийся нейтралитета в отношении Москвы и Вашингтона, но все же тяготеющий к Западу, займет более решительную позицию и будет искать у США защиты от «имперского» соседа. Добиться от Азербайджана одобрения проектируемых европейскими и американскими компаниями маршрутов прокладки новых трубопроводов в обход России — «Набукко» в их числе — планировал вице-президент США Р. Чейни. Он совершил 3–5 сентября 2008 года свое, видимо, последнее турне по трем входящим в ГУАМ (аббревиатура от первых букв участников этого малоэффективного американского проекта в составе Грузии, Украины, Азербайджана и Молдавии) странам — Грузии, Азербайджану и Украине.

В отличие от сердечной встречи в Тбилиси, где оказавшийся в незавидном положении проигравший войну и потерявший территории грузинский лидер так остро нуждался в американской поддержке, в Баку Чейни принимали более сдержанно. Без энтузиазма отнеслись здесь и к предложению американского гостя поучаствовать в спасении Европы от российского энергетического «рабства». На Западе такую реакцию азербайджанского президента объяснили не соображениями выгоды, а страхом: Алиев-де боится повторить судьбу Саакашвили, а надежды на помощь Вашингтона у него после осетинских событий нет. Выступивший с такой интерпретацией известный британский публицист Э. Лукас высказался и по другой проблеме: он считает, что под угрозой оказались не только планы по реализации проекта «Набукко», но и многие другие западные интересы, «обвалившиеся подобно домино»⁴.

⁴ E. Lucas. How the West is losing the energy cold war. — «The Times». 08.09.2008 (http://www.timesonline.co.uk/tol/comment/columnists/guest_contributors/article4698316).

Между тем позиция, занятая официальным Баку, была предопределена предшествующей дипломатической активностью России. Еще в начале июля азербайджанскую столицу посетил Д. Медведев, а незадолго до того там побывал председатель правления «Газпрома». Переговоры в Баку носили достаточно конструктивный характер и велись вокруг предложения российской стороны стать основным покупателем азербайджанского газа по европейским ценам. Примечательно, что сразу после встречи азербайджанского лидера с Чейни состоялся телефонный разговор Д. Медведева с И. Алиевым, в ходе которого президент России счел нужным лично разъяснить своему коллеге позицию Москвы и в отношении Грузии, и в отношении Азербайджана. А в середине сентября И. Алимов нанес визит в Россию.

Москва дала понять Баку, что не собирается менять своих подходов к карабахскому конфликту, оставляя его разрешение в первую очередь за противоборствующими сторонами и в рамках территориальной целостности Азербайджана, но предполагая также, что переговорный процесс исключит, во-первых, применение силы и, во-вторых, в зону конфликта не будут введены внерегиональные «миротворцы», к примеру НАТО, как это предлагали некоторые западные политики, предусматривавшие такой же вариант и для конфликтных зон в Грузии. Напомним, процесс мирного урегулирования карабахского конфликта протекает в рамках Минской группы ОБСЕ, в которую входят США, Россия и Франция. С учетом ухудшения взаимоотношений между двумя государствами-

посредниками — США и Россией — после Пятидневной войны ожидать их скорого и полноценного посредничества едва ли приходится.

Обращают на себя внимание в связи с этим активизация Турции и наметившийся перелом в ее отношениях с Арменией. Последняя вследствие разрыва российско-грузинских отношений коммуникационно оказалась оторванной от России. На соседний Иран, который в своей политике нестабилен, Армения полностью положиться не может, а Грузия — стратегический армянский партнер и пока единственное ее «окно» во внешний мир — ослаблена. В этих условиях нормализация отношений с Турцией стала для Еревана приоритетной задачей. Турция же стремится отыскать новый транзитный путь, по которому будут прокачиваться нефть и газ на Запад со стороны Каспийского моря, а потому в качестве альтернативы дискредитировавшей себя Грузии вполне может предпочесть Армению. В пользу сдвига армяно-турецких отношений в сторону их нормализации говорит и историческая встреча в Ереване 6 сентября президента Турции А. Поля с его армянским коллегой.

В целом Турция попыталась по максимуму воспользоваться произошедшим в Грузии кризисом, а именно — усилить свою роль на Кавказе, в том числе и в опоре на давно продвигаемый ею проект — «Платформу стабильности и сотрудничества на Кавказе», поддержанный Москвой и Баку. Главы их внешнеполитических ведомств обсудили турецкую инициативу 7 сентября в Москве.

Вместе с тем чрезмерное усиление Турции на Кавказе объективно не в интересах не только России, но и Европы, поскольку способно повлечь за собой необратимые и неконтролируемые изменения в геополитическом раскладе сил. Ведь в случае, если Турция потеснит Россию с Кавказа, где наряду с народами кавказской группы проживают народы, относящиеся к тюркскому этносу (родственным народам Поволжья, Урала, Западной и Восточной Сибири, Центральной Азии), она из транзитной территории превратится в распорядительницу немалых запасов нефти и газа. Если к этому добавить энергетические богатства Центральной Азии и Казахстана, то окажется, что мировые запасы углеводородного сырья будут сконцентрированы в основном в руках представителей мусульманских стран — арабских и тюркских. Отсюда растет значение Армении как барьера, пусть хрупкого, между Азербайджаном и Турцией.

По-новому высветилась на Кавказе роль другой региональной державы — Ирана, который является не только партнером России по многим международным проблемам, но и ее потенциальным конкурентом в сфере поставок нефти и газа на европейские рынки.

Первоначально Иран никак не проявил своего отношения к августовским событиям в Южной Осетии — в противоположность реакции, в частности, сирийского лидера Б. Асада, выразившего 20 августа во время своей встречи в Сочи с российским президентом полную поддержку военным действиям России в Грузии и подписавшего там же соглашение о поставке вооружений в свою страну. Подобную сдержанность иранского руководства можно объяснить только одним: оно избрало выжидательную тактику в расчете получить в результате эскалации напряженности в американо-российских отношениях

дипломатические возможности, которые Тегеран готов использовать, чтобы положить конец своей дипломатической изоляции. Ведь многие представители иранских внешнеполитических кругов по-прежнему заинтересованы в восстановлении дипломатических отношений с США. Это дало бы Ирану шанс стать одним из главных транзитных коридоров для транспортировки энергоресурсов из Каспийского бассейна на западные рынки в ситуации, когда стала очевидной уязвимость трубопровода БТД и ряда других маршрутов.

Перспективы сближения с Вашингтоном позволяют Ирану получить рычаг воздействия на Россию: иранское руководство рассчитывает добиться от Москвы, например, завершения строительства Бушерской АЭС и продажи Ирану новейшего зенитного оружия. Тегеран может также использовать напряженность в американско-российских отношениях, чтобы попытаться сломить сопротивление России и Китая в вопросе своего вступления в ШОС, чего Иран несколько лет безуспешно добивается. Поскольку помимо Ирана в потенциальном выигрыше от американско-российской конфронтации окажется Китай, он может изменить свою позицию относительно членства ИРИ в ШОС и негласно поддержать Иран, поскольку заинтересован в его энергоресурсах.

России в известной мере удалось перевести конфронтацию с Грузией и поддержавшим ее Западом в русло обсуждения экономических проблем, связать их с энергетикой. Предложенный же странам региона и выстроенный с упором на нестабильную Грузию американско-европейский коммуникационный и энергетический проект, в котором преобладали не экономические интересы, а замешенная на антироссийских настроениях геополитика, значительно проиграл в сравнении с поддержанной Россией идеей интеграции стран региона с участием помимо четырех кавказских государств Турции и Ирана.

Большие кавказские маневры

Еще в 1990-е годы Закавказье, Центральная Азия, весь Каспийский регион с его богатыми запасами нефти и газа были включены в сферу евроатлантических стратегических интересов. С 1994 года как механизм для проникновения в сферу безопасности государств Кавказа используется программа НАТО «Партнерство ради мира». На его саммите в Стамбуле (июнь 2004 года), где лидеры центрально-азиатских и закавказских стран присутствовали в качестве почетных гостей, было заявлено: безопасность Южного Кавказа — составная часть евроатлантической архитектуры безопасности, и НАТО намерена стать гарантом безопасности для региона.

Грузия сделала официальную заявку на членство в НАТО на пражском саммите Альянса, состоявшемся 21–22 ноября 2002 года, Азербайджан — в апреле 2003-го. Будучи активными участниками антитеррористической коалиции, Азербайджан и Грузия предоставили свои контингенты для участия в военных операциях НАТО на Балканах, в Афганистане и Ираке. Успешное выполнение Азербайджаном и Грузией плана действий в отношении индивидуального партнерства облегчает для них переход к плану действий в отношении членства.

Но если США настаивали на скором привлечении Грузии к западным военным структурам, то в Европе — особенно в Германии и Франции — придерживались другого мнения. После конфликта в Южной Осетии ряд европейских политиков, в частности министр иностранных дел Италии Ф. Фраттини, выступил против присоединения Грузии к альянсу. Одновременно в экспертных кругах получила хождение точка зрения, согласно которой грузинского президента спровоцировали на заведомо провальную операцию против Южной Осетии, чтобы констатировать невозможность решения грузино-осетинского и грузино-абхазского конфликтов (косовский сценарий), а затем принять Грузию в НАТО уже в новых границах и с фактически решенными не в ее пользу конфликтами. Косвенным подтверждением этой версии служит проведенное в Тбилиси 15–16 сентября 2008 года выездное заседание Совета НАТО на уровне послов в формате 26+1 (26 стран — членов НАТО плюс Грузия) под председательством Генерального секретаря Альянса Я. де Хооп Схеффера. Но, возможно, речь в этом случае шла только о моральной поддержке, поскольку, по заявлению Схеффера, НАТО «не сможет

⁵ <http://top.rbc.ru/politics/12/09/2008/243134.shtml?print> оказать прямую помощь Грузии в восстановлении ее военной инфраструктуры после августовских событий»⁵.

Что касается США, то они давно рассматривают Каспийский и Кавказский регионы зоной своих «жизненно важных интересов». Кавказская стратегия США в значительной степени подчинена энергетическим интересам. Речь идет об американских усилиях диверсифицировать в глобальном масштабе в целом и в Каспийском регионе в частности источники поставок нефти и газа; об изоляции Ирана; о максимальном ограничении роли России как экспортера энергоносителей, поскольку в этом качестве Москва способна выступить как альтернативный США мировой центр влияния.

Американская администрация с самого начала своего проникновения в постсоветское Закавказье вела «точечную» и достаточно щедро профинансированную работу не столько с государствами и их правительствами, сколько преимущественно с элитой, ее молодыми, перспективными и наиболее амбициозными представителями. Такая многолетняя кропотливая работа приносит плоды: пророссийски настроенной элиты в том понимании, в каком она существовала в начале 1990-х годов, в закавказских республиках сегодня практически уже нет. Даже армянская правящая элита просто в силу обстоятельств вынуждена заверять Россию в своей верности и дружбе, впрочем уже не столь часто и энергично, как раньше. В основном же во всех странах Закавказья проросла англоязычная — прозападная и проамериканская — элита. Она обращена на грантах западных неправительственных организаций и является плодом пресловутой американской *soft power*.

Августовская война на Кавказе усилила размежевание и противостояние между силами западной и восточной ориентации в Европе. Подхлестнула она и мировой рост военных расходов: США уже используют поражение Грузии как повод еще сильнее вооружить ее и своих новых восточных союзников, а России (в который раз в истории) приходится готовить «адекватный ответ». Но война в Грузии породила и несколько не приятных для Запада и США по-

следствий. Многие, даже наиболее прозападные политики и политологи СНГ, полагают, что Тбилиси заплатил за дружбу с США и стремление в НАТО, и они опасаются, что за сотрудничество с Западом может быть заплачена слишком высокая цена. Особенно насторожило американских партнеров в СНГ, что дружба с Вашингтоном не застраховала режим Саакашвили от поражения в военном столкновении с Россией. Позиция последней выглядит куда более выигрышной по сравнению с западной, даже если признать, что в действиях Москвы была политическая подоплека: именно Россия откликнулась на призыв о помощи, оживив на Кавказе историческую память — времена, когда она оказывалась здесь единственным гарантом мира и спокойствия.

Уроки Цхинвала и перспективы России на Кавказе

Во время августовских сражений в Цхинвале и непосредственно после них Россия не получила активной поддержки не только на Западе, но и в СНГ. А ведь именно Содружество и его институты безопасности, а не ООН, теоретически первыми должны были подключиться к разрешению этого конфликта, тем более что и политический, и военный (ОДКБ) механизмы, предусмотренные для этого, в распоряжении организации есть. Что касается другой крупной организации безопасности в постсоветском пространстве — ШОС, проводившей в Душанбе 28–29 августа 2008 года свою ежегодную встречу на высшем уровне, то и ее реакция на действия России на Кавказе получилась, мягко говоря, весьма сдержанной. Участники саммита ограничились только словами «понимания» позиции Москвы. Чуть дальше пошли партнеры России по ОДКБ, выразившие на своем саммите в Москве 5 сентября глубокую озабоченность «предпринятой Грузией попыткой силового решения конфликта в Южной Абхазии»⁶. Однако признать Южную Осетию и Абхазию не решился никто.

⁶ *Цит. по: А. Дубнов.* Так безопаснее. — «Время новостей». 08.09.2008.

Ссылка на то, что у кого-то из входящих в СНГ государств есть собственные проблемы с сепаратизмом, у кого-то значительное русское население, которое теоретически может запросить помощи Москвы, а потому поддержка России стала непопулярной, возможно, и имеет право на существование. Но она не объясняет полностью причин холодной сдержанности российских партнеров по интеграционным объединениям. Ведь их молчание выглядело особенно удручающим на фоне консолидированной позиции, которую заняли союзники США по блоку НАТО.

Дело скорее в том, что СНГ, так и не превратившись в самостоятельный и самодостаточный региональный центр влияния, стало заложником противостояния внешних игроков, на интересы которых ориентируются российские партнеры по СНГ. Их амбиции и разногласия сводят на нет возможность создания эффективно действующего регионального союза или же работающей структуры безопасности. В такой ситуации перед Россией возникла дилемма: либо продолжать вбрасывать непомерные суммы в крупные геополитические проекты — ибо только таким образом можно добиться «любви» своих соседей,

большая часть которых, судя по всему, готова при случае сделать свой геополитический выбор в пользу Запада. Либо Россия пересмотрит позиции в отношении некоторых сомнительных партнеров и станет активнее привлекать союзников к мероприятиям, связанным с обеспечением безопасности.

Пятидневная война явилась проверкой на прочность не только СНГ. Она высветила кризис современного миропорядка — серьезную эрозию международного права, нарастающую анархию в международных делах, ибо институты, призванные поддерживать международную безопасность (Совет Безопасности ООН, ОБСЕ, Совет Европы), в очередной раз показали себя недееспособными механизмами, разъеденными к тому же расколом по линии противостояния «свой—чужой». Продемонстрировали события на Кавказе и несовершенство, а также опасную уязвимость однополярного мира.

Геополитические последствия конфликта в маленькой Южной Осетии сказались и на странах дальнего зарубежья. Но не все голоса раздавались там в поддержку России: демонстрацию ею своей военной силы в Южной Осетии многие сравнили с действиями США в Афганистане и Ираке после 11 сентября, легитимность которых оспаривается. Правда и другое: для некоторых азиатских, ближневосточных и латиноамериканских стран конфликт на Кавказе послужил примером способа бросить вызов могуществу США и таким путем отстоять свою позицию под мощным политическим и дипломатическим нажимом.

Хотя для всех государств Кавказского региона и шире — Содружества наиболее предпочтительным может оказаться способ решения проблем собственными силами — без привлечения стремящихся закрепиться на постсоветском пространстве нерегиональных держав и их военных структур, России вряд ли удастся удержать за собой роль единоличной вершительницы судеб кавказских, а также и других народов. Ведь заманчивые экономические проекты, активное дипломатическое наступление крупных и средних международных игроков создают ей серьезную конкуренцию. Но у России остаются хорошие шансы занять весомую нишу в республиках Закавказья благодаря экономическим рычагам и, что немаловажно, сотрудничеству в области энергетики. Основу для сохранения взаимодействия с Россией создает и общее культурное и языковое пространство. Главное же — любые притязания России на особую роль должны быть подкреплены реальными экономическими и военными аргументами.

О месте Закавказья в российской стратегии — при том, что ситуация там меняется постоянно, затрудняя саму выработку этой стратегии, речь может идти только в одном случае: если от государств этого региона можно будет ожидать позитивного вклада в развитие этой стратегии. Соответственно, российские приоритеты на Кавказе состоят в обеспечении прочной и устойчивой стабильности, содействии становлению в регионе дружественных нашей стране демократических режимов.

Некоторые уроки советско-американских отношений 1970—1980-х годов

Курс на формирование благоприятной международной среды с целью содействия успешному осуществлению кардинальных реформ и преобразований внутри страны сегодня стал общепринятым и для российского политического руководства, и для российского общества. После многих столетий проведения имперской внешней политики, направленной на территориальное расширение, после самоликвидации СССР Россия в настоящее время осуществляет фундаментальный переход и к освоению значительной части собственных гигантских пространств, и к созданию многочисленного среднего класса в качестве опоры для демократизирующейся государственности.

При таком качественном перенацеливании государственной деятельности следует значительно повысить эффективность российской внешней политики. Необходимо при минимуме издержек обеспечить максимально возможное воздействие на внешний мир с целью формирования наиболее благоприятной для России международной среды. В первую очередь это следует делать в отношении самой мощной державы мира — США. Как глобальная держава Соединенные Штаты и в странах СНГ, то есть в нашем ближнем зарубежье, имеют свои нередко противоположные российским интересы. Следовательно, с ними здесь придется вести торг, искать компромиссы, а при необходимости — проявлять и жесткость.

С другой стороны, практика взаимодействия с США за десятилетия «холодной войны» показала, что Советский Союз совершил тогда немало серьезных и грубых ошибок и просчетов, приведших к явно негативным последствиям, значительно ослабившим позиции СССР в мире и породившим неоправданно высокие расходы на нужды внешней политики и обеспечение безопасности. Одна из главных причин заключалась в отсутствии у советского руководства адекватного понимания внешнеполитического процесса США, принципиальных отличий американской государственности и политической культуры от советской (российской). В частности, значительно недооценивалась роль внутренних факторов и законодательной власти в лице конгресса при формировании внешней политики.

САМУЙЛОВ Сергей Михайлович — руководитель Центра по исследованию внешнеполитического механизма США Института США и Канады РАН, кандидат исторических наук.

Анатолий Добрынин, без малого четверть века проработавший советским послом в США (1962—1986), рассуждал по этому поводу: «Тогдашнее советское руководство недооценивало значение внутриполитических факторов для любого американского президента... Не очень воспринимались в Москве и сообщения посольства о серьезных разногласиях среди основных членов кабинета,

¹ А. Ф. Добрынин. Сугобо доверительно. Посол в Вашингтоне при шести президентах США (1962—1986). М., 1997. С. 338.

за которыми стояли определенные силы в стране, с чем не мог не считаться президент. В Кремле полагали, что президент — это босс, который все может решить, если у него есть сильное желание (курсив мой. — С. С.)»¹.

Нетрудно понять, что советское руководство попросту проецировало существенные признаки советской (российской) государственности и политической культуры на Америку. В СССР Генеральный секретарь ЦК КПСС был де-факто всемогущим боссом, которому все должны были беспрекословно подчиняться, следовательно, и в США президент должен был быть таким же всемогущим. В СССР парламент (Верховный Совет) был чисто декоративным безвластным образованием, следовательно, и в США конгресс по аналогии должен был носить третьестепенный, декоративный характер. В СССР общественное мнение никак не влияло на внешнюю политику, значит, и американская общественность должна была быть такой же малозначительной.

Добрынин писал, что «недооценка советскими руководителями американского конгресса во внешней политике», которая была следствием «неуважения к собственному парламенту, недооценка роли внутренних факторов и общественного мнения послужили одной из главных причин быстрого завершения в конце 1970-х годов непродолжительного периода разрядки напряженности в советско-американских отношениях»².

² Там же. С. 492.

Понятно, что для повышения эффективности российской внешней политики в отношении США в настоящее время необходимо извлечь уроки из прошлого, то есть из ошибок и просчетов, которые совершил СССР в 1970—1980-е годы.

Особенности политики разрядки 1970-х годов

Считается, что политика разрядки напряженности между СССР и США продолжалась приблизительно с мая 1972-го, то есть с момента официального визита в Советский Союз президента Ричарда Никсона, по конец 1979 года, когда советские войска были введены в Афганистан. Следует подчеркнуть, что позиции США в мире в начале 1970-х годов были сильно ослаблены. Вашингтон терпел унизительное поражение в войне в «маленькой азиатской стране» Вьетнаме. Война осуждалась даже в странах — традиционных союзницах США, а внутри Америки развернулось собственное мощное широкомасштабное антивоенное движение. В таком крайне невыгодном внутри- и внешнеполитическом положении Никсон и его помощник по национальной безопасности Генри Киссинджер и осуществили резкий поворот во внешней политике США в сторону разрядки напряженности.

Во время визита Никсона в мае 1972 года были подписаны важнейшие договоры по ограничению ядерных стратегических вооружений (ОСВ-1) и систем обороны против межконтинентальных баллистических ракет (ПРО). Кроме того, по инициативе советской стороны был подписан ни к чему не обязывающий, не подлежащий ратификации документ «Основы взаимоотношений между СССР и США». В нем признавался принцип «равенства как основы для интересов безопасности обеих сторон». Де-факто администрация Р. Никсона признала не только принцип равенства в отношениях с СССР, но и приблизительный паритет с Советским Союзом в сфере стратегических ядерных вооружений. Добрынин писал, что такое признание было важным для кремлевских руководителей с точки зрения престижа³.

На самом деле проблема была глубже. *Советские руководители подобно многим своим предшественникам, включая российских царей и императоров, страдали психологическим комплексом неполноценности в отношении Запада, в первую очередь США. Признание со стороны самой сильной державы мира принципа равенства означало в представлении лидеров СССР как бы избавление от такого комплекса, как внутреннее ощущение неполноценности.*

На это позднее указывал и Киссинджер. Он отмечал, что дипломатический хельсинкский процесс «имел в своей основе глубоко укоренившееся у Москвы чувство неуверенности в себе и неуемную жажду легитимации» (признания на международной арене). Несмотря на наличие огромного ядерного потенциала, СССР требовал от тех же стран, которым и угрожал, постоянного подтверждения законности своих внешнеполитических действий. В этом заключалась главная причина советского участия в хельсинкском процессе и создания СБСЕ (Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе) в 1975 году⁴.

Одна из главных особенностей президентства Никсона заключалась в значительной концентрации власти в рамках надведомственного президентского аппарата в обход традиционных внешнеполитических министерств — госдепартамента и Пентагона. Это соответствовало личностным особенностям президента, склонного к единоличным методам руководства и не доверявшего внешнеполитической бюрократии, включая корпус профессиональных дипломатов США. Как следствие — вторым действующим лицом во внешней политике стал Г. Киссинджер.

Концентрация власти в рамках президентского аппарата проявилась и в другом: уже во время первой встречи с советским послом А. Ф. Добрыниным в феврале 1969 года Никсон предложил ему напрямую общаться с Киссинджером, а не с госсекретарем У. Роджерсом. У президента был определенный мотив своего предложения: закрытая информация может не удержаться в стенах госдепартамента и легко быть предана гласности. Так был установлен секретный, конфиденциальный канал взаимодействия между советским посольством и Белым домом. Через некоторое время между Добрыниным и Киссинджером установили прямую телефонную связь, чего ранее никогда не было⁵.

⁶ См. **Н. Киссинджер**. *White House Years*. Boston, 1979. P. 840.

Начиная с 1971 года Киссинджер и его аппарат стали заниматься не только планированием, но и осуществлением внешней политики⁶. Другими словами, помощник по национальной безопасности и его аппарат обрели широкие исполнительные прерогативы, соответственно, лишив их госдепартамент и Пентагон. Именно Киссинджер и его аппарат, действуя в обстановке секретности, осуществили прорывные внешнеполитические шаги в отношении Китая и Советского Союза, начав с американской стороны политику разрядки международной напряженности. Госсекретарь У. Роджерс и министр обороны М. Лэйрд часто оставались в неведении относительно важнейших внешнеполитических инициатив.

⁷ См. **А. Ф. Добрынин**. *Сугубо доверительно*. С. 190.

В критические моменты переговоров по ОСВ (1969–1972), когда советская и американская делегации заходили в тупик, подключался конфиденциальный канал Добрынин—Киссинджер, позволявший вмешиваться высшим руководителям стран и быстро находить выход из тупикового положения. Причем официальные делегации стран на переговорах не знали о существовании такого канала⁷.

⁸ Там же. С. 215.

Между советским руководителем, Генеральным секретарем ЦК КПСС Леонидом Брежневым и президентом Ричардом Никсоном была налажена личная переписка, которая также держалась в секрете и от госдепартамента, и от конгресса. Показательно, что посредственный руководитель СССР был неспособен во внешнеполитической сфере мыслить концептуально, полностью зависел в этом плане от министра иностранных дел Андрея Громыко и Политбюро ЦК партии. Никсон же со своей стороны единолично писал послания Брежневу, где излагал свою стратегическую и тактическую линии. Получалось, как это ни может показаться парадоксальным на первый взгляд, что американский президент был гораздо свободнее в своих внешнеполитических действиях, чем советский лидер: свои послания Брежневу приходилось согласовывать с Политбюро⁸.

После убедительной победы на президентских выборах 1972 года Никсон и его приближенные предприняли мощную атаку на власть вашингтонского правящего корпоративного слоя, состоявшего из тесных союзов несменяемой карьерной бюрократии федеральных министерств, комитетов конгресса и внешних по отношению к правительству лоббистских организаций. Его кадровый состав десятилетиями почти не менялся. Любая находящаяся у власти администрация вынуждена искать компромисс с этим слоем, если она желает проводить свою политику более-менее эффективно. Командование им исключено. В 1970-е годы этот слой в США называли «железные треугольники» (iron triangles).

Попытка Никсона подчинить себе эту вашингтонскую корпорацию вызвала ответную контратаку с ее стороны в виде расследования сразу несколькими комитетами конгресса деятельности администрации, включая уотергейтский

инцидент*, весной 1973 года стремительно разросшийся и превратившийся в перманентный кризис президентства Никсона, который развивался по нарастающей**. Свою лепту в возникшую политическую конфронтацию между президентом и конгрессом внесла и тайная дипломатия Киссинджера, которая вызывала нескрываемое раздражение законодателей.

В июне 1973 года состоялась новая советско-американская встреча на высшем уровне — на этот раз в США. В основном были подписаны символические документы. Но для советского руководства она играла очень большое политико-психологическое значение. Торжественная церемония встречи Брежнева и советской делегации в США, как писал Добрынин, «на глазах у всего мира — это было для тогдашних советских руководителей высшим актом признания их власти и влияния». Лично для генсека визит в США был «моментом наивысшего триумфа», поскольку «что могло быть еще выше: он — равный самому американскому президенту, руководитель страны, равной самим США по военной мощи, по ракетам и ядерным боеголовкам»⁹. Представляется, что Добрынин очень верно уловил внешние проявления комплекса неполноценности советского руководства, о котором было сказано выше.

Тем временем уотергейтский кризис продолжал углубляться. Добрынин писал, что к лету 1974 года против Никсона сформировалась широкая и разношерстная коалиция различных сил. В нее входили «либералы, выступившие в защиту диссидентов и поддержку еврейской эмиграции из СССР; консерваторы, отвергавшие торговые и иные отношения с СССР; военные из Пентагона и их друзья в конгрессе, которые делали все, чтобы предотвратить договоренность в Москве об ограничении стратегических ядерных вооружений и ядерных испытаний»¹⁰. В июне—июле Никсон еще раз побывал с официальным визитом в СССР. В августе 1974 года из-за угрозы неминуемого импичмента (принудительного отстранения от власти в результате парламентско-судебной процедуры) он вышел в отставку. Его сменил вице-президент Джеральд Форд, пообещавший продолжить политику разрядки.

Позднее в мемуарах Киссинджер признал ошибочность методов действий в обход внешнеполитических ведомств, которые он и Никсон применяли при переходе к политике разрядки. Он писал, что президент, подобный Никсону, нетерпимому к госдепартаменту, в долгосрочной перспективе наносит ущерб своей стране. Чтобы быть истинно значительными, внешнеполитические достижения должны быть укоренены в постоянно действующей бюрократической машине. Новаторская же внешняя политика, чтобы быть стабильной и

*В августе 1972 года несколько взломщиков проникли в помещение штаб-квартиры Демократической партии, находившейся тогда в вашингтонском отеле «Watergate» («Шлюз»). Выяснилась их причастность к предвыборному штабу Республиканской партии. Однако республиканской администрации Никсона тогда удалось замять скандал.

** Обстоятельно «Уотергейт» и «Ирангейт» исследованы в монографии автора: С. С. Самуйлов. Уотергейт: Предпосылки, последствия, уроки. М., 1991.

продолжительной, должна осознанно осуществляться теми, кто регулярно занимается дипломатической деятельностью. И со временем ее основные идеи должны быть внедрены в «сердца и умы нации». В свою очередь это может быть

¹¹ **H. Kissinger.** *Years of Upheaval.* достигнуто только благодаря «надежному партнерству между президентом и государственным секретарем»¹¹. Одна из

главных причин внутриамериканской слабости политики разрядки как раз и состояла в том, что она не имела поддержки среди профессионального чиновничества внешнеполитических ведомств.

Другая заключалась в следующем: «американский народ оказался сбитым с толку». Добрынин писал: «В течение длительного времени американцы знали только о своем ядерном превосходстве. Теперь же договоренности о ядерном

¹² **А. Ф. Добрынин.** Сугубо паритете вызывали в стране недоуменные вопросы и даже беспокойство»¹². Хотим напомнить, что американцам со

времен первых переселенцев-пуритан в Новый свет была свойственна непоколебимая вера в свою «богоизбранность и исключительность». В приложение к практической внешней политике это означает, что превосходство над другими странами и народами в любой области ими воспринимается как норма. При Никсоне—Киссинджере вдруг оказалось, что они лишь равны с СССР в ракетно-ядерной сфере. Налицо была аномалия, удар по представлению американцев о себе, их национальной гордости.

¹³ **H. Kissinger.** *Years of Upheaval.* P. 674. Киссинджер позднее писал, что «новый подход Никсона... бросал вызов американской исключительности»¹³.

Кроме того, для американской политической элиты оказалось совершенно необычным воспринимать СССР одновременно и как противника, и как партнера на международной арене, чего требовала прагматичная политика Никсона—Киссинджера. Привыкшие воспринимать внешний мир примитивно — в черно-белых цветах, ни консерваторы, ни либералы так и не смогли перестроиться. Наконец «Уотергейт» лишил Никсона политической поддержки в Вашингтоне, необходимой для долговременного утверждения нового курса. Можно вполне согласиться с Киссинджером в следующем: «Если бы не “Уотергейт”, Никсон, возможно, сумел бы превратить весьма осязаемые внешнеполитические успехи первого срока своего президентства в постоянные рабочие принципы»¹⁴.

¹⁴ *Ibid.*

Еще одной причиной слабости разрядки оказалось «поведение» Советского Союза в странах третьего мира, где он продолжал поддерживать «национально-освободительные движения», избравшие «социалистическую ориентацию». У престарелого руководства СССР идеологические соображения явно преобладали над здравым смыслом. Такие действия не без оснований воспринимались в США как «советский экспансионизм» и ослабляли позиции сторонников разрядки, которые ожидали, что СССР будет себя вести «сдержанно» в третьем мире. Правые силы не замедлили воспользоваться слабыми сторонами разрядки. Начиная со второй половины 1975 года и особенно во время президентской кампании 1976-го они во главе с Рональдом Рейганом обрушились на

своего президента с резкой критикой, стремясь превратить кампанию в «суд над разрядкой».

Форду пришлось реагировать. В частности, в результате реформы кабинета в ноябре 1975 года министром обороны был назначен «ястреб» Дональд Рамсфелд. Он поддержал планы Пентагона по созданию новых систем вооружений и проявил себя упорным противником заключения с Советским Союзом каких-либо новых соглашений по ОСВ, которые не давали бы США односторонних преимуществ. Форд также отказался от использования слова «разрядка» (*фр.* *detente*) и вместо него начал употреблять лозунг, ставший традиционным для американцев в годы «холодной войны», — «мир с позиции силы»¹⁵. Это был явный шаг назад. Кроме того, Форд отдал распоряжение директору ЦРУ (в то время Джорджу Бушу-отцу) создать специальную аналитическую группу для пересмотра оценок советского оборонного потенциала, которые ранее предоставляло главное разведывательное ведомство США. В нее вошло несколько жестко антисоветски настроенных экспертов во главе с Ричардом Пайпсом.

Задача группы заключалась не в изучении истинного положения дел, а в подведении наукообразного обоснования под уже сложившиеся у значительной части политической элиты США идеи о «советском военном превосходстве» и «стремлении СССР к мировому господству». С этой задачей группа успешно справилась. В декабре 1976 года, уже после поражения Дж. Форда на президентских выборах, вышел ее отчетный секретный доклад¹⁶, в дальнейшем послуживший одной из идейно-теоретических основ для внешней политики правых и администрации Р. Рейгана. После президентских выборов 1976 года (в ноябре) был создан новый, правый «мозговой центр» (независимая исследовательская организация) — Комитет по существующей опасности (КСО), куда вошли около 100 видных представителей правящих кругов США. Его основная задача заключалась в оказании сильного давления «справа» на пришедшую к власти демократическую администрацию Джимми Картера.

Создание КСО ознаменовало рождение нового идейно-политического направления, получившего в США название «неоконсерватизм», а также слияние в единую коалицию либералов и правых, нацеленную на восстановление военного превосходства над СССР. В КСО вошли такие видные высокопоставленные экс-политики демократических администраций, как П. Нитце, Ю. Ростоу, Д. Раск, ранее осуществлявшие политику «сдерживания» СССР в духе концепции Дж. Кеннана. Они объединились в рамках Комитета с такими правыми республиканцами, как Р. Рейган, Р. Аллен, Ф. Барнетт и др. Последние ранее подвергали резкой критике политику первых за ее «оборонительный характер» и «неспособность одержать победу над коммунизмом»¹⁷. В одном из первых документов КСО говорилось: «Главной угрозой нашей нации и миру во всем мире, а также делу человеческой свободы является стремление Советского Союза к господству

¹⁵ *Ibid.* P. 352.

¹⁶ См. С. М. Плеханов. Правый экстремизм и внешняя политика США. М., 1986. С. 213–214.

¹⁷ Там же. С. 215–217.

на основе наращивания военной мощи». СССР изображался в виде абсолютно

¹⁸ См. «Human Events». 09.04.1977. непримиримого противника Запада. Разрядка расценивалась как «тактическая уловка»¹⁸.

Другими словами, и правые республиканцы, и демократы в рамках КСО объединились в возврате к традиционному восприятию СССР как исключительного врага на международной арене. Подход Никсона—Киссинджера, требовавший отношения к СССР и как к противнику, и как к партнеру одновременно, оказался для них слишком сложным, непонятным и неприемлемым. В дальнейшем теоретические наработки КСО были использованы правоконсервативной администрацией Р. Рейгана, пришедшей к власти в начале 1981 года после убедительной победы республиканцев на президентских выборах 1980 года. Многие представители КСО получили видные посты в ней.

Явное усиление правых в США во второй половине 1970-х годов и националистических настроений в стране усугублялось престарелым возрастом советских руководителей, появлением в СССР очередного «культя личности». В декабре 1976 года Брежневу исполнилось 70 лет. Добрынин писал по этому поводу: «Будучи уже больным человеком, он уверовал — не без влияния своего ближайшего окружения в Политбюро — в непогрешимость советской внутренней и внешней политики. Он не видел необходимости в какой-либо серьезной корректировке своего курса... Стагнация мышления, идеологическая инерция

¹⁹ А. Ф. Добрынин. Сугубо доверительно. С. 366.

и отсутствие необходимой гибкости неизбежно обрекали советскую политику на крупные промахи и заводили ее в тупик»¹⁹.

Некоторые особенности Р. Рейгана и советско-американских отношений в первой половине 1980-х годов

Престарелый семидесятилетний Рейган начал свою президентскую деятельность с шокировавших весь мир заявлений. Уже на первой пресс-конференции он заявил: советские лидеры «сами присвоили себе право совершать любые преступления, лгать и обманывать». А в октябре 1981 года он публично заговорил о возможности возникновения «ограниченной ядерной войны»²⁰. В мае 1981-го он объявил СССР «силой зла», наконец весной 1983 года Рейган публично назвал Советский Союз «средоточием зла в современном мире» и «империей зла». При этом подразумевалось, что США были «империей добра». Такую воинственную, провоцирующую, оскорбительную и унижительную публичную риторику в адрес советского руководства и СССР не позволял себе ни один президент США. Она произвела сильное впечатление не только на Кремль. Она напугала и союзников США по НАТО, и самих американцев. Такая риторика находилась за гранью здравого смысла.

²⁰ Там же. С. 497, 504.

В стране в начале 1980-х годов возникло массовое движение за замораживание ядерных арсеналов США и СССР, что шло вразрез с политикой Белого дома по быстрому наращиванию военного бюджета и модернизации страте-

гических вооружений. Добрынин отмечал, что «конструктивная дипломатическая работа была заморожена», а конфиденциальный канал связи Белый дом—Посольство СССР ликвидирован.

В первой половине 1980-х годов администрация Рейгана взяла курс на ломку военно-стратегического равновесия с Советским Союзом и обретение военного превосходства над ним. На переговорах по сокращению ядерных вооружений выдвигались заведомо не приемлемые для советской стороны предложения, нацеленные на обеспечение значительных односторонних преимуществ США. Рейган подхватил и всячески обыгрывал в своих публичных выступлениях тезис о «ракетном отставании» США, о том, что разрядка была «улицей с односторонним движением». Его официальным лозунгом стал традиционный «мир с позиции силы» (peace through force).

Рейгановская модернизация стратегических вооружений охватила всю ядерную триаду: межконтинентальные баллистические ракеты наземного базирования (МБР), баллистические ракеты подводных лодок (БРПЛ), а также атомные подлодки и стратегические бомбардировщики. Конкретно речь шла о начале производства и развертывании тяжелой МБР «МХ» (эм-экс) с десятью разделяющимися самонаводящимися боеголовками; разработке более компактной МБР «Миджитмен» повышенной точности с одной маневренной боеголовкой; производстве современных стратегических бомбардировщиков «В-1»; производстве современных ядерных подводных лодок типа «Трайидент» и новых, более точных баллистических ракет к ним.

К этому следует добавить такое важнейшее для рейгановцев дело, как производство и развертывание в Западной Европе ядерных баллистических ракет средней дальности (РСД) «Першинг-II» и крылатых ракет наземного базирования. В соответствии с решением НАТО конца 1979 года они должны были уравновесить развернутые СССР современные РСД «SS-20» (по натовской классификации) с тремя разделяющимися боеголовками. С конца 1983 года Вашингтон начал развертывание 108 РСД «Першинг-II» и 464 крылатых ракет.

Наконец наиболее важной (лично для президента Рейгана и его правоконсервативной команды) стала Стратегическая оборонная инициатива (СОИ), объявленная в марте 1983 года. Ее замысел носил фантастический характер. Предполагалось, что США смогут создать мощные и сверхточные лазеры, разместить их на военных спутниках в космосе, которые в случае ядерной атаки со стороны СССР, как ожидалось, должны были сбивать советские межконтинентальные ракеты еще на стадии подъема. На этой стадии скорость МБР была небольшой в сравнении с фазой спуска, когда боеголовки могли достигнуть скорости в несколько километров в секунду. По Рейгану, такая система ПРО должна была сделать советские МБР «малозначительными и устаревшими». На деле создание «лазерной» системы ПРО оказалось не под силу даже такой высокоразвитой стране, как США. СОИ в реальности обернулась большим внешнеполитическим блефом.

В отличие от первой половины 1970-х годов, когда конгресс фактически «заморозил» рост военного бюджета и даже периодически сокращал запро-

сы президентской власти, десятилетие спустя законодатели обеспечили Рейгану рост бюджета Пентагона приблизительно на 5 процентов в год. Из всех программ наиболее противоречивой была МБР «МХ». Конгресс неоднократно откладывал начало финансирования ее производства. Ее критики не без оснований считали эту ракету оружием первого удара, которое будет только дестабилизировать стратегическую обстановку в мире. Рейган же для оказания давления на законодателей неоднократно прибегал к развязыванию шовинистических истеричных пропагандистских кампаний.

Одна из них была спровоцирована инцидентом в связи с ликвидацией СССР южнокорейского пассажирского лайнера в ночь с 31 августа на 1 сентября 1983 года. Москва действовала крайне неуклюже: вначале вообще отрицала факт уничтожения самолета. Мировое общественное мнение реагировало на все это весьма негативно. Обстоятельства дела таковы: пассажирский южнокорейский лайнер, вылетевший из Анкориджа с Аляски, ночью вторгся в воздушное пространство СССР и находился в нем более двух часов. На предусмотренные в таких случаях предупредительные процедуры, исходившие от истребителей-перехватчиков, он не реагировал. И при выходе из воздушного пространства СССР был сбит. Он имел на борту 269 человек.

Американцы обнародовали перехваченную ими запись разговора пилота советского истребителя с командным пунктом на земле. Из ее содержания следовало, что пилот получил приказ сбить самолет и затем доложил: «Цель уничтожена». Годы спустя выяснилось, что *администрация Р. Рейгана обнародовала только выгодную ей часть записи. Из другой части вытекало, что советский пилот предварительно выполнил все необходимые международные требования, предупреждая корейский лайнер, что он сбился с курса, в частности несколько раз стрелял трассирующими снарядами вдоль корейского самолета. Последний не реагировал. Лишь тогда на земле сочли, что это был американский шпионский самолет, и отдали приказ сбить его*²¹. Другими словами, изначально вся истеричная, надрывная кампания вокруг южнокорейского лайнера со стороны Вашингтона строилась на лжи и лицемерии.

²¹ «Ronald Reagan 1981–1984». — <http://homepage.stmartin.edu/>

*что это был американский шпионский самолет, и отдали приказ сбить его*²¹. Другими словами, изначально вся истеричная, надрывная кампания вокруг южнокорейского лайнера со стороны Вашингтона строилась на лжи и лицемерии.

²² Ronald Reagan. Public Papers of the Presidents of the United States, 1983. Book II. July 2 to December 31. Wash., «Government Printing Office», 1985. P. 1227.

Ее пиком стало выступление президента 5 сентября, в котором он обвинил СССР в массовом убийстве (massacre) «269 невинных мужчин, женщин и детей», что квалифицировал как «преступление против человечности, которое никогда не должно быть забыто»^{22*}. Завершил свое обращение

* Показательно, что из-за 269 погибших пассажиров Рейган счел советских руководителей «преступниками против человечности». А в августе 2008 года, после того как по приказу грузинского президента М. Саакашвили было уничтожено, по разным оценкам, от 1500 до 2000 мирных граждан в Южной Осетии, в США была развязана насквозь живая и циничная пропагандистская кампания против уже некоммунистической России. При этом инициатор геноцида характеризовался как «демократически избранный президент». Агрессор (Грузия) была выставлена жертвой, а Россия, предотвратившая появление тысяч новых жертв, — агрессивной страной. Мало того что эта лицемерная кампания убедительно показала, что нет предела лживости, лицемерию и цинизму как политиков США, так и их СМИ, она также показала, что пещерная русофобия — это неотъемлемый компонент внешнеполитического сознания США, а оголтелый антисоветизм Рейгана и ему подобных был лишь конкретной формой проявления этой русофобии в годы «холодной войны».

ние к нации Рейган тем, что «мы не должны» бросать переговоры с СССР по сокращению ядерных вооружений²³.

²³ См. *ibid.* P. 1230.

Итак, в одном выступлении, по сути, содержались две взаимоисключающие идеи. Если советские лидеры были безжалостными «преступниками против человечности» и «убийцами невинных людей» — то есть сродни нацистским преступникам, как с ними можно было вести переговоры в такой важнейшей сфере, как контроль над ядерными вооружениями? Им попросту нельзя было доверять. Тем не менее Рейган призвал продолжать переговоры. Таких внутренне очень противоречивых выступлений, касающихся СССР, у него было много.

Президент быстро использовал всплеск антисоветских, шовинистических настроений в стране для нового нажима на конгресс. В ноябре 1983 года законодатели впервые выделили ассигнования на производство первой 21 ракеты «МХ» в рамках бюджета на 1984 финансовый год²⁴. Похоже, весь инцидент с южнокорейским лайнером был заранее спланированной провокацией, чтобы «выбить» из американского конгресса финансирование производства МБР «МХ».

²⁴ См. «Congressional Quarterly Almanac, 98th Cong., 1st Sess, 1983». Wash., 1984. P. 195.

Рейган много раз повторял: его наращивание стратегического ядерного потенциала должно «понизить угрозу миру». На деле своей воинственной антисоветской риторикой он делал прямо противоположное, а именно — значительно повышал угрозу миру, в первую очередь собственной стране. Ведь у престарелого советского руководства терпение могло и лопнуть, оно могло начать действительно «бряцать ядерным оружием» и организовать что-нибудь вроде Карибского кризиса 1962 года. Тем более что внутри своей страны оно не сдерживалось ни сильным парламентом, ни общественным мнением. Похоже, Рейган попросту не отдавал себе отчета о возможных последствиях своих провозирующих высказываний.

Парадоксально, но факт: одновременно со столь воинственными публичными высказываниями и угрозами Рейган направлял очень миролюбивые личные послания и Брежневу, а позднее и Андропову, причем написанные от руки. Так, летом 1981 года он писал Брежневу: «Часто делаются намеки на то... что мы вынашиваем империалистические планы и потому представляем собой угрозу... вашей безопасности. ...Да будет мне позволено заявить, нет абсолютно никакого основания для того, чтобы обвинять Соединенные Штаты в империализме или попытках навязать свою волю другим странам посредством применения силы...»²⁵ Далее следовало предложение «заняться устранением препятствий» в российско-американских отношениях.

²⁵ Цит. по: Н. Kissinger. Years of Upheaval. P. 701.

Киссинджер в своем фундаментальном труде «Дипломатия» задается вопросом: как можно совместить публичные обвинения советских руководителей, будто они являются «международными преступниками», с миролюбивыми посланиями, в которых автор явно доверяет тем же руководителям? И не находит ответа²⁶. На мой взгляд, все становится на свои места, если считать Рейгана человеком не вполне в здравом уме. Тогда

²⁶ См. *ibid.*

становится понятным, почему во многих выступлениях Рейгана, касавшихся СССР, содержались одновременно прямо противоположные, взаимоисключающие идеи; почему, публично проклиная советское руководство, он одновременно писал ему от руки миролюбивые письма.

Впрочем, сами американские политологи либеральной направленности в первой половине 1980-х годов обоснованно обвиняли своего президента в «примитивизме», «лжемужественности», «неонационализме» и т. п. Сам Киссинджер, будучи одним из ведущих внешнеполитических экспертов Республиканской партии, к которой принадлежал и Рейган, дал ему далеко нелестную характеристику. «Рейган вел себя потрясающе, а для ученых — уму непостижимо, — писал он, — Рейган почти не знал истории, а то немногое, что он знал, приспособливал, подгоняя под предвзятые суждения, которых он твердо придерживался... Подробности внешнеполитической деятельности Рейгана утомляли. Он усвоил несколько основополагающих идей относительно опасностей умиротворения, зол коммунизма и величия собственной страны, но *анализ существенно важных проблем был ему не под силу* (курсив мой. — С. С.)». Далее Киссинджер цитировал себя: «Когда вы разговариваете с Рейганом, то... удив-

²⁷ *Ibid.* P. 696—697.

ляетесь, почему кому-то могло прийти в голову, что он может быть президентом или даже губернатором»²⁷. Подтекст данного высказывания, сделанного после семи лет пребывания Рейгана на президентском посту, очевиден. Рейган не был адекватен ни для поста губернатора Калифорнии, ни, тем более, для поста президента США. С традиционной точки зрения американских политиков и политологов он не был нормальным президентом.

Косвенно об этом свидетельствовало определенное обстоятельство: в течение первого срока окружение президента держало его в строгой изоляции и не допускало никаких контактов с советскими представителями. Помощники президента опасались, что советские лидеры, в первую очередь министр иностранных дел А. А. Громыко, легко переиграют Рейгана за столом переговоров. Престарелое советское руководство в 1983—1984 годах пришло к вполне здравому выводу: «Рейгана надо переждать» и дожидаться момента, когда в Белом доме окажется более-менее нормальный человек. Но в начале 1985 года в Кремле произошла смена поколений: к власти пришел молодой нетерпеливый М. С. Горбачев. И развитие советско-американских отношений пошло так, как оно пошло.

Некоторые выводы

Рассмотренные в данной статье некоторые особенности советско-американских отношений прошлого столетия позволяют сделать выводы, актуальные и для настоящего времени.

В первую очередь российской стороне не следует всерьез, за чистую монету, воспринимать новые возможные воинственные и угрожающие высказы-

вания американских политиков в адрес России. Угрозы Рейгана относительно и «ограниченной ядерной войны», и «звездных войн», и намерения свергнуть просоветски настроенных сандинистов в Никарагуа на деле оказались блефом. Вся воинственность и непримиримость рейгановцев в реальности обернулись лишь... захватом крошечного острова Гренады в Карибском море.

Американский конгресс во внешнеполитическом процессе выступает самостоятельным действующим лицом, сильным властным органом, он способен быстро обуздать и поставить на место любого чересчур воинственного и не слишком уравновешенного президента. Если бы рейгановцы на деле начали подготовку к «ограниченной ядерной войне», конгресс быстро устроил бы им что-нибудь вроде нового «Уотергейта».

Напомню, над Рейганом нависла реальная угроза импичмента в конце 1986 — начале 1987 годов из-за незначительного «проступка» президента. Выяснилось, что его аппарат тайно продавал оружие Ирану, а вырученные деньги шли на финансирование «контрас», пытавшихся вооруженным путем свергнуть сандинистское правительство в Никарагуа. Тогда конгресс сразу же в нескольких своих комитетах развернул расследование «Ирангейта». В силу сказанного не следует всерьез воспринимать угрозы и жесткие высказывания в адрес России Джона Маккейна, во многом напоминающего Рейгана. В случае его прихода к власти конгресс попросту не позволит ему их претворить в жизнь.

Во-вторых, советские руководители, правдами и неправдами добиваясь от США признания равенства и паритета в СНВ, не поняли, что тем самым они подрывают представления американцев о собственной «богоизбранности и исключительности». Другими словами, советские лидеры, стремясь нейтрализовать свой комплекс неполноценности перед США, невольно косвенно содействовали росту националистических настроений в стране, политическому усилению правых и в конечном итоге приходу их к власти в 1981 году во главе с Р. Рейганом.

В будущем при проведении переговоров с американцами по каким-либо проблемам не следует настаивать на принципах равенства в официальных заявлениях и документах. Тем более что нынешняя Россия по многим параметрам уступает Советскому Союзу. Формулировки о равенстве сразу же вызовут противодействие со стороны правоконсервативных сил, которые начнут мобилизовывать общественность в свою поддержку и найдут ее. Лучше добиваться реального равенства или максимально возможного приближения к нему за столом переговоров с помощью традиционной дипломатии, не афишируя достигнутые результаты. А в официальных двусторонних заявлениях и документах пусть содержатся формулировки об американской «исключительности».

В-третьих, для формирования стабильных и устойчивых российско-американских отношений необходимо, чтобы многотысячный корпус профессиональных дипломатов США знал и понимал внешнеполитическую стратегию России, включая ее ближнее зарубежье. Необходимо внедрять в

«умы и сердца» американских дипломатов, в первую очередь двух десятков аналитиков из Группы планирования политики (Policy planning staff) — «мозгового центра» госдепартамента, российские внешнеполитические установки и приоритеты.

Одна из главных установок должна заключаться в следующем: народы и части бывшего СССР, тяготеющие к России, имеют такое же право на самоопределение, как и «вернувшиеся в Европу» (вошедшие в состав НАТО и ЕС). При этом придется преодолевать антироссийскую предвзятость и примитивную русофобию американцев, их стремление к черно-белому восприятию мира. Но без поддержки внешнеполитической бюрократической машины обеспечить долговременную стабильность российско-американским отношениям не удастся. В этом заключается один из основных уроков неудачной политики разрядки 1970-х годов.

Румыния в ЕС: прогнозы и реалии

Вступление Румынии в Европейский Союз 1 января 2007 года завершило 12-летний подготовительный период адаптации к европейским институционально-правовым основам, брюссельским стандартам в экономике и других сферах общественной жизни. Свое пребывание в составе ЕС Румыния рассматривает как безальтернативный вариант быстрой и успешной европеизации страны, возможность добиться стабильного развития национального хозяйства, повышения жизненного уровня за счет интеграционных ресурсов и новых форм кооперационного сотрудничества.

Первые итоги членства в ЕС свидетельствуют о необходимости переоценки многих оптимистических прогнозов, сделанных румынским руководством в предынтеграционный период. В то же время возникшие проблемы реальной интеграции в европейское общество свидетельствуют, что стране предстоит найти адекватный ответ на новые вызовы.

Национальная экономика и трудности интеграции

Становление Румынии как полноправного игрока в европейском экономическом пространстве совпало с резким ухудшением конъюнктуры на мировых финансовых и продовольственных рынках, а также продолжающимся ростом цен на энергоносители. Тем не менее страна смогла сохранить высокие по меркам большинства других членов ЕС темпы экономического роста. В 2007 году объем валового внутреннего продукта вырос на 6,1, промышленного производства — на 5,4 процента. Наряду с прогнозами на преодоление затяжной рецессии в сельском хозяйстве сохраняющийся в стране инвестиционный и потребительский бум позволяет правительству прогнозировать увеличение ВВП в 2008 году почти на 7 процентов.

На общем благоприятном макроэкономическом фоне очевиден целый комплекс проблем — как тех, которые страна не смогла решить до вступления в ЕС, так и рожденных самим членством. Как образно заметил видный румынский экономист И. Г. Ионеску, «экономика Румынии выглядит хорошо только с большого расстояния, вблизи же видны все ее слабые стороны»¹.

¹ Ion G. Ionescu. Reechilibrări macroeconomice. — «Tribuna economică». 2008. № 10. P. 86.

Одной из острых проблем стало растущее влияние мировой конъюнктуры на финансовую стабильность страны. Международные рейтинговые агентства «Standard & Poor's» и «Fitch Ratings» относят Румынию (наряду с Болгарией) к

² См. «Romnet economic». 30.06.2008. числу стран, наиболее чувствительных к глобальным финансовым кризисам². Со второй половины 2007 года в

стране произошел всплеск инфляции, высокая динамика которой сохраняется и в 2008 году. Национальный Банк Румынии (НБР) вынужден систематически пересматривать свои прогнозы роста цен, обменного курса национальной валюты, ставки рефинансирования, влияющей на стоимость заемных средств, доходность накоплений населения, а в конечном итоге и на темпы экономического роста. В 2007 году годовая инфляция поднялась до 6,8 процента (прогноз — 4,0 процента), в июне 2008-го — до 8,6 процента. Правительство ожидает, что годовой рост цен составит не 3,8, как ожидалось, а 7,0 процентов, мотивируя это более высокой инфляцией в ЕС.

Пытаясь снизить инфляционное давление на национальную экономику, НБР систематически повышает ставку рефинансирования, во многом регулируемую финансовый рынок. В конце 2007 года она составила 7,50 процента, в августе 2008-го поднялась до 10,25 процента. Проводившаяся НБР с 2002 года политика «тяжелого лея» для снижения степени «долларизации» румынской экономики позволила к моменту получения членства в ЕС стабилизировать обменный валютный курс. Однако с конца 2007-го в стране отмечен новый виток девальвации лея, подстегивающий инфляцию.

Реакцией Еврокомиссии (ЕК) на негативные тенденции в финансовой сфере Румынии стало требование ускорить бюджетные и налоговые реформы, соблюдать критерии Маастрихта по механизму валютного курса, предусматривающему определенный уровень волатильности (колебаний), нарушение которой может стать препятствием для вступления Румынии в зону евро, намеченное на 2014 год. По мнению НБР, а также ряда международных финансовых институтов (МВФ, Всемирный банк), высокие темпы доходов и потребления населения при отставании роста производительности труда превышают экономический потенциал страны и создают опасность «перегрева» экономики. В ответ на предложение европейских экспертов более жестко увязывать расходы правительства на социальные цели с повышением эффективности экономики министр экономики и финансов Румынии В. Восгонян заявил: «Легче быть бедным вне Евросоюза, чем внутри него. Мы должны поддерживать высокие

³ «Ziua». 30.06.2008. темпы экономического роста, несмотря на перегрев экономики. Нам нужен социальный мир»³.

Наиболее явственно опасность «перегрева» народного хозяйства проявляется в нарушении баланса обмена с мировым рынком. Дефицит текущего счета платежного баланса Румынии вырос с 10,2 процента ВВП в 2006-м до 13,9 — в

⁴ См. «Act Media — Buletin zilnic». 05.05.2008. 2007 году. Ожидается, что этот показатель может подняться до 17,9 процента в 2008-м и 16,0 — в 2009 году⁴. Основной

причиной внешнеэкономического дисбаланса следует считать прежде всего

превышение совокупного спроса над предложением отечественных товаров и услуг на внутреннем рынке.

Встраивание Румынии в жесткие рамки европейских нормативов усиливает ее зависимость от экономического обмена с партнерами по Союзу. Доля региона ЕС в экспорте страны поднялась с 67,7 процента в 2006-м до 72,2 — в 2007 году; в импорте — с 62,1 до 71,3 процента. Положительные сдвиги в структуре обмена с европейским рынком связаны прежде всего с продукцией среднего технологического уровня, производимой на предприятиях, ставших собственностью глобально-оперирующих компаний (автомобили, бытовая электротехника, продукты нефтепереработки). Вывоз этих товаров рос несколько быстрее традиционных изделий румынской индустрии (металлопродукция, текстиль, мебель, пищевкусовые товары). В 2007 году почти 85 процентов импортных закупок, в первую очередь инвестиционных изделий высокой технологичности, шли на обеспечение экспортного производства страны.

Анализируя перспективы повышения эффективности сотрудничества на европейском рынке, специализации национальной экономики на кратко- и долгосрочную перспективу, румынские эксперты приходят к неутешительным выводам о невозможности добиться серьезного прогресса в изменении сложившейся структуры экономических связей. В качестве паллиативной меры для диверсификации обмена с мировым рынком предлагается расширять внешнеэкономические отношения с Африкой, Ближним Востоком, Латинской Америкой⁵.

⁵ См. «Principalele sectoare economice cu avantaje comparative și competitive în comerțul exterior al României». — «Economie teoretică și aplicată» (București). 2008. № 5. P. 11–44.

Глубинные причины трудностей включения Румынии в европейские и мировые торгово-финансовые потоки лежат в незавершенности структурных реформ, успех которых в определяющей степени зависит от притока иностранного капитала. На фоне других новых членов ЕС Румыния, по оценке международного рейтингового агентства «Forbes» — «The Best Countries for Business», продолжает сохранять высокую инвестиционную привлекательность⁶. Однако, вопреки ожиданиям, членство в ЕС не привело к увеличению притока в страну иностранного капитала. Сказался не только кризис на мировом финансовом рынке, но и фактическое завершение на предшествующем этапе приватизации наиболее привлекательных для западного бизнеса государственных активов. Крупнейшей сделкой стало приобретение компанией «Ford Motors» в марте 2008 года предприятия по выпуску легковых автомобилей в городе Крайова, денационализованного государством после банкротства предыдущего владельца — корейской компании «Daewoo Motors». Отличительной чертой этой сделки стало участие ЕС, предоставившего финансовую помощь для создания на этом промышленном объекте дополнительных рабочих мест.

⁶ См. «Romnet economic». 30.06.2008.

Приток чистых иностранных вложений в Румынию в 2007 году составил 7 миллиардов евро (в 2006-м — 8,7 миллиарда), а общий объем накопленных в стране зарубежных вложений достиг 41,3 миллиарда евро⁷. Все более ощутимая интеграция страны в единый

⁷ См. «Banca Națională României. Buletin lunar». 2007. № 2. P. 62.

европейский рынок меняет структуру инвестиций. Уменьшается доля так называемых стабильных вложений в основной капитал, в том числе в новое строительство (Greenfield investment). Этот показатель упал с 66 процентов в 2006 году до 50 — в 2007-м. Все большую роль в структуре иностранных инвестиций занимают внутрифирменные кредиты, которые международные корпорации предоставляют своим филиалам в Румынии (55 процентов иностранных вложений в первом полугодии 2008 года).

Сближение национальных и европейских правоприменительных норм ведения бизнеса облегчает продолжение экспансии мирового капитала на внутренний рынок. В собственность зарубежных компаний перешли 17 из 23 отраслей румынской промышленности, 75 процентов уставного капитала и 90 процентов банковских активов страны. В то же время озабоченность правительства Румынии вызывает растущий отток финансовых средств за границу. В 2007 году объем переводов за рубеж, согласно данным текущего счета платежного баланса страны, вырос до 16,8 миллиарда евро (в 2006-м — 9,3 миллиарда). Основную его часть составили репатриированные прибыль и дивиденды, полученные иностранными инвесторами, предпочитающими выводить растущие доходы за рубеж для стабилизации финансового положения основных подразделений компаний и приобретения новых активов.

Членство в ЕС стимулировало новые формы инвестиционного сотрудничества Румынии с западным капиталом. Международные корпорации проявили интерес к участию в национальных программах развития промышленных парков. По замыслу румынского правительства, формирование таких производственно-территориальных зон даст возможность создать в национальной индустрии своего рода «точки роста», облегчит прорыв в области высоких технологий. В 2007—2013 годах предполагается сформировать в стране 22 такие территориально выделенные зоны, в том числе в 2007—2008 годах — 5 парков вокруг крупнейших городов Клуж-Напока, Брашов, Тимишоара, Плоешть, Крайова. Кроме получения налоговых и других льгот от румынского государства инвестор имеет возможность наладить кооперацию с малым бизнесом (кластеризацию), предоставить заказчику комплекс услуг, а главное — сэкономить на транспортных, таможенных и других затратах. Эти парки должны стать экспортерами производимых в них готовых изделий и компонентов, способствуя повышению роли Румынии в мировом товарообороте. Первый пилотный проект парка «Tetarom» реализуется в коммуне Жука (вблизи города Клуж-Напока), где налаживаются сборка автомобилей компании «General Motors» и производство шин и трансмиссий (фирма «Pirelli»). В 2008 году корпорация «Nokia» переносит сюда выпуск мобильных телефонов из города Бохум (Германия). О намерении развить в этой зоне свое производство компонентов для средств связи объявил Китай.

Как показывает опыт других стран Центрально-Юго-Восточной Европы, ставших членами ЕС, вряд ли новая форма промышленной кооперации обеспечит Румынии доступ к высокотехнологичным и наукоемким производствам,

сосредоточенным в «старой Европе». Проведенное в Румынии в рамках проекта «Manufacturing Vision», финансируемого ЕС, исследование стратегии реструктуризации обрабатывающей промышленности на ближайшие 10–15 лет не дало ясного ответа на этот вопрос⁸. ⁸ См. «Tribuna economică». 2008. № 8. P. 23; № 10. P. 25.

Более чем очевидно, что решающее воздействие на специализацию промышленности Румынии (как и других новых членов ЕС) будут оказывать интересы иностранных монополий, по существу, сменивших государственный монополизм. А они развивают на региональных рынках только нужные им производства. Опасность сохранения высокзатратной и малоэффективной с точки зрения современных направлений научно-технического прогресса структуры ведущей отрасли экономики хорошо осознается румынским бизнесом и вызывает его озабоченность. В мае 2008 года Конфедерация отраслевых союзов румынской промышленности обратилась к правительству и всему обществу с призывом рассматривать возрождение и модернизацию индустрии как национальный приоритет⁹. ⁹ См. «Adevărul». 23.05.2008.

Первый опыт членства в ЕС показал трудности на пути инновационного развития за счет сотрудничества с более развитыми странами ЕС. В предынтеграционный период с участием экспертов Союза был разработан пакет программ и направлений фундаментальных и прикладных исследований, составивших базу Национальной стратегии на 2007–2013 годы в инновационной сфере. Реализация этой стратегии в решающей мере зависит от широкой кооперации с партнерами по Союзу, привлечения большого объема международного финансирования. Из-за нехватки собственных ресурсов в 2005 году Румыния выделяла на НИОКР только 0,30 процента, в 2007-м — 0,56 процента ВВП. Ожидается, что к 2010 году эта доля может подняться до 1 процента ВВП¹⁰, тогда как Лиссабонская стратегия предлагает странам Евросоюза довести этот показатель до 3 процентов ВВП. ¹⁰ См. «Tribuna economică». 2007. № 20. P. 89.

Начало инновационного партнерства с ЕС выявило прежде всего организационную и правовую неподготовленность Румынии. Не удалось снять административно-законодательные барьеры для создания национального венчурного фонда, для так называемых *spin offs*, то есть комплексных исследовательских групп из представителей специализированных институтов и университетских кадров, цель которых — коммерциализация полученных результатов. Для решения инновационных задач правительство выделило в 2007–2013 годах 4,5 миллиарда евро — по 600 миллионов ежегодно. Однако большая часть ассигнований в 2007 году осталась невостребованной.

В отсутствие формальных барьеров для интеграции румынской экономики в единый европейский рынок поставлено под сомнение одно, казалось бы, бесспорное конкурентное преимущество страны — обеспеченность сравнительно дешевой и квалифицированной рабочей силой. В 2007 году почасовая оплата труда в Румынии не превышала 2 евро, а за вычетом налогов — 1,5; средний чистый заработок за месяц — 300 евро. При низкой стоимости рабочей силы и растущей производительности труда, по оценкам международного агентства

¹¹ См. «Adevărul». 23.03.2008. «Price Water House Coopers», затраты на одного работника в 1 евро приносят в Румынии прибыль 1,4 евро¹¹. Между тем вступление в ЕС стимулировало мощную миграцию рабочей силы из Румынии. Полностью открыли свои рынки для румын, ищущих работу, 11 государств — членов Союза, а в 15-ти введены различные временные ограничения, в том числе наиболее жесткие в Великобритании, Ирландии, Венгрии, более мягкие — во Франции. Сложившийся в Румынии избыток свободных рабочих рук вследствие происходивших в 1990-е годы деиндустриализации и снижения абсорбирующей способности реального сектора экономики стал стремительно «таять». Начался массовый отъезд румын с целью заработка в более благопо-

¹² См. «Tribuna economică». 2007. № 40. P. 52; «Act Media — Buletin zilnic». 05.06.2008. лучные государства. В 2007—2008 годах трудовая миграция составила, по разным оценкам, 2—3 миллиона человек, то есть 20—30 процентов активного населения страны¹². Бы-

стро меняется профессиональная структура контингента отъезжающих за рубеж. Если в прединтеграционный период преобладали лица с низкой квалификацией, находившие работу главным образом в сельском хозяйстве и сфере услуг европейских стран, то в последние годы усилился отток молодежи на учебу, специалистов с высшим и средним образованием. В начале 2008 года дефицит рабочей силы в румынской экономике поднялся до 100 тысяч человек¹³.

¹³ См. «Adevărul». 23.01.2008.

Национальный бизнес уже бьет тревогу в связи с растущей нехваткой рабочих рук в таких секторах экономики, как строительство, финансы, информационные технологии и коммуникации, обрабатывающая промышленность. Меры правительства по смягчению дефицита рабочей силы за счет привлечения иностранцев (Украина, Молдова, Турция и даже Юго-Восточная Азия) вызывают протест профсоюзов, считающих такую политику социальным демпингом и в целом не решающей проблему баланса на рынке труда.

Конвергенция национального и европейского социального и трудового законодательства осложняет поиск консенсуса между бизнес-сообществом и массой наемных работников, интересы которых представляют влиятельные профсоюзы. В 2007—2008 годах по стране прокатилась волна протестных выступлений и забастовок, в том числе на предприятиях, принадлежащих ТНК. Основным требованием стало повышение оплаты труда. Оценивая эти события, председатель Генерального союза промышленников Румынии Ч. Корына заявил: «Интеграция в ЕС имеет нежелательный эффект для румынской промышленности. Идет ужасное давление на рынок труда. Дешевизна рабочей силы становится воспоминанием»¹⁴.

¹⁴ «Piața financiară — Magazine». 30.04.2007.

Принимая во внимание осложнение проблем на европейском рынке труда в целом, ЕК в мае 2008 года внесла некоторые коррективы в политику занятости с учетом национальной специфики в странах-членах. Для Румынии было предложено провести реформу образования с целью уменьшения оттока молодежи из учебных заведений до завершения курса обучения. Рекомендовано

также разработать программы по сокращению миграции специалистов, «утечки умов»¹⁵. Для ослабления негативных последствий миграции рабочей силы правительство Румынии подготовило со своей стороны пакет мер по уменьшению безработицы в депрессивных районах. Изменяется модель оплаты труда, которая должна стимулировать заинтересованность наемных работников в более эффективном, а следовательно, и более высокооплачиваемом труде.

За истекшие полтора года интеграции в ЕС в Румынии заметно снизился оптимизм в отношении роли структурных фондов для будущего развития страны. По предварительным расчетам румынских экономистов, финансовые вливания из фондов Союза могли бы за 7–8 лет увеличить национальный ВВП на 15–20 процентов¹⁶.

На 2007–2013 годы ЕС выделил для Румынии 19,7 миллиарда евро по программе повышения конкурентоспособности и уровня развития национальной экономики. При освоении этих средств страна должна участвовать в софинансировании проектов, согласованных с ЕК. К моменту получения членства в Союзе Румыния провела большую организационно-юридическую подготовку в соответствии с требованиями ЕК. Созданы административно-ведомственные структуры, отвечающие за использование европейских финансов. В июне 2007 года ЕК одобрила предоставленную Румынией Национальную стратегическую референтную рамку, содержащую пакет операционных программ, финансовую базу которых составят как внешние источники (фонды ЕС, внешние кредиты), так и внутренние ресурсы (бюджеты всех уровней, заимствования на внутреннем рынке).

Опыт привлечения средств из структурных фондов оказался для правительства Румынии обескураживающим. Вместо 2 миллиардов евро, которые страна могла получить в 2007 году, удалось использовать только 400 миллионов из фонда рыболовства. Не оправдались надежды и на большие вливания в сельское хозяйство. Препятствием стали медленные темпы реструктуризации землевладения и землепользования, отличающихся крайней раздробленностью. Жесткие критерии предоставления европейских субсидий сельхозпроизводителям резко ограничивают число румынских фермеров, которые могут рассчитывать на такую финансовую поддержку: из общего их числа (4,25 миллиона) только 1,5 миллиона смогут воспользоваться этой помощью, поскольку имеют наделы более 2 гектаров.

Первые итоги вступления Румынии в ЕС свидетельствуют о всевозрастающем влиянии глобальных процессов на национальный рынок. Встраивание Румынии в жесткие рамки базирующегося на европейских критериях Таможенного кодекса, налоговых механизмов снизило уровень защиты отечественных товаропроизводителей. Интеграция в ЕС несет Румынии потенциальную угрозу гиперконкуренции европейских фирм. По данным Торгового регистра страны, число банкротств средних и малых предприятий, где еще сохраняется присутствие национального капитала, в 2007–2008 годах удвоилось¹⁷.

В 2007 году Румыния выплатила в союзный бюджет 1,1 миллиарда евро (около 1,8 процента ВВП), в 2008-м выплаты составят 1,33 миллиарда (более 1 процента ВВП). Нарушение баланса платежей и поступлений от ЕС, по мнению председателя Национального банка Румынии М. Исэреску, «становится серьезной проблемой, возникает опасность превращения Румынии из бенефициара в чистого плательщика в европейский бюджет»¹⁸. Сложности с использованием структурных фондов типичны для многих новых членов ЕС. Смягчить их сможет договоренность с ЕК о пролонгировании возможности предоставления стране сумм, недополученных в первый год членства, в последующие два года.

¹⁸ «Act Media – Buletin zilnic». 21.03.2007.

Эволюция общественно-политической жизни

Реалии, с которыми столкнулась Румыния после получения членства в ЕС, заметно снизили оптимизм общественных ожиданий от последствий этого события. В 2007–2008 годах обострилось противостояние исполнительной и законодательной власти, различных политических сил. Дестабилизирующим фактором стало продолжение яростной антикоммунистической кампании, начатой сразу после выборов 2004 года правыми партиями и президентом страны Т. Бэеску. Были открыты более 1,5 миллиона досье на представителей различных слоев общества для выявления их возможных связей со спецслужбами коммунистического режима. Возник целый ряд общественных организаций и институтов, занятых расследованиями деятельности государства в период 1947–1989 годов. Министерство образования приняло решение ввести с 2008/2009 учебного года в средних учебных заведениях обязательный курс по изучению этой проблемы под названием «Мемориал скорби».

Противоречивую реакцию в обществе вызвало решение Высшего кассационного суда о признании законным участие Румынии в войне 1941–1945 годов под предлогом, что она велась за освобождение Бессарабии и Буковины. Одновременно приняты решения о реабилитации фашистского режима М. Антонеску, членов так называемой Железной гвардии во главе с Х. Сима, бывших союзников гитлеровской Германии, совершивших кровавые преступления в самой Румынии и за ее пределами.

На фоне растущей социальной поляризации, быстрого становления институтов гражданского общества идет процесс размывания идеологических платформ многочисленных партий, стирается грань между властью и крупным капиталом. Политическое пространство в Румынии становится все более мозаичным вследствие продолжающегося формирования новых партий и партийных блоков преимущественно правой и правоцентристской ориентации. Основная борьба разворачивается между тремя ведущими игроками: Социал-демократической партией (СДП), пропрезидентской Демократическо-либеральной партией (ДЛП) и Национально-либеральной партией (НЛП), возглавляемой премьер-министром страны К. Тэричану.

Возникший сразу после выборов 2004 года конфликт между президентом, правительством и парламентом вылился в открытое противостояние, в основе которого лежали сложности институционально-правового характера, связанные с разграничением полномочий между отдельными ветвями власти, расхождения в подходах к социально-экономической политике. Кульминацией объективных и отчасти лично-субъективных противоречий между политическими лидерами стал референдум 19 мая 2007 года по вопросу пребывания президента Т. Бэеску на высшем государственном посту, инициированный парламентскими фракциями социал-демократов и националистов из партии «Великая Румыния». Однако большинство граждан, пришедших к урнам, высказались в поддержку президента. Особенно высокую поддержку (свыше 85 процентов) ему оказала молодежь. Реакцией на итоги голосования стало удаление из правительства всех министров-демократов, в том числе министра юстиции М. Маковой, которая инициировала расследование коррупции среди представителей высшей власти. Был сформирован так называемый кабинет меньшинства из представителей либералов и Демократического союза венгров Румынии, имеющих в парламенте не более 20 процентов своих представителей.

Сложные процессы происходят в левом секторе политической жизни. СДП, имея немногим более трети мест в парламенте, вынуждена прибегать в тактических целях к блокированию с идеологически чуждыми ей партиями. Объявив в 2007 году главной целью своей политики отстранение от власти президента, СДП вступила в соглашение с НПЛ. Когда же началась борьба за отставку правительства либерала К. Тэричану, ее союзником стала пропрезидентская ДЛП. Маневры руководства СДП во главе с М. Джоанэ провоцировали недовольство внутри самой партии, потерю традиционного электората. На выборах в Европарламент в ноябре 2007 года СДП получила только 10 из выделенных для Румынии 35 мест, ДЛП — 13, либералы — 6. Не удалось социал-демократам усилить свои позиции и на местных выборах в июне 2008 года. Впервые в стране эти выборы проводились по мажоритарной системе вместо действовавшей ранее пропорциональной модели. В кампании участвовали 53 партии и различные объединения. Эксперты оценили ее как самую дорогую в истории постсоциалистической Румынии. В целом расстановка основных игроков на политической сцене изменилась мало, хотя СДП и ДЛП, получившие наибольшее количество мест в руководящих органах на местах, уверяют общественное мнение, будто победа досталась именно им. Социал-демократы выиграли 16 из 41 поста председателей уездных собраний и обеспечили себе небольшое преимущество в городских и сельских органах управления.

Представители ДЛП возглавят 14 собраний уездов; в то же время партия потеряла пост главного префекта (мэра) Бухареста, который она сохраняла в течение последних восьми лет. Эту должность занимает теперь С. Опреску, покинувший ряды СДП и баллотировавшийся как независимый кандидат. Почти девять десятых постов руководителей в 2,8 тысячи коммун в сельской местности примерно поровну поделили между собой представители СДП, ДЛП и НПЛ.

¹⁹ «Evenimentul zilei». 30.06.2008.

Итоги выборов Бэеску назвал «выборами первого поколения европейских руководителей на местах»¹⁹. Тем не менее их итоги усилили фрагментарность политического поля, опасность противостояния политических конкурентов уже на региональном уровне, особенно в связи с намечаемыми на ноябрь 2008 года парламентскими выборами. Согласно социологическим опросам, проведенным в августе нынешнего года, серьезных изменений в балансе политических сил, видимо, не произойдет. Основное предпочтение румынское общество по-прежнему отдает ДЛП, за которую намерены проголосовать до 38 процентов избирателей, за СДП — 26, НЛП — 16. Есть опасность, что другие партии не преодолеют 5-процентный порог. Наибольшей популярностью среди респондентов

²⁰ См. «Cotidianul». 08.08.2008; «Ziua». 04.08.2008.

пользуется президент Т. Бэеску (49 процентов опрошенных), далее идет лидер социал-демократов М. Джоанэ (24 процента)²⁰.

Острейшим оружием для румынского политического истеблишмента стали взаимные обвинения в коррупции. Предусмотренная Договором о вступлении Румынии в члены ЕС так называемая защитная оговорка (Safeguard clause) позволяет ЕК в течение трех лет проводить регулярный мониторинг выполнения Румынией требований Союза. В июне

²¹ См. «Raportul Comprehensiv Monitorizare 2008 privind Romania». — www.MJE; Rompres. 23.07.2008.

2008 года был представлен очередной доклад ЕК о результатах реформирования юстиции и борьбы с коррупцией в Румынии²¹. Отмечая некоторые успехи реформы

правоохранительных органов, европейские эксперты в то же время считают недостаточными антикоррупционные меры, принимаемые правительством страны. Подчеркивается политизированность подхода к рассмотрению дел о коррупции в высших эшелонах власти парламента, органов юстиции и даже Конституционного суда. Доклад отмечает слабую связь органов законодательной и исполнительной власти с обществом, что, по мнению авторов доклада, тормозит становление в Румынии подлинного демократического правового государства.

Властная и политическая элита страны с редким единодушием выразила согласие с выводами ЕК, однако в причинах выявленных недостатков каждый из лидеров обвиняет своих политических конкурентов. Начатое в 2007 году расследование по обвинению в коррупции и злоупотреблении служебным положением затронуло прежде всего бывших и действующих высокопоставленных чиновников, являющихся, как правило, представителями оппозиционных президенту партий. Из восьми обвиняемых четверо — члены парламента, в том числе председатель Национального совета СДП А. Нэстасе, в 2002—2004 годах занимавший пост премьер-министра Румынии. Парламент страны, уже дважды отказавший прокуратуре по антикоррупционным делам в снятии с А. Нэстасе депутатской неприкосновенности, под давлением ЕК срочно собрался 13 августа на чрезвычайное заседание и вновь принял решение о невозбуждении против него уголовного дела. В то же время палата согласилась с началом этой

процедуры против М. Митря, бывшего министра транспорта в правительстве социал-демократов. Однако оба решения не имеют юридической силы, так как в голосовании приняли участие только 278 депутатов, то есть менее двух третей состава.

Премьер-министр Румынии К. Тэричану заверил руководство ЕС, что «правительство не будет проявлять толерантность к тем, кто использует публичные функции для обогащения»²². Еврокомиссар от Румынии в ЕС Л. Орбан предупредил, что сохранение барьеров на пути борьбы с коррупцией несет огромные риски для Румынии, и сослался на жесткие меры, принятые Евросоюзом против Болгарии²³.

Членство в ЕС несет мало прогнозируемые проблемы. Одна из них — защита прав румынских мигрантов в других странах Союза. Поводом стало решение итальянского правительства о так называемых кочевых народах, связанное с уголовно наказуемым поведением в начале 2008 года представителей цыган — выходцев из Румынии. Румынские официальные власти расценили меры итальянского руководства как «дискриминацию, не отвечающую международному праву и идее прав человека»²⁴.

Как член НАТО Румыния участвует в ее операциях в Афганистане; она предоставила США военные базы на своей территории и направила свой воинский контингент в Ирак для участия в американской военной операции. В то же время она категорически отказалась признать независимость Косова в связи со сверхчувствительностью этой проблемы для самой страны, где проживает многочисленное венгерское меньшинство. Представляющий интересы этого меньшинства Демократический союз венгров Румынии занимает умеренно-либеральные позиции, требуя в парламенте расширения культурной автономии и представительства в административных органах.

Одновременно все более громко заявляет о себе радикальное крыло венгерских политиков. В Европарламент избран известный пастырь Л. Тёкёш, принимавший самое активное участие в трагических событиях в Тимишоаре, предшествовавших революции в декабре 1989 года. Он называет вхождение Трансильвании в состав Румынии в 1918 году потерей для венгерской нации и высказывается за автономию этого региона страны²⁵. После долгих проволочек в 2008 году была зарегистрирована Гражданская венгерская партия, лидеры которой требуют территориально-административной автономии пока только для так называемого Секуйского края, то есть для нескольких уездов Трансильвании, среди населения которых преобладают венгры. Выступая в Яссах по случаю 149-й годовщины объединения румынских княжеств Молдовы и Валахии, К. Тэричану поставил весьма риторический вопрос: «Сегодня мы вновь спрашиваем, стала ли Румыния той европейской страной, которую мы хотим видеть?» И призвал румынское общество сплотиться вокруг проекта создания подлинно европейского государства под лозунгом свободы, справедливости и процветания²⁶.

Прошедшие почти два года после предоставления Румынии полноправного членства в ЕС вынуждают политических лидеров, представителей гражданского общества более трезво оценивать объективные трудности, стоящие перед страной на пути реальной интеграции в европейские общественно-экономические системы. Весьма пессимистически звучит такое высказывание А. Нэстасе: «растущая финансово-экономическая зависимость страны от ЕС «превращает нас в его рабов на долгие годы»²⁷.

²⁷ «Romnet Local News». 25.01.2008.

Незавершенность экономической трансформации, процесса становления зрелого демократического общества в Румынии, стала причиной высказанных рядом европейских экспертов сомнений в своевременности приема страны (как, впрочем, и Болгарии) в Союз. Они требуют сохранения постоянного контроля над процессами внутренней жизни в этих государствах. В условиях нестабильности мирового рынка, трудностей, переживаемых непосредственно Евросоюзом, модель «догоняющего развития», которую Румыния вынуждена реализовывать, создает для страны дополнительные вызовы и риски. Преодоление исторически сложившегося разрыва между Румынией и «старой Европой» по социально-экономическим параметрам, степени обеспечения основных прав граждан на достойную жизнь займет многие десятилетия, потребует немалых усилий всего румынского общества.

Призыв к порядку

Приход в Кремль президента Д. А. Медведева состоялся на фоне активизировавшейся риторики о необходимости скорейшей модернизации российской экономики и российского общества. Однако представления об этом процессе, бытующие ныне в нашем обществе, можно назвать в лучшем случае умозрительными и любительскими. Хотя власть официально провозгласила курс на модернизацию, никто не пытается строго научным образом определить это понятие, а политики и эксперты, говоря о ней, обычно указывают на малозначительные или вообще не имеющие отношения к делу обстоятельства. Часто приходится слышать, что модернизация нереализуема без демократизации и политических реформ; утверждается, будто она должна быть постиндустриальной и ее судьба в конечном счете решится в сфере инновационных технологий; подчеркивается, что о модернизации нечего и рассуждать, если на первый план не поставлено развитие науки и образования. Все эти красивые слова, увы, не проясняют ни целей, которые мы перед собой ставим, ни ближайших шагов, которые могут превратить модернизацию из досужей мечты в повседневную реальность.

История государств, заслуженно считающихся примерами успешных модернизаций, заставляет видеть в современной риторике существенную долю демагогии. «Демократический» аргумент выглядит весьма привлекательным, но наигранным. Мощные экономические прорывы в Южной Корее и на Тайване пришлось на периоды правления военных диктатур Пак Чжон Хи и Чан Кайши; в Бразилии модернизация была начата в годы хунты генерала Кастро Бранко; в Китае о демократии не приходится говорить даже сегодня, а в Японии почти вся послевоенная политическая история была историей одной правящей партии. «Постиндустриальные» рассуждения выглядят еще более беспомощными: все быстроразвивавшиеся страны стартовали с крайне низкого уровня, на котором о серьезном технологическом потенциале не следует даже мечтать; напротив, любая модернизация основывалась на заимствованных технологиях. А серьезное развитие человеческого потенциала, подъем образования и науки во всех случаях были не условием, а следствием модернизаций и при-

ИНОЗЕМЦЕВ Владислав Леонидович — главный редактор журнала «Свободная мысль», доктор экономических наук.

ходились на их заключительные, а не начальные стадии. Все модернизации начинались в странах, где уровень экономического развития (следовательно, и уровень жизни населения) был весьма низким, политическая система — неразвитой, человеческий капитал — минимальным, а возможности хозяйственного прорыва с опорой на собственные технологические достижения — нулевыми. И все же модернизации совершались, и проводившие их государства превращались из явных аутсайдеров во влиятельных и уважаемых членов международного сообщества.

Что же отличало успешно модернизовавшиеся страны — такие, например, как государства Юго-Восточной Азии, от неудачников (прежде всего стран Африки, в начале 1960-х годов куда более богатых и благополучных, чем Корея или Тайвань)? В списке потенциальных различий главное место занимает *порядок* — тот самый, которого сегодня в России нет, как не было его и в 1990-е годы. Говоря о порядке, мы не имеем в виду террор сталинского типа. Речь о том, что важнейшее условие модернизации — четкая постановка целей, полный отказ от всякого рода демагогии; тщательный анализ средств достижения указанных задач; минимизация затрачиваемых на их достижение средств и усилий и как следствие — безусловное отторжение системой институтов и лиц, доказывающих свою некомпетентность или бесполезность. Порядок в условиях модернизации — это средство обеспечения ее эффективности. Все, что мешает формулировать цели и задачи, а затем и достигать их, должно отмечаться. Лишь пойдя по этому пути, уверены, Россия сможет стать современной страной, радикально приумножить экономический потенциал, породить запрос на демократию, сформировать в гражданах постиндустриальные ценности и в итоге — занять достойное место в мире как великая держава XXI века.

Модернизация как вынужденная мера

Следует понимать: модернизация — это экономическая и социальная стратегия, в основе которой лежит осознание неприемлемости сложившегося положения вещей, неудовлетворенность хозяйственной и политической системой и готовность к радикальным переменам. Модернизация — это процесс устранения причин, из-за которых социально-экономическая система проигрывает конкурентам или наращивает отставание от них. Она отличается от быстрого экономического прогресса, порой называемого «ростом без развития» и обусловленного благоприятной внешней конъюнктурой; ее не следует путать и с инновационными революциями, так как таковые часто происходят без четкого плана и не всегда обеспечивают соответствующие социально-экономические трансформации. Быстрое развитие ресурсодобывающих стран в 1970-е годы в следующем десятилетии сменилось глубоким кризисом, так как ни экономических, ни политических реформ в

большинстве этих государств так и не случилось, несмотря на бурный рост. Величайший технологический прорыв, состоявшийся на нашей памяти в Соединенных Штатах во второй половине 1980-х и в 1990-е годы, не принес стране адекватных ему перемен ни в финансовой, ни в социальной, ни в политической сферах — и потому сегодня все чаще слышны мнения, будто США по многим позициям стали самой консервативной и труднореформируемой из всех развитых стран. Более того; модернизацией мы не стали бы называть и развитие стран-лидеров, например Великобритании конца XIX века, занимавшей доминирующие экономические позиции в мире, но в силу внутренних закономерностей развивавшейся без специальных скоординированных усилий, направленных на ускорение экономического роста и наращивание темпа социальных перемен. Штаты 1890—1914-х годов представляют собой более сложное явление: с одной стороны, они были догоняющей страной, перенимавшей технические достижения европейцев и быстро сокращавшей разрыв с ними; с другой — они развивались без серьезного вмешательства государства в экономику, целиком полагаясь на частную инициативу.

Модернизациями, на наш взгляд, следует называть скоординированные в масштабах государства усилия, направленные на преодоление отсталости страны и вывод ее на качественно новый уровень развитости. Первыми историческими примерами модернизаций следовало бы считать «революцию Мэйдзи» в Японии в 1866—1873 годах и реформы, последовавшие за объединением Германии в 1871 году. В обоих случаях прежде отсталые страны за 20—40 лет обеспечили себе статус региональных экономических и политических лидеров на базе ускоренного промышленного развития и активного использования опыта передовых государств. В межвоенный период аналогичная стратегия была использована Союзом ССР в годы индустриализации. После Второй мировой войны масштабные модернизации произошли в Японии, Франции, Южной Корее и ряде других государств, прежде всего в Юго-Восточной Азии и Латинской Америке.

Сегодня Россия находится в ситуации, крайне напоминающей ту, в которой начинались модернизации начала второй половины XX века. Ее промышленный потенциал, ранее весьма значительный, во многом (за исключением базовых отраслей) растрочен или пришел в упадок, как это имело место в Японии или Франции в первые послевоенные годы. Мы практически не представлены на мировых рынках не то чтобы высокотехнологичной продукцией, но и продукцией высокой степени переработки вообще, в первую очередь потребительских товаров. Сфера высоких технологий практически отсутствует (за исключением космической отрасли и производства вооружений), а спрос на научные разработки мал как никогда. При этом страна обладает крайне неэффективным бюрократическим аппаратом и опасно экспериментирует с достигшим беспрецедентных масштабов социальным неравенством. В подобных

условиях модернизация представляется жизненно необходимой, а не только желательной мерой.

Задачи российской модернизации — это задачи типичного догоняющего развития, но отнюдь не «социального проектирования». Мы находимся в ситуации, в которой за последние 60 лет побывали многие страны: Германия и Япония после Второй мировой войны; Южная Корея и Тайвань в 1960-е годы; Бразилия на рубеже 1970—1980-х годов; Китай начиная со второй половины 1980-х. Россия является сверхдержавой только в мечтах ее правящей элиты. Сделаться таковой на деле — задача, требующая мобилизации всех имеющихся сил и средств. Модернизация для России, как и для других модернизированных стран, — мера вынужденная. Она должна вывести общество на путь, который позволит затем отказаться от *модернизации* и перейти к нормальному поступательному *развитию*. Средствами модернизации являются четкий план, основанный на учете многогранного опыта как самой России, так и многих других стран, и его упорядоченная реализация, а ее результатами станут и демократия, и рост благосостояния, и развитие высоких технологий, и прочие блага подобного рода. Однако не надо путать средства и результаты и думать, будто модернизация возможна без собранности, мобилизации и самоограничений.

Модернизация — это *встраивание в мир, а не подстраивание мира под себя*. Все успешно модернизовавшиеся страны — Япония в 1980-е годы, Китай на протяжении последних десятилетий, та же Бразилия (пусть и в региональном масштабе) — усваивали логику глобальной экономической системы и, используя ее, становились реальными претендентами на статус «державы № 1». Ни одна страна, пытавшаяся выдумать собственный путь в угоду отечественным доктринерам, не достигла подобных успехов. Россия — элемент мировой экономики, который сегодня используется ею преимущественно как источник сырья. Причина тому — неспособность элит ни в 1990-е, ни в 2000-е годы реализовать программу индустриальной модернизации и сломить сопротивление препятствовавшей ей бюрократии. В выступлениях президента Д. А. Медведева мы слышим сейчас новые нотки, и это внушает большие надежды.

Модернизация как мобилизация

История не знает модернизаций, которые не были бы индустриальными. Каждая модернизовавшаяся страна ставила конкретную задачу: самообеспечение качественными промышленными товарами и вывод своей продукции на мировой рынок. С 1960-го по 1989 год Япония увеличила выпуск автомобилей в 19 раз, мотоциклов — в 26, телевизоров — в 38, а магнитофонов и аудиосистем — более чем в 45 раз. В середине 1980-х она обеспечивала 82,0 процента мирового выпуска мотоциклов, 80,7 процента производства

видеосистем и 66,0 процентов факсов и копиров. Южная Корея за 20 лет стала мировым лидером в тяжелом машиностроении; сегодня на ее верфях строится около 38 процентов общего тоннажа торговых судов, ежегодно спускаемых на воду в мире. Китай произвел в 2006 году 65 процентов всех собранных в мире ксероксов и микроволновых печей, чуть более 50 процентов видеокамер, DVD-проигрывателей, цемента и текстиля, почти треть всех персональных компьютеров и 29 процентов мобильных телефонов. Латиноамериканский лидер Бразилия за 1994—1997 годы запустила в производство собственную линию пассажирских самолетов «Embraer», используемых авиаперевозчиками 36 стран мира.

Россия в последние десять лет не просто стоит на месте: доля национальных производителей сокращается на всех рынках конечной продукции — от автомобилестроения до бытовой электроники, от фармацевтики до сельского хозяйства. Почему? На то есть две причины. Во-первых, мы не готовы зарабатывать свое благосостояние собственными усилиями. Во-вторых, мы не хотим нести ответственность за неудачи и потому уже привыкли ставить не реальные цели, а мифические «ориентиры», приближение к которым невозможно измерить. Это в «нормальных» странах власти оценивают успехи государственных корпораций по объему производства конечной продукции, а не по суммам «освоенных» средств; это там, в «другом» мире, заслуживающими внимания новостями считаются сообщения о начале серийного производства нового самолета или вводе в действие новой автодороги, тогда как россияне привыкли к ньюсмейкерам, рассказывающим, какую долю отечественный авиапром займет на мировом рынке в 2015 году или сколько дорог будет построено у нас через десять лет.

Когда в 1960—1980-е годы отсталые страны Юго-Восточной Азии начинали экономические реформы, средний размер ВВП на душу населения составлял 700—900 долларов США. Это позволило перенять технологические достижения Запада и соединить их с дешевой рабочей силой. Однако результат такого соединения общество ощутило в среднем через 15—25(!) лет после начала реформ: до этого реальная заработная плата росла на 1—2 процента в год, а доля накоплений в ВВП сохранялась на уровне 38—50 процентов (в России она составляет всего 23,5 процента — на 3—4 процента больше, чем в «никуда не спешащих» Франции и Италии). Серьезный рост доходов населения начался, когда «дореформенные» показатели объемов промышленного производства были превышены в 2,5—4,0 раза. Вплоть до середины 1990-х годов во всех новых индустриальных странах Азии средняя заработная плата росла на 2,0—2,5 процента в год при росте ВВП в 6—8 процентов, а в Таиланде, Малайзии и Индонезии с 1980-го по 1992—1993 годы реальная заработная плата вообще не увеличивалась. В результате, когда в начале 1990-х Япония столкнулась с экономическим кризисом, лидерами по темпам экономического роста в регионе стали

Южная Корея и Тайвань, где средняя зарплата в промышленности составляла соответственно 15 и 22 процента от японского показателя. И лишь закрепившись в числе лидеров, все эти быстроразвивавшиеся страны допустили существенное повышение уровня жизни собственных граждан в 2000-е годы. К сожалению, история показывает: опережающий производительность рост доходов в условиях «догоняющей модернизации» по определению невозможен.

В России же с 2000 года реальные доходы населения выросли в 2,9 раза (что является предметом особой гордости правительства), в то время как производительность труда — лишь в 1,9 раза. Это противоестественное положение очень радует власть предержащих: в пресловутую Программу-2020 заложено, что средняя заработная плата будет и далее увеличиваться вдвое быстрее производительности. Чем мы собираемся «затыкать дыру»? Нефтяными доходами и притоком дешевых мигрантов? Но это никакая не модернизация, а паразитизм. «Национальной идеей» модернизации везде было сбережение; национальной идеей России стали безумная роскошь и «разбазаривание» незаработанного.

Когда в 1960-е годы Япония начала ускоренную модернизацию, Министерство внешней торговли и промышленности совместно с Банком Японии организовало программу кредитования частных компаний и корпораций на льготных условиях для закупки западных технологий и вывода продукции на мировые рынки. Главными были четкие количественные показатели: объем проданной продукции и рыночная доля — причем не на закрытом от конкуренции японском, а на мировом рынке. Пафосные отчеты об «освоении средств» никого не интересовали, как и рассказы о неожиданно возникших трудностях: если к обозначенной дате цели не достигались, дотации требовалось вернуть. Видим ли мы в России хоть что-то подобное? Какие задачи, кроме финансовых, российская власть ставит перед промышленниками? Где количественные показатели работы? Кто из получателей государственного финансирования еще не сорвал сроки выполнения заданий? «Сухой» с его бесконечными разработками «SuperJet 100»? Военно-промышленный комплекс с уже набившей оскомину «Глонасс»? Транснефть с трубопроводом «Восточная Сибирь—Тихий океан»? «Газпром», более десятилетия изображающий бурную активность по разработке Бованенковского и Харасавэйского месторождений (лицензии на разработку которых истекли у него еще в 2001 году, но были продлены до 2009—2012 года)? Кто наказан за срывы сроков? С кого снято государственное финансирование? На чью «делянку» допущены конкуренты из частного сектора или (о Боже!) из-за рубежа? Пока эти вопросы вызывают только улыбки; бессмысленны и мечты о модернизации.

Чем менее заметны российские успехи в индустриальном развитии, тем более активными становятся «эксперты», убеждающие сограждан в том, что

наш основной путь состоит в «постиндустриальной модернизации», что мы готовы и способны создать «общество знания», за интеллектуальными продуктами которого весь мир выстроится в очередь. Нам рассказывают сказки об «общедоступности интеллектуальных богатств», «неизмеримом научном потенциале» страны, которая на один доллар производимого ВВП потребляет энергии в 5,5 раз больше, чем благополучные общества Западной Европы, и о том, что экспорт технологий (который в США составляет менее 0,6 процента ВВП) выведет Россию на передовые рубежи. Порой нам даже предлагают брать пример с США и Европы, которые чуть ли не крест поставили на собственной промышленности, и не задумываться о том, где и кто будет воплощать технологии, которые якобы способны придумать российские ученые и инженеры. Но все эти рассуждения рассчитаны на не желающих вспоминать, что сегодня в Германии в индустриальном секторе занято 26,8 процента рабочей силы и что все западные страны — даже те из них, кто сегодня широко прибегает к аутсорсингу, пришли к данной практике, *предварительно создав и освоив* у себя индустриальное производство, а не бросив попытки стать индустриальными державами. Они как бы прошли «школьную программу» и только потом решили «поступить в вуз», тогда как Россия выглядит сегодня двоечником, убеждающим себя, будто ему нужно срочно податься в колледж, а не терять время, постигая школьные азы.

Еще раз повторим два принципиальных момента: во-первых, постиндустриальную экономику нельзя построить, не создав предварительно конкурентную промышленность и не вырастив на ее основе специалистов высшего класса, и, во-вторых, серьезную промышленную державу нельзя построить без мобилизации усилий — как народа, так и власти. А мобилизация всегда нуждается в порядке и ответственности, которых нельзя требовать от «низов», если их нет «наверху».

Бюрократический тупик

Самая большая проблема российского государства — это идентифицирующие себя с ним, не имея на то морального права. В успешных странах должностное лицо никогда не будет рассказывать публике об успехах of our state, или de notre État. Принято говорить о стране или нации, но не о государстве — просто потому, что государство есть институт управления обществом, а бюрократия выступает не более чем его слугой. И любому нормальному человеку понятно: если успехи слуг превосходят достижения господина, то это повод для стыда, а не для гордости. В России все иначе. Государство здесь веками имело сакральную форму, а его служащие выступали неуязвимой кастой, привилегированным классом, источником влияния которого являлись препоны и сложности, им же и созданные. Эти

служащие отнюдь не являются «государственниками», за которых себя выдают. В России, где установилось трогательное единство предпринимательствующей власти и коррупционной бюрократии, различия представителей этих двух категорий сводятся к положению в статусной иерархии и к способу, которым они из него извлекают свои «нетрудовые» доходы. Представители власти в большинстве своем прямо вовлечены в бизнес-схемы и принимают решения, в результате которых вид и характер этих схем, равно как круг их конкретных участников, могут меняться. Представители бюрократии извлекают доход из создания препятствий по ходу исполнения уже принятых решений, на что власть закрывает глаза, заранее смирившись с тем, что подобная рента является платой за лояльность исполнителей. Единственное, что может вызвать резкую реакцию, — это попытки на низовых звеньях внести коррективы в план сделок, утвержденных правительствующими предпринимателями. И говорить сегодня о коррупции на «самом верху» государственной пирамиды не вполне корректно: на этом уровне доход извлекается из установления правил игры, а не из их нарушения или обхода. Именно такое положение вещей делает затруднительным вообще говорить о нашей власти как о государственныхниках — ведь государственным человеком могут сделать только его поступки, направленные на укрепление государства, а не его место в чиновничьей пирамиде или его самоощущение. Хотя, заметим, с последним у нас «все в порядке»: высшие руководители открыто считают «государством» лично себя, а не государственные институты. Достаточно обратить внимание на недавние слова вице-премьера И. Сечина, который, комментируя «дело “Мечела”», заявил: «это ФАС предъявляла [компаниям] претензии, не государство»¹. Если Федеральная антимонопольная служба не достойна идентифицироваться с государством, то кто достоин? Или же следует понимать дело так, что чиновники из ФАС занимаются частным бизнесом и не имеют к государству никакого отношения?

¹ См.: <http://www.rosbalt.ru/2008/8/29/518330.html>

Российское чиновничество — основное препятствие на пути развития страны. Численность этого сословия в 1991—2007 годах выросла почти вдвое — с 950 тысяч до 1,75 миллиона. Содержание гигантской государственной машины обходится стране в треть ее бюджетных расходов, или почти в 10 процентов ВВП. Ее эффективность сомнительна: в подборе кадров отсутствует даже намек на меритократический принцип. Некомпетентность кадров компенсируется постоянными реорганизациями, усложняющими систему принятия решений и перемещающими чиновников с одного места на другое. То же касается и законотворческой деятельности: после «завершения» налоговой реформы в 2005 году в Налоговый кодекс уже внесено 76 изменений (по одному каждые две недели), а сам парламент страны *ни разу после 1991 года не избирался по тем же правилам*, что на предшествующих выборах.

Зато самозабвенно пишутся экономические программы на 10–15 лет, которые в условиях нынешней зависимости России от глобальной конъюнктуры могут сбыться разве что по случаю; разрабатываются трехлетние бюджеты, которые в середине первого же года корректируются в разы. Все это — вполне обычное дело для России.

Но более важно другое: бюрократия неподконтрольна и безнаказанна. Во всех модернизовавшихся странах борьба с коррупцией становилась национальным приоритетом. В Италии в годы наиболее активной борьбы с мафией подверглись уголовному преследованию 23 тысячи чиновников разного уровня. В Южной Корее жертвами борьбы с коррупцией в 1980-е и 1990-е годы «пали» более 30 тысяч госслужащих — среди них 16 министров, председатель Центрального банка и два бывших президента страны. В Китае за последние пять лет за коррупционные преступления осуждены около 47 тысяч бюрократов местного уровня и более 3,5 тысячи чиновников на уровне регионов и в центральных министерствах. Около тысячи человек были приговорены к расстрелу, более 11 тысяч — к тюремному заключению на срок от 10 лет. Даже на постсоветском пространстве имелись показательные примеры. Так, в маленькой Грузии в 2004–2005 годах за служебное несоответствие были уволены 80 тысяч госслужащих, в том числе 90 процентов персонала служб безопасности, при этом под суд были отданы и осуждены за взятки три депутата парламента, 16 прокуроров, 45 судей, 400 полицейских и даже действующий министр. В нашей стране, где, по словам министра внутренних дел Р. Нургалиева, за восемь месяцев 2008 года число совершенных госслужащими преступлений выросло на 7,7 процента, лишением свободы наказывается лишь каждое десятое из них². И пока ситуация не изменится, шансов на модернизационный прорыв у нас нет.

России нужен порядок, основанный на «социальном договоре» народа и власти. Нужно признать: любые взаимоотношения граждан и государственных органов — будь то подача налоговой декларации, таможенное оформление груза, получение разрешений или лицензий — это соглашение, в котором каждая сторона имеет свои права. Если через годы выясняется, что компания не заплатила налоги или вопреки закону обрела какие-то преференции, обвинение равной тяжести должно предъявляться не только ее руководителям, но и чиновникам, подписавшим налоговые декларации или оформившим те или иные лицензии. Государство может обанкротить уходящую от налогов компанию, как оно поступило с «ЮКОСом», но если оно попытается это сделать, то вместе с руководителями компании на той же скамье подсудимых должны сидеть чиновники, прежде принявшие ее налоговые декларации, и работники прокуратуры, ранее «не заметившие» ставших впоследствии столь очевидными нарушений. Без «принципа взаимной ответственности» в отношениях граждан и бизнеса с государственными и правоохранительными структурами коррупция неодолима.

² См.: <http://www.newsru.com/russia/24sep2008/korruptz.html>

Финансовый «туман»

Еще одна сфера, где порядок необходим сегодня в первую очередь, — это финансовая сфера. Упоение финансовыми «успехами» стало в России всеобщим. За последние восемь лет объем доходов государственного бюджета вырос в 6 раз, капитализация российского фондового рынка (по состоянию на конец мая) — более чем в 11, а резервы Центрального банка — почти в 25 раз. Но финансовые успехи недолговечны — тем более если они опираются на «монокультурную» экономику, зависящую от конъюнктуры на глобальном рынке сырья.

Фундаментальная проблема России в этой сфере — чудовищная переоцененность активов, к которой предприниматели, власти и граждане начинают сейчас относиться как к нормальному явлению. В странах зоны евро — индустриально и институционально куда более развитых, чем Россия, капитализация фондового рынка по состоянию на конец 2007 года составила 84 процента их суммарного ВВП, тогда как в России к концу мая она превысила 130 процентов. В Германии (где этот показатель еще меньше — 65 процентов ВВП) на бирже торгуются акции 4 тысяч публичных компаний; в России заоблачная оценка акций обеспечивается всего 130 фирмами. При этом самая дорогая компания Германии, «Volkswagen», оценивается в 3,85 процента немецкого ВВП, а самая высокооцененная компания США, «General Electric», — в 2,95 процента американского; у нас же стоимость «национального достояния», «Газпрома», достигала 26,2 процента ВВП России. Этот пузырь в августе и сентябре начал «сдуваться», что мы считаем огромным благом для страны, привыкшей жить только иллюзиями. Хочется верить, что данная тенденция заставит переосмыслить как запредельные оценки прочих активов, в частности недвижимости, так и политику частных и квазигосударственных корпораций, за последние шесть лет занявших только на внешних рынках более 400 миллиардов долларов в расчете на бесконечный рост цен на свои активы и дальнейшее раздувание фондового пузыря. России сегодня как никогда важно осмотреться и научиться жить «по средствам», концентрируя усилия на наиболее важных направлениях.

Гигантские финансовые ресурсы страны не работают сегодня на ее благо; доходы не обращаются в основные фонды и не обеспечивают промышленного подъема. Мир не видел модернизирующихся стран, в которых индустриальный рост хронически отставал бы от темпов роста ВВП. В «азиатских тиграх» промышленность росла быстрее ВВП в среднем в 1,7, в Китае в 1995—2003 годах — в 2,1 раза быстрее; у нас ВВП растет быстрее индустриального сектора, повышаясь в первую очередь за счет сферы оптовой и розничной торговли, коммуникаций и связи, финансовых услуг и строительства. В промышленности выделяются лишь производство труб и металлоконструкций, строительных

материалов и пищевка. Становится привычным рассчитывать на позитивную роль пока так и не работающих госкорпораций и на продолжение накачки потребительского рынка деньгами за счет неумеренного роста государственных расходов.

Но возможности государства только кажутся безграничными (расходы федерального бюджета в 2008 году составят 6,6–7,0 триллионов рублей, или 280–300 миллиардов долларов, — меньше, чем бюджетные траты Нидерландов и Австралии, где живут соответственно 16,8 и 20,3 миллиона человек). Использовать их нужно рачительно и бережливо — о чем в последние годы наша власть практически напрочь забыла.

Сегодня главная тема в России — формирование огромной госсобственности, сколачивание неповоротливых госкорпораций. При этом власть не способна ни использовать эту собственность эффективно (тот же «Газпром» платит в пересчете на тонну добываемого нефтяного эквивалента в 3,4 раза меньше налогов, чем «ЛУКОЙЛ»), ни оптимизировать государственные расходы. В условиях, когда немалая часть наших граждан живет ниже уровня бедности, не лучший вариант тратить почти 7 миллиарда долларов, обустривая остров Русский, чтобы пустить пыль в глаза гостям предстоящего в 2012 году саммита АТЭС. Зачем принимать 47 федеральных целевых программ с плановым финансированием в 700 миллиардов рублей в год, из которых на деле работают не более 10? Проблема России не в том, кому (государству, олигархам или даже иностранцам) принадлежат промышленные активы, а в том, что государство дифференцированно собирает с них налоги и неразборчиво в тратах. Идеальные примеры — развитие трубопроводной и дорожной систем и иные инфраструктурные проекты, где средняя себестоимость километра проложенных труб, дорог и туннелей в 2008 году уже втрое (!) превосходит европейские показатели, а качество работ не идет ни в какое сравнение с дорожным строительством в развитых странах. Достаточно сказать, что за годы реформ в Китае было построено 485 тысяч километров новых дорог с твердым покрытием (из них 160 тысяч километров автострад); в результате протяженность дорожной сети выросла на 139 процентов, в России же она с 1989 года сократилась (!) на 12 процентов. И хотя разворачивающийся финансовый кризис вряд ли имеет много сходств с 1998 годом, жесткий секвестр бюджета выглядит не менее очевидной необходимостью, чем перед финансовым кризисом десятилетней давности, ибо финансовая распущенность перешагнула все мыслимые пределы.

Это же относится и к корпоративному сектору. Сегодня, похоже, в России не осталось промышленников — есть только финансисты. В Корее в 1980-е и Китае в 1995–2005 годы крупные компании тратили соответственно 91 и 88 процентов своих суммарных инвестиций на развитие основной деятельности, и лишь около 10 процентов — на покупки пакетов акций смежников

и конкурентов, или непрофильные активы. У нас крупные компании тратят более 50 процентов инвестиций на покупку сторонних активов. «Газпром» в текущем году намерен направить на разработку новых месторождений лишь 8,5 процента своих доходов. За 2000—2006 годы его операционные расходы в расчете на баррель нефтяного эквивалента выросли с 3,8 до 10,8 долларов; за тот же период затраты на оплату труда работников в пересчете на баррель нефтяного эквивалента увеличились более чем в 4 раза — с 0,44 до 1,68 долларов, а выработка на одного сотрудника сократилась на 20 процентов. При этом «Газпром» в 2000—2006 годах не ввел в строй ни одного нового месторождения, а прирост добычи в текущем году будет более чем на 100 процентов обеспечен добычей газа на месторождениях Сахалина, доли в которых «Газпром» купил (причем недешево) у международных консорциумов «Сахалин-1» и «Сахалин-2».

Мы забываем, что в Японии до конца 1970-х годов *только половина крупных компаний* котируются на бирже; в Южной Корее фондовый рынок начал развиваться, когда страна уже стала индустриальной державой, а в Китае биржа не выступала значимым индикатором развития экономики вплоть до начала 2000-х годов. В России же сегодня капитализацию компаний принято считать чуть ли не более важной, чем любые их производственные и инвестиционные показатели. При этом мы практически не сравниваем реальные бизнес-индикаторы, будучи уверенными в том, что наши компании «недооценены». Примером может служить печально известный банк ВТБ, вытесненный на «народное IPO» весной прошлого года, по итогам которого стоимость банка составила 35,5 миллиарда долларов. Между тем на 1 апреля 2008 года ВТБ обладал собственным капиталом в 15,5 миллиарда и активами в 9,0 миллиардов долларов; показал прибыль по итогам первого квартала в 121 миллион долларов и довел число своих отделений в России и за рубежом почти до 1 тысячи штук. Сравним с ним один из крупнейших банков Германии, «Commerzbank», с собственным капиталом в 45,6 миллиарда долларов, активами в 912 миллиардов, прибылью за первый квартал в 670 миллионов долларов и 8 тысячами отделений и филиалов. Не странно ли, что его рыночная капитализация на треть меньше той, по какой инвесторам был продан «самый народный» российский банк? И стоит ли удивляться, что на пике кризиса котировки его акций падали в пять раз от цены размещения? При этом надувание пузырей, подобных ВТБшному — почти единственное, в чем преуспевают российские власти.

Нашим лидерам застыли глаза формальные показатели масштабов. Создать огромный холдинг «Ростехнологий», укрепить «Газпром» или организовать крупнейшую в мире металлургическую компанию на базе «Норильского никеля» и «РусАла» — вот достойные задачи. Но за этой суетой скрыта невиданная монополизация, тормозящая индустриальное развитие. Сегодня в России 100 процентов алюминия изготавливает «РУСАЛ», 73 процента добычи

нефти приходится на четыре компании — «Роснефть», «ЛУКОЙЛ», «ТНК-ВР» и «Сургутнефтегаз»; 63 процента угля добывают СУЭК и «Евраз Групп»; львиную долю черных металлов производят Новолипецкий металлургический комбинат (НЛМК), Магнитогорский металлургический комбинат (ММК) и «Северсталь». Доля «Газпрома» в добыче газа с 2000-го по 2007 год выросла с 74 до 85 процентов, а независимые производители вынуждены продавать ему газ: так «Газпром» монопольно контролирует всю газотранспортную систему и является единственным легитимным экспортером. В других отраслях положение не лучше: на рынке цемента доминирует «Евроцемент Групп», занимающая 39 процентов рынка, а во многих регионах существуют местные монополии, контролирующие рынок бензина, розничные торговые сети и другие сферы. Стране нужна не концентрация активов, а аналоги антитрестовских законов Шермана и Клейтона, которые привели бы в чувство монополистов, вздувающих цены в производстве газа и теплоэнергии, металлов и угля, строительных материалов и цемента. Смешно читать, что за весь 2007 год по статье о злоупотреблении доминирующим положением на рынке ФАС собрал штрафов на 302 миллиона рублей. Заметим: антимонопольные органы ЕС в том же году взыскали с нарушителей в 100(!) раз большую сумму — 1,86 миллиарда евро.

На фоне этого беспредела стране навязывается культ роскоши и усиливается социальное неравенство. Когда США в 1930—1960-х годах проводили полную перестройку своей экономики, заложившую основы постиндустриального общества, ценой ее было сокращение богатств высшего класса. К 1964 году в стране осталось «всего» 13 долларовых миллиардеров, хотя в 1928-м их было 32. Россия же сегодня близка к первой строчке в «командном первенстве» богатей: по данным «Forbes», среди 100 самых богатых людей мира 32 американца и уже 18 россиян. При этом если суммарные состояния 39 самых богатых американцев равны 22 процентам расходной части бюджета США, то 14 богатейших россиян контролируют средства, эквивалентные 138 процентам ежегодных трат федерального бюджета РФ. Власти стремятся выдать роскошь за «национальную идею» России, упорно не желая понимать, что в стране, где идолами становятся люди, максимально бездарно и демонстративно растрачивающие состояния на статусные безделушки, идея развития в принципе не имеет шанса на выживание. В этом угаре забывается, что в развитых странах, к которым Россия стремится себя причислить, бедными считают граждан с доходами, не превышающими 50 процентов от средних по стране, а не тех, кто не дотягивает до произвольного «прожиточного минимума» в 3879 рублей, и что, если исходить из таких методик расчета, в 2007 году бедными можно было считать 42,2 миллиона наших сограждан, или 29,7 процента населения страны, а никак не 13 процентов, как утверждала статистика. Страна, экспортирующая минерального сырья на 1 миллиард долларов в день, экономит не на госаппарате (14,8 процента всех расходов бюджета),

не на полицейской машине (12,1 процента расходов), а на детях и стариках. Должны ли граждане считать государство, допустившее это, справедливым и заслуживающим доверия?

Сейчас принято считать, что 1990-е годы прошли в России под знаком анархии и распада, а 2000-е стали временем наведения порядка. Это слишком простая картина, не отражающая реальности. Эпоха вседозволенности, наступившая в начале 1990-х, не закончилась, и изменились не пределы возможного, а совокупность тех, для кого не писаны правила. Задача сегодняшнего дня — завершить эту эпоху и перейти к реализации продуманной модернизационной парадигмы. Нужно строить не чиновно-бюрократические «вертикали», а «горизонтали» ответственности; бороться за интересы не бюрократического сообщества, а страны и ее граждан. В этом суть повестки дня, предлагаемой президентом Д. А. Медведевым. И она, увы, нереализуема в условиях расслабленности. Установление порядка должно стать лозунгом нового президентства, каким бы неприятным он ни казался многим. Иного выбора у России попросту нет.

О философии европеизма в эпоху суверенной демократии

Европеизм* наряду с евразийством является одним из ведущих идеологических течений, чьи идеи и представления оказывают в двухтысячные годы наибольшее практическое влияние на формирование внутренней и внешней политики России. Риторика Дмитрия Медведева и до, и особенно после его избрания на пост Президента РФ в определенной мере свидетельствует о его склонности отдавать предпочтение европеизму в мировоззрении и политике¹, что дает повод внимательнее присмотреться к перспективам этого интеллектуального движения, попытавшись понять основные тенденции, складывающиеся в рамках политической философии европеизма, и взаимоотношения между ними**.

¹ См. тексты выступлений Д. Медведева во время официального визита в Германию от 05.06.08, на XII Петербургском международном экономическом форуме от 07.06.08, на совещании послов в МИДе РФ от 15.07.08, размещенные на сайте www.kremlin.ru

Европеизм как сознательное движение существует в России более трех веков. И для начала необходимо, обратившись к истории, определить концептуальные истоки современного российского европеизма. На наш взгляд, их можно свести к трем разновидностям, или моделям. *Первый* концептуально определенный вариант европеизма в России появился в связи с деятельностью Петра I (1672—1725) и опирался на его собственное представление об историческом развитии просвещения в Европе.

«Историки, — говорил Петр в 1714 году в Риге, — полагают древнее седалище наук в Греции; оттуда перешли они в Италию и распространились по всем землям Европы. Но невежество наших предков помешало им проникнуть далее Польши, хотя и поляки находились прежде в таком же мраке, в каком сперва были и все немцы и в каком мы живем до сих пор, и только благодаря бесконечным усилиям своих правителей могли они наконец открыть глаза и усвоить себе европейское знание, искусства и образ жизни. Это движение наук на земле

СМИРНОВ Михаил Александрович — главный редактор Сборника Русского исторического общества.

* Употребляем это слово в том значении, которое оно имеет в классической работе Ивана Киреевского «Девятнадцатый век», а именно — как представление о европейском идеале исторического бытия и путях его практического воплощения (см. **И. В. Киреевский**. Критика и эстетика. М., 1998. С. 84).

** Нижеследующие строки не претендуют на полное и систематическое исследование вопроса. Единственная их цель — обратить внимание заинтересованного читателя на некоторые возможные перспективы развития европеизма в России.

² См. **И. И. Голиков**. Деяния Петра Великого, мудрого преобразователя России... Изд. 2. Т. 5. М., 1838. С. 261—262; *Цит. по:* **И. В. Киреевский**. Критика и эстетика. М., 1998. С. 267; См. комментарий Ю. В. Манна. — Там же. С. 454.

сравниваю я с обращением крови в человеке: и мне сдается, что они опять когда-нибудь покинут свое местопребывание в Англии, Франции и Германии и перейдут к нам на несколько столетий, чтобы потом снова возвратиться на свою родину — в Грецию»².

Единство Европы, согласно этим историческим взглядам Петра, держится на просвещении европейских стран, на полном охвате их просвещением. Здесь просвещение мыслится в соответствии с духом философских идей того времени, подобно некоей единой субстанции, которая в каждом народе требует своего развития, своего конкретного оформления, тем самым обогащая, а лучше сказать — полнее выявляя, общее свое содержание. Европа, по мнению Петра, держится и развивается движением единого субстрата — просвещения, который в каждой стране, в каждом народе приобретает новую форму, добавляя что-то, не бывшее ранее, какую-то новую идею к своему содержанию.

Россия, опять-таки по мнению Петра, в плане способности развития европейского просвещения — такая же страна, как и другие европейские страны, не хуже и не лучше. Она занимает в их ряду свое место, но особо почетное, так как ей, последней среди них, выпало принять эстафету развития просвещения Европы, своим усилием возведя его на пик. В нем будут учтены все положительные плоды развития просвещения в других европейских странах, а их ошибки и недостатки также будут учтены, преодолены, отвергнуты. Европейская судьба России виделась Петру как весьма завидная, поскольку, будучи подготовленной всем предыдущим европейским развитием, именно она была призвана дать ему окончательное в своей полноте завершение. В этом плане позднее (после всех) вступление России в круг европейского просвещения, в круг просвещенных государств Европы (просто государством Европы она в сознании Петра и его окружения была уже по определению) переосмысливалось как особое преимущество и честь, а не отсталость.

На наш взгляд, такому пониманию европеизма, которое мы условно назовем «петровским, оптимистическим», не противоречит весьма своеобразное отношение самого Петра и его окружения к заветным плодам просвещения, уже добытым другими народами Европы. Будучи, как говорят, «до мозга костей» русским государем, без остатка преданным своему Отечеству, он относился к другим европейским народам с уважением и благодарностью за их просвещение, но, вопреки расхожим мифам, вполне прагматично и без лишнего пиетета. Вспомним Великое посольство 1697—1698 годов, официальной целью которого было заключение политических союзов против Османской империи, а неофициальным результатом стал тайный, фактически контрабандный, вывоз научно-технологического знания и инструментальной техники из Западной Европы*. И вспомним его знаменитую фразу:

* См. детальное описание Великого посольства в кн.: **Д. Ю. Гузевич, И. Д. Гузевич**. Великое посольство. СПб., 2003.

«Хорошо перенимать у французов науки и искусства... а впрочем, Париж воняет». А поставленный в 1710 году личным секретарем царя, А. И. Остерман записал такое заявление Петра: «Нам нужна Европа на несколько десятков лет, а потом мы к ней должны повернуться задом»³.

³ Цит. по: Е. Спекторский. Заветы Петра Великого. — «Записки Русского исторического общества в Праге». Кн. 1. Прага, 1927. С. 80—102, 83.

Второй вариант европеизма, также условно обозначенный нами как «западнический, скептический», исходит из представления о неспособности России самостоятельно, оригинально развивать европейское просвещение и обреченности на его заимствование. Она должна заимствовать это просвещение, и ее европейское просвещение — это заимствованное просвещение Западной Европы, более-менее успешно привитое на творчески бесплодной почве. Таким образом, все дальнейшее русское просвещение, позволяющее России причислить себя к семье остальных европейских народов и дающее основание последним признавать таковой Россию, есть возникшее на почве заимствованного из Западной Европы. Россия должна развить у себя уже выработанные идеи просвещения, возникшие в народах Западной Европы.

Тут есть одно тонкое различие с предыдущей концепцией европеизма. Если в «оптимистическом» представлении Петра Россия — уже одна из европейских стран, дождавшаяся своей, может даже предустановленной свыше, очереди и получившая законное право обогатить европейское просвещение невиданными до сего оригинальными плодами, то в «скептической» модели европеизма Россия должна сначала получить право называться европейской страной, пройдя своеобразную инициацию через заимствование западноевропейского, то есть в контексте данной модели — собственно европейского, просвещения. Европейской Россия становится, развивая заимствованное из Западной Европы европейское просвещение. Согласно этой скептической европеистской позиции, желательно, чтобы так оно и было, и так оно и есть на самом деле. Ее наиболее ясным выразителем можно назвать Петра Чаадаева (1794—1856) в период его начальной философской славы. Позже эта его позиция эволюционировала, не исчезнув, однако, совсем в сторону первой модели европеизма. И мы использовали выше некоторые идейные результаты этой концептуальной эволюции для формулировки логически вытекающих из начального петровского европеизма выводов относительно преимуществ позднего (после всех) вступления России на почву просвещения.

С позиций *третьей* модели европеизма, условно названной нами «соборной, реалистической», Россия изначально принимала и принимает участие в развитии европейского просвещения параллельно и наряду с другими народами Европы. Согласно этой европеистской концепции, европейское просвещение есть некоторая целостность, вмещающая две свои разновидности, а лучше сказать — взаимосвязанные стороны: восточный и западный варианты просвещения Европы. Дело развития европейского просвещения состоит не в замене одного варианта другим, а в их взаимном проникновении, в общем единстве

европейского просвещения, в их взаимопроникновенном единстве как основе просвещения Европы. Содержательная противоположность этих сторон европейского просвещения, ясно осознанная и зафиксированная к середине XIX века, не имеет абсолютного значения. Напротив, эта противоположность приобретает продуктивный смысл именно в их динамическом единстве: это разные формы выражения единой европейской идеи, через взаимодействие и взаиморазвитие которых происходит ее саморазвитие. Этот концептуальный европеизм в духе христианской соборности, объективно основанный на фундаментальном единстве христианского мировоззрения, изначально и наиболее содержательно персонифицируется в фигурах Ивана Киреевского (1806—1856) и Алексея Хомякова (1804—1860).

Не трудно заметить, что все три модели, идейно и содержательно взаимодействуя, пересекаются, что в целом не удивительно, так как развивались они на базе последовательно сменяющихся друг друга эпох европейской, в том числе и русской, философии. Кроме того, в каждом из трех вариантов их возникновения и оформления в течение XVIII—XIX веков очень много собственно историко-философской подоплеки. Это вполне закономерно, если учесть, что начиная со второй половины XV века (после окончательного утверждения Османской империи на христианском Востоке) для свободных христианских народов Европа актуализируется как наиболее близкий ценностный ориентир, унаследовавший и вобравший в свое единство все достояние почившей в бозе так называемой «Византийской империи»*. Такое наследование невозможно свести только к вещественно фиксируемым актам культурной, духовной, политической и т. п. трансмиссий (передач). Являясь судьбоносным процессом, оно с необходимостью возбуждает попытки философского обоснования его механизма, структуры, возможного взаимодействия его частей и элементов в прошлом, настоящем и будущем.

Если взглянуть на состояние европеизма в сегодняшней России, то можно заметить сохранившуюся от прошлого прежнюю его неоднородность. Мы можем видеть вариации «скептической» парадигмы европеизма: свет разума, который теоретически истолкует ситуацию сегодняшнего меняющегося мира, как и прежде, придет в Россию с Запада, но не сейчас; а пока нужно держать равнение на Евросоюз, во всем ему помогать и поддерживать его во всех начинаниях так

* Нет ни одного исторического документа до 1453 года — года падения Константинополя под ударами османов, который бы указывал на существование такого государственного образования, как Византийская империя. В мировой истории известна Римская империя, которая существовала вплоть до последнего римского императора Константина Палеолога. Историография не дает определенного ответа, когда впервые появилось понятие «византийский» для обозначения исторических реалий Римской империи с IV по XV век, скорее это произошло в XVIII веке. В сознании исследователей присутствует представление об условности этой терминологии. Так, А. А. Васильев (1867—1953) специально отмечал: «Рассматривая историю условно называемой Византийской империи как непосредственное продолжение империи Римской, я начинаю изложение с IV века...» (А. А. Васильев. История Византийской империи (время до Крестовых походов). Т. 1. Изд. 2, испр. СПб., 2000. С. 29). Однако, на наш взгляд, такая условность далеко не безразлична для формирования представлений о путях развития мировой истории и ее наиболее значительных субъектах на уровне как научного, так и массового сознания.

как они — наиболее разумные на фоне всех других, а кроме того — единственно верные по определению; потому что есть только одна цивилизация, обладающая историческим развитием, — это цивилизация Западной Европы, или в контексте этой позиции — собственно европейская цивилизация, на которой лежит уже несколько веков и впредь будет лежать (больше никому) бремя ответственности за судьбу цивилизации в мире. Россия должна стремиться, почитая за благо предложенные ей с Запада правила игры, включиться в общий союз с еэсовской и заатлантической частями европейской цивилизации и разделить с ними всемирное «бремя белого человека». Этой позиции свойствен своеобразный европоцентризм, но без антиамериканизма — он просто базируется на основе исторически сложившейся культурной иерархии европейской цивилизации во главе со «старой» Европой⁴.

Западнический характер этой позиции «скептического» европеизма усугубляется сегодня дополнительным скепсисом в отношении способности старых и новых общих социологических теорий, «широких и концептуальных историко-софских доктрин» объяснять происходящие в сегодняшнем мире перемены. Прошлая «метафизическая» эпоха XVIII—XIX веков в обществоведении — эпоха, так сказать, большого стиля — идейно исчерпала себя еще в XX веке, а наступление очередной задерживается, точнее — откладывается на неопределенный срок. Можно даже говорить о кризисе наших представлений об обществе: «именно невозможность истолковывать происходящее посредством “общих теорий” заставляет говорить о кризисе современного обществоведения». Но этот кризис ведет к выздоровлению, ибо на его фоне развивается процесс накопления данных о происходящих в мире изменениях, которые будут обобщены будущими поколениями ученых. Во всяком случае, на Западе «глобальные» концепции быстро уступают место тщательным исследованиям реальности, собиранию фактов и их прикладным интерпретациям, не претендующим на “немедленное продуцирование” абсолютных истин. ... Это хороший знак. Он говорит о зрелости западного научного сообщества...». «Эта тенденция с особой четкостью заметна сегодня на фоне российской интеллектуальной жизни с ее просто-таки нигилистическим отношением ко всему, кроме умозрительных идей, не имеющих никакого практического подтверждения. К сожалению, России нечего сейчас противопоставить Западу ни в сфере оценки собственной исторической судьбы... ни в концептуальном анализе складывающейся системы международных отношений... ни в серьезном подходе к современной глобализации...»⁵.

Нельзя не согласиться: слабость нынешнего состояния социальных наук в России — не просто в неразвитости, а в *отсутствии конкретных исследований социальной реальности в нашей стране*. При том что и социологическая, и социально-философская теории существуют в нашей стране сейчас, что назы-

⁴ См. В. Иноземцев. Бремя белого человека. Далекое прошлое может стать нашим близким будущим. — «Независимая газета». 25.11.2003; он же. Про Еуропа: ЕС и СНГ: грустные сравнения. — «Ведомости» № 243(2017). 24.12.2007; он же. Принуждение к миру — легитимная мера. — «Независимая газета». 13.08.2008 и др.

⁵ В. Иноземцев. Пришествие метафизической эпохи. — «Независимая газета». 22.05.2008.

вается, только в переводе с иностранного — иначе говоря, в отношении к реалиям нашего отечества просто отсутствуют. Мы не только не готовы на своем языке объяснить с исторических, философских, прагматических, футурологических и т. п. позиций сегодняшнее российское общество — мы его просто не знаем. Не знаем даже того, как к нему адекватно подойти*.

При всей справедливости высказанных сомнений в познавательной эффективности современных общих социологических теорий само по себе совмещение в рассматриваемой европеистской позиции скепсиса по отношению к исторически продуктивным возможностям России и позитивистского отрицания права на жизнь для философско-метафизического мышления выглядит характеристически. Ведь с позиций «скептического» европеизма наблюдаемые данные о современном развитии России имеют негативный характер, поскольку связаны с неким метафизическим представлением России о собственной роли и судьбе в мире, мешающим появиться таким показателям в «истории болезни» нашей страны, которые бы свидетельствовали о ее выздоровлении. Проблема как раз в том, что Россия слишком много и отвлеченно думает о себе, в то время как ей следовало бы придерживаться уже установленных и оправдавших себя практических правил. В этой позиции вполне закономерно совмещаются традиционное для нее указание на несобственные, но единственно правильные политические, экономические, культурные показатели с отрицанием доморощенной метафизики по поводу собственной исторической судьбы и судеб мира.

Увы, исторически первая, «петровско-оптимистическая», модель европеизма сегодня не представлена в российском общественном сознании совсем. Возможно, это объясняется ее присутствием уже с XIX века в редуцированном виде латентно в содержании как второй, так и третьей моделей, будучи первичным концептуальным источником европеизма в России. Современное состояние последней модели представляет теперь наибольший интерес, так как она имеет, на наш взгляд, преимущественные перспективы в области реальной политики.

Но сначала важно определить отношение к идее европеизма концепции «суверенной демократии». Кажется, будто возникла она не от хорошей жизни. Ее автор, как часто бывает в нашей истории**, — крупный государственный деятель, вынужденный проблемами своей должности подыскивать хоть какой-то содержательный концептуальный базис для принятия политических решений, то есть «что-то» по Бердяеву. Оглянувшись вокруг, он увидел пустыню интел-

* Подробнее об этом см. интервью профессора Высшей школы экономики Симона Кордонского «В России социологии нет!» («Эксперт Online». — 31.07.2008 (<http://expert.ru/articles/2008/07/31/sotsiolog>)). В качестве редкого исключения укажем на школу Теодора Шанина — Московскую высшую школу социальных и философских исследований, в которой осуществляется попытка привить сегодня на русской почве англо-американскую традицию приоритета конкретных исследований в сфере обществоведения.

** Например, М. М. Сперанский (1772—1839), С. С. Уваров (1786—1855), К. П. Победоносцев (1827—1907).

лектуальных игр и критических подходов, то есть одних только разговоров «о чем-то»⁶, и... был вынужден начать делать чужую работу, не став дожидаться тех, кто должен ее исполнять как свою профессиональную функцию, согласно обычному распределению интеллектуальных ролей в обществе.

⁶ См. Н. А. Бердяев. *Философия свободы. Смысл творчества*. М., 1989. С. 14.

Попытка метафизического обоснования концепции «суверенной демократии» представлена ее автором В. Сурковым в одном известном публичном докладе. В нем он связал данную концепцию с особенностями российской культуры, сделав такой вывод: «Концепция суверенной демократии наилучшим образом соответствует основам русской политической культуры» как ее специфической разновидности. В качестве исходной аксиомы он использовал следующее положение: «В основе нашей культуры — соби́рание, а не разделение»⁷.

⁷ В. Сурков. *Русская политическая культура. Взгляд из утопии*. Июнь 2007 (Российская академия наук). — <http://www.edinros.ru/news.html?id=121456>

При этом докладчик четко обозначает свою позицию, давая понять, что цивилизация России есть «специфическая российская версия» европейской цивилизации. Из определений классиков русской мысли (Бердяева, Ильина, Трубецкого, Бродского), на которые он опирался, следовало также, что в основе культуры западной ветви европейской цивилизации лежат принципы анализа, дифференциации, механицизма, редукционизма и т. п. В докладе специально подчеркивается, что дело тут не в «или/или», а «в вопросе соотношения». Вот, собственно, и вся философия европейской культуры-цивилизации. Для специалистов по истории русской мысли ничего нового здесь нет — это общее место, но автор и не претендует в нем на оригинальность. Далее в своем докладе он переходит к демонстрации того, как в современной российской «мыслительной и культурной практике синтез преобладает над анализом... общее над частным», и в частности, в области политики.

Таким образом, признавая российскую культуру и цивилизацию разновидностью европейской культуры, В. Сурков одновременно указывает на конкретные смысловые особенности, позволяющие развивать отдельные элементы этой последней (например, демократическую политическую систему) не зависимым в принципе от западноевропейского опыта способом*.

Как видим, по форме это сближает «суверенную демократию» с третьей из указанных выше моделей европеизма. В концепции «суверенной демократии» есть представление, что, с одной стороны, Россия — это естественная и неотъемлемая область Европы, а с другой — совершенно уникальная ее часть, не сводимая к другим вариантам европейского опыта исторического бытия.

* Отметим, что в принципе, возникшая как философско-историческая апология современного демократического процесса в России, концепция «суверенной демократии» все-таки претендует в теоретическом плане на некую всеобщность, так как указывает на определенные философские основы суверенного развития демократии также и на Западе, ставя тем самым уникальность последней в один ряд с уникальностью русской демократии.

Однако последовательное развитие основной философской идеи, положенной в основу концепции «суверенной демократии», а именно — идеи целостности, цельности, единства требует ответа на вопрос, которого (ни вопроса, ни ответа) нет на сегодняшний день в содержании этого доктринального продукта, — о взаимодействии уникальных европейских частей. Вопрос: как, каким образом оно осуществимо и на каком основании зиждится сама возможность этого взаимодействия?

Можно допустить, что в качестве такой основы в концепции «суверенной демократии» молчаливо подразумеваются так называемые «взаимные, или общие, интересы». На самом деле формат «взаимных интересов» не решает поставленного вопроса, так как пресловутая общность интересов — это всего лишь узкая разделительная полоса, обозначающая границу, по обе стороны которой продолжают находиться области, не имеющие сверх этих интересов ничего общего. И эта узкая полоска «общих интересов» — как правило переходящих, текущих, прикладных — не может дать понятия о, так сказать, единой европейскости непохожих частей европейской цивилизации.

Между тем в самой предложенной в упомянутом выше докладе аксиоматике концепции «суверенной демократии как конкретно-исторической формы русской политической культуры» содержатся ключи к центральной проблеме европеизма — проблеме европейского единства. До сих пор содержательное развитие этой концепции происходит по линии внутренней проекции европеизма. Но логическая последовательность требует от нее развития и в плане внешней его проекции. Недостаточно просто продемонстрировать действие принципа цельности, свойственного чьей-то (настолько же личной, насколько и национальной) политической культуре, в конкретных политических реалиях внутри страны. Необходимо также показать, как этот принцип культуры одной из ветвей европейской цивилизации действует и в отношении всей целостности последней. Это предполагает ответ на вопрос: как некая частная европейская уникальность, та или иная, может существовать и реально существует в целостности европейского единства?*

Таким образом, мы можем рассматривать концепцию «суверенной демократии» с учетом перспективы ее развития как, по сути дела, попытку решить внутреннюю и внешнюю проблему европейского выбора России, новопровозглашенного ее правителями в третьем тысячелетии, но за пределами концепции «бремени белого (читай: западного) человека».

Наступление в России очередной эпохи президентского правления ставит вопрос о характере его политической философии. Вполне вероятно, что это будет европеизм и отнюдь не риторический: судя по высказываниям Д. Медведева, мы можем увидеть в ближайшие годы попытку утвердить Россию как

---

* Ранний скепсис Д. Медведева в отношении концепта «суверенной демократии» сводился, собственно, к этому пункту: юристу-формалисту необходимо было объяснение, каким образом часть в данном случае может быть тождественна целому? И можно было только сочувствовать ее защитникам, так как объяснить это с формально-логической точки зрения невозможно, а чтобы объяснить содержательно-диалектически, нужно построить систему феноменологии европейского духа заново.

страну, даже более европейскую, чем страны ЕС, — и в смысле принципов ее самоидентификации, и ее международной политики*. Перед сторонниками концепции «суверенной демократии» встает нетривиальная задача: обеспечить содержательным наполнением политический концепт нового президентского срока не только во внутренней, но и во внешней его проекции, строго придерживаясь своих философских принципов и оснований.

Самые глубокие идеи конкретной политики составляют ее философскую базу — политическую философию. Те или иные принципы, формирующие политическую философию, определяют характер конкретных политических проектов, шагов, действий. По сути, европеизм в России представляет собой и политическое движение, направление политических стремлений, по-разному актуализирующееся в том или ином варианте в разные политические эпохи, и политическую философию этого движения. Поэтому так важно при анализе актуальных форм европеизма уделять внимание как практическим, институциональным целям и ориентирам этой политики, так и философско-методологическому их истолкованию и обоснованию.

Между тем логика «суверенной демократии» и как политико-философской концепции, и как политической программы еще не до конца отработана: ей предстоит дальнейшее развитие в сторону большей полноты реализации в ней ее же философских принципов и поиска адекватных им институциональных форм. В связи с этим хотелось бы в порядке дискуссии высказать следующие замечания и соображения.

Есть, с одной стороны, проблема целостности государства, к сожалению, часто убийственно-конкретная в своей постановке; и есть, с другой стороны, более общая проблема целостности государственности. Для решения первой может хватить практической централизации государственной власти. Но для осмысления и воплощения второй уже нужно понимание, что целостность не есть централизация, не сводится к ней. В философском анализе целостность — это особое качество системы, состоящее в единстве ее частей, в пределе противоположностей (например, центра и периферии), а не в наличии у нее центра, в какой бы форме он ни представлялся. Думается, целостность именно нашей государственности относится не к понятиям «центра власти», «харизматического лидера», «общей идеи», а к единству двух принципов, двух моментов, двух сторон в осуществлении российской власти — единовластия и народовластия. Отечественные историки с момента начала истории как науки в нашей стране изучают исторические формы реализации этих принципов для каждого в отдельности. В то время как с позиций философского анализа это некорректно — по причине их содержательной неполноты. Сам по себе в русской истории ни тот, ни другой принцип реализован быть не может — только во взаимодействии и через него.

* Партнеры нашего нового президента по G8, кажется, еще не поняли, с каким упертым формалистом-законником, в лучшем смысле этого слова, они начинают иметь дело и чем это может обернуться для их партнерства в будущем! Слушая его выступления, вполне можно допустить, что он пунктуально ведет список нарушений международного права с их стороны, чтобы в свое время, при необходимости, предъявить им этот гамбургский счет в духе мюнхенской речи его предшественника В. Путина.

Для понимания растянувшейся более чем на тысячелетие истории российской государственности, начиная с призвания варягов и по нынешнее президентство, важен именно этот конкретный баланс в реализации таких принципов в каждую конкретную историческую эпоху. Историки русского Средневековья знают о проблеме русского полиса — недостаточной изученности политической жизни средневековых русских городов-государств. Матрица динамического баланса во взаимодействии князя и веча, возникшая с призванием варягов, транслировалась потом во всей истории русского государства. Для понимания цельности системы русской государственности противопоставление принципов «монархизма» и «демократизма» некорректно. Проявление, реализация целостности этой системы состоят только в конкретно-историческом балансе этих двух принципов и внутренней их динамике в рамках этого баланса*.

Относительные трудности в продвижении представления о суверенности демократии в России связаны с опасениями интеллигентной публики, заподозрившей в нем не чистый интеллектуальный продукт, а апологию развивающегося на практике усиления единовластного центра за счет народоправной периферии. Эти подозрения могут быть, по сути, поняты, если допустить, что суверенная демократия в России — это не только всегда сильный, но каждый раз по-новому (в соответствии с потребностями развития общества) центр

⁸ См. Умберто Эко. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках. СПб., 2008. С. 11—14.

(как форма реализации принципа единовластия), но и не менее развитая, настоящая, живая и деятельная периферия (как форма реализации принципа народовластия), а точнее говоря — их динамический баланс^{8**}.

Концепт «суверенной демократии» возник в сложный период истории российской государственности. Для преодоления тяжелого наследия 1990-х годов в начале нового столетия нужно было усиливать федеральный центр как полюс единовластия, чтобы восстановить баланс в целостности российской государственности: он сильно покачнулся в сторону безбрежного демократизма в ходе ее кри-

* То есть нужно также учитывать, что, например, единовластие в раннюю княжескую эпоху русской государственности — это не то же, что русское единовластие в советскую эпоху.

** Если встать на эту точку зрения, то сегодня у нас периферия просматривается не дальше уровня администраций и законодательных собраний субъектов РФ, а все что дальше... Однако региональный уровень — это все тот же, но только интегрированный в вертикаль, центр власти. Это хорошо видно на примере проблемы миграции. Умберто Эко очень точно отметил, что «миграция» и «иммиграция» — это разные понятия и что «мигрант» не равен «иммигранту»: второй делает свой личный выбор и въезжает в страну, чтобы стать членом ее общества — ассимилироваться; а первый в составе массы таких же, как он, — чтобы изменить его традиционную культуру и судьбу. Единственной ассимиляционной основой в любой стране всегда была и остается местная община — сельская, городская. Разумная государственная иммиграционная политика предполагает построение ее на ассимиляционной, а не на миграционной основе, и она должна быть направлена на поддержку — ресурсную, законодательную, административно-организационную — ассимиляционных возможностей конкретной общины и их реализацию в пределах того количества иммигрантов, которое она реально способна переварить. Местная община в иммиграционной политике — это единственный (другого не будет) реальный организм, целостно, синтетически воспроизводящий культурный тип общества, а не просто аналитическая единица — территория с некоторым количеством мест для жительства и пустующих рабочих мест. Поддерживать иммигрантов нужно, усиливая ассимиляционные возможности общины, помогая ей сохраниться как целое. Сегодня же в РФ все сведено к прямому формальному административному взаимодействию федеральных госорганов (считай — федерального центра) с мигрантом, в котором даже не предполагается учет интересов местной общины как целостного организма.

зиса, вызванного распадом прежней российской государственной системы — Советского Союза. В. Сурков четко определяет конкурентно-экономический смысл внешней критики начавшегося тогда процесса суверенизации российской демократической государственной системы: «контроль над природными ресурсами России через ослабление ее государственных институтов, обороноспособности и самостоятельности», а также главный — культурно-политический смысл: «консолидация Западной и Центральной Европы вокруг одного, кстати внеевропейского, центра» на фоне и за счет отчуждения России от европейской цивилизации.

Таким образом, и со стороны практической политики мы видим вызов российской политической культуре и выросшей на ее почве концепции «суверенной демократии». Он выливается в вопрос: что дает принцип целостности как центральный философский принцип российской политической культуры для понимания и построения отношений России с внешним миром, особенно со странами Европы, ввиду европейского выбора российского руководства?

Логично допустить, что выстраивание позиций России в европейском диалоге должно происходить на основе дальнейшего развития внутренней целостности российской государственности и наращивания усилий по консолидации бывших союзных республик, включая и РФ, в некоторое внутренне обусловленное единство. С точки зрения концепции «суверенной демократии» политические интересы РФ на постсоюзном пространстве состоят в развитии демократии в бывших республиках Советского Союза по суверенному пути, и РФ как одна из наиболее «продвинувшихся» в этом отношении стран (наряду с Казахстаном и Азербайджаном) должна всемерно поощрять их к этому и поддерживать стремление идти в этом направлении. Тогда с течением времени может возникнуть блок суверенных (свободно и самостоятельно развивающихся) демократий, который станет партнером Евросоюза и других европейских стран в межевропейских отношениях. В этой логике противопоказаны экономические субсидии. Гораздо важнее чистая политика, разумно выявляющая конкретные выгоды, экономические и политические, от консолидированной деятельности постсоюзных суверенных демократий в отношении третьих стран*.

Очевидно, что такая постсоюзная суверенно-демократическая консолидация не может быть самоцелью. Каждый раз реализуя принцип цельности на определенном уровне системных отношений, нужно видеть возможность его воплощения на следующем, более высоком уровне. В данном случае речь идет о европейской интеграции. Прошлый ее, частноевропейский вариант на основе матрицы ЕС захлебнулся, так как после долгих споров стало ясно, что вхождение в состав Евросоюза невозможно для Турции и России по принципиальным, хотя и различного плана, соображениям. Да и сама матрица ЕС изначально этого не предусматривала, так как строилась, исходя из ограни-

* Эта политика стратегически выглядит более перспективно, чем политика развития двусторонних отношений России с другими европейскими странами, которая в конце концов приведет к следующему результату: наша страна окажется один на один с предельно разбухшим Евросоюзом, и это новообразование будет подобно новой колониальной системе с метрополией в виде ЕС и колониальной (конечно, на современных, более цивилизованных условиях — вот где в конце концов сработают «общие» ценности!) периферией в виде евразийской России.

ченного понимания евроинтеграции. Так что на этом направлении вопрос закрыт. Для рестарта европейского интеграционного процесса, что могло бы, кстати, стать сутью нового договора о стратегическом партнерстве РФ и ЕС, потребуется более широкое, более общее понимание европейского единства. Ни Федерацией, ни Евросоюзом, даже расширившимся до границ РФ, Европа не исчерпывается. Европейское единство имеет более сложную структуру, истоки которой уходят в века целостно понимаемой европейской истории — европейско-христианского духа*. Включающий Россию блок суверенных демократий и Евросоюз могли бы стать основой нового баланса в рамках европейского единства, новой движущей структуры процесса европейской интеграции.

Однако движению РФ по этому пути мешают определенные трудности. Широко обсуждаемая сегодня «инновационная экономика», «экономика знаний», не тождественна «обществу знания» как модели современного состояния общества. Последнее кроме экономики инноваций — научных и инженерно-технологических — включает высокоразвитую гуманитарную культуру, в частности высокоразвитое гуманитарное знание**.

Экономика в обществе знания может быть построена на любом из трех процессов — производстве, внутреннем использовании и экспорте знания — или на их сочетании. Самой сильной она станет, очевидно, если объединит все три компонента. То же происходит и с политикой: наиболее сильной и эффективной политика участия России в европейской интеграции станет, если будет основана на производстве, внутреннем использовании и экспорте гуманитарного знания. Иначе говоря, с культурно-политической стороны европейская интеграция должна быть обусловлена и обеспечена ростом экспорта, прежде всего в Европу, гуманитарного знания, производимого в России.

Представляется, что практически реализуемая суверенная демократия — это не только определенный политический режим, но еще и гуманитарный процесс. Следовательно, успешная суверенно развивающаяся демократия естественным образом является источником плодотворно развивающегося гуманитарного знания; очевидным доказательством суверенности развития демократии является рост объемов и качества именно гуманитарного знания. Часто не учитывают разницу между естественнонаучным, инженерно-технологическим знаниями — с одной стороны, и гуманитарным знанием — с другой. Первое инвариантно и, будучи произведено, возникнув в одной стране, оно без труда перетекает в другие и там осваивается как свое, не имеющее оригинальной мировоззренческой окраски. Напротив, блоки (корпуса) гуманитарного знания, возникнув в разных странах, народах, культурах, цивилизациях с содержательной и структурной точек зрения имеют различный характер. И суверенность демократического развития в эпоху общества знания маркируется именно

* Эту тему мы развивали ранее (см. работы «Возвращение Европы?» и «Русская философия и христианский мир». — «Русский Мирь». Янв.—Фев.—Март 2004. С. 103—112, 268—282).

** Думается, по-настоящему эффективное общество знаний в России может существовать именно и только на основе сбалансированного развития естественнонаучного, инженерно-технологического и гуманитарного знаний.

различиями в корпусе гуманитарного знания, возникающими в ходе его независимого развития. Свидетельствовать о подлинной суверенности развития демократии могут, только манифестируя во вне — во внешний мир — свое в широком смысле понимаемое гуманитарное знание, то есть свое представление о природе человека, его достоинстве, правах и обязанностях, его истории, обществе и т. д. Поэтому для суверенных демократий свойственно* невольно экспансионистское поведение в гуманитарной области, в частности в области гуманитарных знаний. С другой стороны в этом состоят не только их природа и естественное право, но и обязанность по отношению к внешнему миру: они обязаны заниматься экспортом гуманитарного знания, в котором в широком плане раскрывается природа их демократического суверенитета.

Но сегодня в России кроме очевидной проблемы в сфере гуманитарных знаний, упоминавшейся выше, есть и другая, которая практически не осознается, хотя и являющаяся центральной проблемой его развития: совершенное отсутствие философского анализа в приложении к какой бы то ни было предметной области знаний или текущих процессов**. Например, есть много попыток исторического анализа текущих процессов. Тем не менее исторический анализ без философского анализа истории сегодня совершенно недостаточен и в принципе не может быть удовлетворительным***. Однако даже

* См., например, опыт западных демократий.

** Собственно, философия и есть та общая интеллектуальная сфера, в которой сходятся интересы как конкретного исследования, так и метафизического рассуждения. Это выделяет ее среди других областей интеллектуальных исследований. Она известна давно, в том числе и как незамеченная социальная функция. У нее есть множество определений, что говорит о ее универсальной практичности. Например, такое: «Философия не есть одна из наук и не есть вера. Она общий итог и общее основание всех наук и проводник мысли между ними и верою» (И. В. Киреевский. Критика и эстетика. М., 1998. С. 34.)

Вера есть область неизменяемого (весьма полезная штука в современном мире). Наука, широко понимаемая в приведенной цитате как образованность вообще, напротив, есть область последовательно накапливаемых новаций. Социальная функция философии и философского анализа проблем состоит в том, чтобы с каждым новым поколением давать обществу системное, разумное (неиррациональное) объяснение, как вечное и неизменяемое сохраняется в потоке постоянных изменений. Манера, в которой данное общество видит и объясняет себе эту объективную проблему, и составляет его философию. Естественно, в поколенческой линии подобных объяснений всегда будет сохраняться некоторая традиция, придающая философии данного общества достаточную определенность.

Социальная функция философии является аппликацией ее научно-теоретической функции, которая состоит в том, чтобы давать оформление, уникальное в каждую конкретную историческую эпоху, представлениям о взаимоотношениях метафизического и физического планов единого бытия, единой реальности. Философия как онтология (учение о бытии) и гносеология (учение о познании) состоит в поиске (выработке методов) и предложении (концептуализации, категориальном оформлении) конкретно-исторически обусловленных ответов на вопросы о взаимодействии метафизического и физического в мире и в человеческой жизни.

*** Философия и история — очень жесткие по своей сути научные дисциплины: они любят точность и полноту — принципа и факта. Эти области знания в истории человеческой мысли тесно взаимосвязаны, особенно после того как идея историзма на рубеже XVII—XIX веков уверенно вошла в философию и стала стержнем философской мысли. Это хорошо видно на примере преимущественной предметной области русского философского исследования, сложившейся начиная с XIX века, а именно: «что такое Европа?» — с точки зрения и феноменологии духа, и полноты ее метафизических принципов (см. М. А. Смирнов. Идея русской философии в глобальном мире. — «Свободная мысль». 2006. № 3. С. 181—191).

навыки такого анализа практически утеряны, и их нужно восстанавливать заново. В общем, проблема развития гуманитарного знания не менее сложна и важна, чем проблема инноваций. Определенным образом обнадеживающе смотрится принципиальная уверенность государственного администратора В. Суркова, который говорит: «Каждому народу его культура предоставляет уникальный код доступа к будущему. Ответы на вопросы, как пройти в новый век и как там быть, нужно искать в собственном культурном пространстве». Следует только помнить, что различия в гуманитарном знании являются одной из главных причин возникновения тех высоких гуманитарных барье-

⁹ См., например: выступление Д. Медведева на встрече с российскими послами в МИД РФ 15.07.08, а также выступления в Берлине и Петербурге в мае—июне 2008 года.

ров, которые вызывают сегодня наибольшее беспокойство в межевропейских отношениях*.

В речах президента Медведева часто звучит заявка на некое представление о «большой Европе без разделительных линий», «подлинно большой Европе»⁹.

Очевидно, речь идет не об отношениях ЕС—Россия, а об интегративном видении европейского исторического пути. Евросоюз и Россия — всего лишь два крупнейших субъекта среди других европейских субъектов — таких, как республики бывших СССР и Югославии, Турция, Албания, Швейцария, Норвегия. Поэтому целью европейской политики России в новый период могут стать не отношения с ЕС, а подлинно единая, по-настоящему объединяющаяся Европа**. Но Европа для России — это не просто один из множества равноправных векторов ее внешней политики: межевропейские отношения имеют для нее особый культурный и политический смысл. Европа — не просто один из

* «Почувствовать разницу» между Россией и остальной Европой в сфере гуманитарного знания и оценить высоту этих барьеров можно на примере большой европейской дискуссии по поводу Второй мировой войны, развернувшейся уже сейчас — в преддверии 70-летия ее начала, которое будет отмечаться в 2009 году. Уже сегодня видно, что остальная Европа активно готовится изложить новые позиции по поводу смысла и итогов Второй мировой войны. Россия тоже и по тем же причинам крайне заинтересована в проведении такой дискуссии, но совершенно не готова к ней. Свидетельством остроты проблемы может быть статья ректора МГИМО А. Торкунова «О парадоксах и опасностях “исторической политики”» в «Независимой газете» (18.07.2008).

** В умах экспертов по инерции господствует представление о необходимости модернизации отдельных частей Европы как первостепенном условии европейской интеграции и обеспечения равноправия сторон в этом процессе. Однако вопросы социально-экономического и политико-институционального развития явно недостаточны для исполнения роли стратегических целей ввиду их преходящего характера. Основные проблемы европейской интеграции лежат сегодня совсем в иной плоскости, а именно: есть глубокие и усиливающиеся различия между Востоком и Западом Европы практически по всему гуманитарному спектру, их нельзя игнорировать в политической практике, потому что они составляют суть вопросов взаимодействия. Эту разницу нельзя игнорировать и по чисто философским соображениям, так как именно эта разница, этот гуманитарный зазор между европейскими Востоком и Западом и являются диалектическим базисом развития европейского единства. Экономическая интеграция и односторонние уступки в гуманитарной сфере не способны обеспечить надежные основания для европейской интеграции — модернизация отдельных стран и частей Европы до некоего общего уровня не станет панацеей в решении самых больших европейских проблем. В осовременивании, обращении к реалиям сегодняшнего дня, прежде всего в гуманитарной области, нуждается вся Европа в целом. Люди Востока и Запада Европы сегодня слишком по-разному представляют желаемое будущее, чтобы иметь совместное желание двигаться к нему. Парадокс в том, что усилия на пути обретения этого общего футуристического видения неизбежно вернут их к изначальной пониманию Европы как единого европейско-христианского мира.

полюсов в многополярном мире, это полюс, в котором свое место занимает и Россия. И это понимание может найти свое отражение в особенностях внешней политики страны в предстоящий период. Во всяком случае, из европеизма как политической философии очередного государственного правления логически может последовать своеобразный европоцентризм в отношениях России с миром. То есть европеизм в контексте многополярности может вылиться в европоцентризм, опирающийся, однако, на оправдавшие себя принципы, подходы и достижения предыдущего внешнеполитического периода. В период прошлого правления политика многополярности принесла свои плоды и вывела российскую внешнюю политику на сильные позиции. Сохранение позитивных результатов возможно в рамках развития многовекторной политики европоцентризма — многовекторной внешней политики в интересах развития процессов объединения Европы. Внешнеполитический европоцентризм — это не концентрация внешней политики исключительно на ЕС или других европейских субъектах, а проведение ее от лица и в интересах объединяемой Европы. Выше уже говорилось, что как раз эта всеевропейская интеграционная проблематика могла бы стать предметом и почвой для нового стратегического партнерства РФ и Евросоюза не только в двустороннем плане, но и по отношению к третьим странам. Это же и путь к возвращению центра европейской консолидации во внутреннее пространство Европы.

Философские принципы многолики в своих конкретных проявлениях и приложениях. Но их польза и удобство состоят именно в этом: они позволяют стратегически, перспективно работать с конкретным материалом. В цитированном выше наполненном сильными европейскими интенциями докладе за отправную точку берется анализ особенностей национальной культуры. С философской точки зрения он должен начинаться чуть раньше — с прояснения общих особенностей русского мышления как одного из проявлений мышления европейского: его принципов, начал, проявляющихся в многообразных конкретных формах национальной культуры и цивилизации. Нам сегодня как никогда нужно главное его качество — целостность, в частности единство метафизического и конкретного его уровней, корнящиеся в русской философской традиции. Слова Президента РФ на совещании послов в МИД, выразившие его убеждение, будто «переломный этап мирового развития требует содержательных, если хотите, философских подходов»¹⁰, можно рассматривать как воодушевляющее признание актуальности русской философской культуры. Отметим, что и преподобный Иоанн Дамаскин относил политику к практическому виду философии наряду с этикой и экономикой¹¹.

¹⁰ «Речь Д. Медведева на совещании послов и постоянных представителей РФ при международных организациях в МИДе РФ 15.07.08».

¹¹ См. **Иоанн Дамаскин**. Диалектика, или Философские главы. М., 1999. С. 41.

Возможно, не будет большим преувеличением сказать, что все неевропеистские тенденции оттеснены сегодня в России на обочину актуального политического мышления: таковы выбор и логика нового правления — происходит идейная концентрация в сфере политической философии. Но сделает ли она

возможной консолидацию самого европеизма, сегодня имеющего в России два крыла: собственно русский европеизм, европеизм по-русски, и западнический европеизм, европеизм в западноевропейском стиле и духе, с западноевропейских позиций? Известно, что противоположности сходятся или, по крайней мере, дополняют друг друга до некоторой полноты. Наверное, можно представить себе какое-то продуктивное взаимодействие позиций этих двух вариантов европеизма. Во всяком случае, в русской интеллектуальной традиции есть пример, когда из салонных бесед Петра Чаадаева с Иваном Киреевским и Алексеем Хомяковым вышла классическая русская философия. Современный европеизм — это прежде всего тяжелая повседневная работа всех составляющих общественного интеллекта: одновременно и метафизическая, и конкретно-практическая. И эта работа не для одной, конечно, головы.

Государство и федерация

Практика построения суверенной федерации

Народная мудрость гласит: «Как жидкость нуждается для сохранения в объемлющем сосуде, так и народ для выживания нуждается в государстве». Пожалуй, в этих словах отчетливо проступает сберегательная сущность всякой государственности, и федеративное государство здесь — не исключение. Стабильное и эффективное федеративное государство, как правило, способствует демократическому развитию и экономическому процветанию общества. А вот слабая федерация — это постоянная внутренняя напряженность в государстве и потенциальный кризис.

В самом начале своего президентства В. Путин признал: «В России федеративные отношения недостроены и неразвиты. Региональная самостоятельность часто трактуется как санкция на дезинтеграцию государства. Мы все время говорим о федерации и ее укреплении, годами об этом уже говорим. Однако надо признать: у нас еще нет полноценного федеративного государства. Хочу это подчеркнуть: у нас есть, у нас создано децентрализованное государство»¹.

Много ли изменилось с тех пор?

Да, Российская Федерация пережила в 1990-е годы ряд кризисов, каждый из которых мог перерасти в распад государства и гражданскую войну. К счастью, те времена миновали. Однако насколько мы застрахованы от подобных кризисов в будущем? И отвечает ли наша федерация требованиям времени и задачам, поставленным нами на ближайшее будущее? Для ответа на эти вопросы нелишним будет изучить собственный исторический опыт в области федерализма, причем — в сравнении с историческим опытом других стран.

Не будем заранее определять для себя, что же, собственно, такое — федерализм. Тем более что до сих пор в научном сообществе так и не выработано четкого определения на этот счет. Как остроумно заметил по поводу многочисленных теорий федерализма один из специалистов по данному вопросу, М. Столяров, «существует множество разновидностей таких теорий, и даже сама классификация их является весьма трудоемкой и сложной работой, предметом специальных исследований»². Попытаемся понять федерализм через федеративные государства, а точнее — через историю их федеративного строительства.

АЛЕКСАНДРОВ-ДЕРКАЧЕНКО Петр Петрович — председатель Редакционного совета журнала «Свободная Мысль».

¹ «Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации, 2000.»

² М. Столяров. Теория и практика федерализма. М., 2008. С. 424.

Во всем мире можно насчитать не более двадцати государств-федераций. Не так уж и много, с одной стороны. Однако с другой стороны в них проживает более сорока процентов населения Земли с разной историей, культурой, экономикой, климатом и пр.

Из всех федераций в качестве наиболее наглядного примера успешного федеративного строительства можно привести, пожалуй, Соединенные Штаты Америки (первооткрыватели федерализма) и Швейцарский Союз (многоэтническая и многоконфессиональная федерация). А также Федеративную Республику Германию (самая молодая федерация, но весьма эффективная). Они, собственно, послужили примером для многих других (ФРГ — для Австрии, США — для Австралии, Мексики, Бразилии, Венесуэлы, Аргентины). Прочие же федерации скорее можно граadirовать по принципу «иных уж нет» (Югославия и Чехословакия), «а те — далече...» (Бирма, Нигерия, Малайзия и пр.). Также вне нашего рассмотрения останутся проблемные федерации (такие, как Бельгия и Канада) и государства с автономиями (Испания, Великобритания).

Американский опыт: «...сын ошибок трудных»

Повсеместно распространена иллюзия, будто американский федерализм является прямым следствием американской борьбы за независимость. Причина этого заблуждения кроется скорее всего в незнании или невежественном отношении к американской истории как таковой.

Как известно, в результате военных действий 1775–1783 годов 13 британских колоний добились свободы и независимости от Великобритании. Свободы от метрополии, которая пыталась контролировать их развитие, и независимости от законов, исходящих от центрального органа королевского наместничества. Говоря языком того времени — избавились от английской тирании.

Именно статус независимого и суверенного государства был главной и единственной причиной участия в войне для каждой колонии — это принципиально было закреплено лидерами восстания в Декларации независимости 1776 года: «... торжественно записываем и заявляем, что эти соединенные колонии являются и по праву должны быть свободными и независимыми государствами, что они освобождаются от всякой зависимости по отношению к британской короне, и что все политические связи между ними и Британским государством должны быть полностью разорваны, что в качестве свободных

³ *Цит. по:* The Declaration of Independence and the Constitution of the USA. Wash., D. C. 1998. А. 14.

и независимых государств они полномочны объявлять войну, заключать мирные договоры, вступать в союзы, вести торговлю, совершать любые другие действия и все то, на что имеет право независимое государство»³. Таким образом, война за независимость породила не одно независимое государство, а все

тринадцать — независимых и суверенных.

Освободившись от имперского владычества, все независимые государства торжественно приняли собственные конституции, подтверждающие суверенитет и исключительное верховенство собственных законов на своей терри-

тории. Далее, каждым независимым государством были введены собственные таможенные правила, избраны собственные суды и приняты собственные правила торговли. Совместные вооруженные силы были распущены, а для отношений между собой штаты организовали своеобразное содружество американских независимых государств — конфедерацию. Причем независимые государства подчеркнуто закрепили верховенство собственного суверенитета, а органам конфедерации делегировали некоторые полномочия, да и то на неопределенный срок: «Каждый штат сохраняет свой суверенитет, свободу и независимость, а также Власть, Юрисдикцию и Право, которые не делегированы Конфедерацией Соединенным Штатам в лице конгресса во время сессии...»⁴. Эти положения были торжественно приняты Конфедерацией в 1777 году и ратифицированы независимыми государствами в 1781-м.

Так, провозглашением независимости 13 суверенных американских государств, высвободившихся из-под британского владычества, закончился первый этап становления американской государственности.

Что же происходило потом? В короткое время внутренняя торговля между штатами была парализована, доходы населения всех штатов резко упали, а единая валюта значительно обесценилась. Повсеместно началось стремительное расслоение общества, сопровождавшееся разорением среднего класса. Яркой иллюстрацией происходившего стали марши протеста ветеранов войны за независимость (в 1786 году один такой отряд мятежных ополченцев достиг численности в 15 тысяч человек — больше, чем в то время служило во всей армии правительства). Вдобавок ко всему между новоявленными независимыми государствами стала нарастать взаимная напряженность, подогреваемая могущественными европейскими державами, которые напрямую поддерживали отношения с разрозненными американскими государствами. Постепенно штаты оказались на грани гражданской войны и новой революции — на этот раз революции отчаянных граждан суверенных государств.

При всем при этом руководство конфедерации было бессильно что-либо предпринять в условиях незыблемости суверенитета штатов. Американский историк Д. Бурстин прямо пишет: «Это новое центральное было даже слабее назначенного Лондоном в период, когда империя еще мирно функционировала»⁵. На глазах всего мира содружество американских независимых государств (конфедерация) превращалась в недееспособное образование, и казалось, что этот процесс не остановить. Необходимо было принимать срочные меры. Но какие?

Д. Вашингтон, поневоле втянутый в негласные дискуссии американской политической элиты, был убежден: недопустимо применять оружие против своих же граждан, если у них есть основания для недовольства. После некоторых консультаций между вождями американской войны за независимость было решено созвать конституционный конвент и пересмотреть сложившийся порядок вещей. Как писал на этот счет А. Гамильтон: «По-видимому, народу нашей страны суждено своим поведением и примером решить важнейший вопрос:

⁴ Цит. по: Д. Бурстин. Американцы: Национальный опыт. М., 1993. С. 510.

⁵ Там же. С. 511.

способны ли сообщества людей в результате раздумий и по собственному выбору действительно учреждать хорошее правление, или они навсегда обречены волей случая или насилия получать свои политические конституции?»⁶.

⁶ Цит. по: Федералист. Политические эссе Гамильтона, Мэддисона и Джея. М., 1993. С. 77.

В 1787 году такой Конвент собрался. Работая в глубокой тайне (шпионы европейских держав искали любой повод сорвать его работу), участники решили, что Статьи конфедерации должны уйти в прошлое вместе с самой конфедерацией, ее раздорами и хаосом, и решили составить новую конституцию — конституцию американской федерации.

Реформаторам американской государственности предстояло решить сложнейшую задачу. Требовалось создать эффективный демократический механизм управления огромной территорией, состоящей из самоуправляемых демократических государств, — создать демократическую альтернативу империи. С одной стороны, было очевидно, что без сильного центра, который мог бы противостоять внешнему давлению и разрешать внутренние противоречия между штатами,

⁷ Подробнее об этом см.: В. Остром. Смысл американского федерализма. М., 1993.

союзу американских государств не выжить. С другой стороны, власти штатов рассматривали любые попытки ограничения их суверенитета как нарушение Декларации независимости⁷.

В результате длительных поисков было найдено судьбоносное решение, ставшее впоследствии классическим признаком федерализма: суверенные и независимые штаты более не делегировали полномочия центральному правительству, эти полномочия ему передавались непосредственно гражданами — единым свободным народом Соединенных Штатов, носителем суверенитета, — путем общенациональных выборов. Центральное правительство, получив власть напрямую из рук народа, получало возможность создавать собственные учреждения для проведения своей политики на местах, не прибегая к посредничеству штатов, которые к тому же таким образом лишались права выхода из Союза. Как писал об этом позднее А. Токвиль: «ныне действующая Конституция Соединенных Штатов содержит несколько новых принципов, которые имеют очень важное значение, хотя поначалу они отнюдь не бросаются в глаза. И в самом деле, эта Конституция, которую на первый взгляд легко спутать с любой предшествующей федеральной Конституцией, основана на совершенно новой теории, которую можно считать великим открытием в области политических наук нашего времени... В Америке Союз управляет не штатами, а простыми гражданами... Прежние федеральные правительства имели дело с целыми народами, тогда как американский Союз — с отдельными личностями. Сила, которой он обладает, не взята взаймы, но присуща ему самому. Он имеет своих

⁸ А. Токвиль. Демократия в Америке. М., 1992. С. 482.

собственных правителей, свои суды, своих судебных чиновников и свою армию»⁸.

Американским отцам-основателям удалось выстроить первую в истории систему прямых выборов имперского (центрального) руководства непосредственно гражданами империи (федерации). Впервые в истории была создана демократическая альтернатива империи, или, если так можно сказать, демократическая империя. Все это было отражено в новой конституции теперь уже

от имени не штатов, но единого народа — носителя суверенитета Америки: «Мы, народ Соединенных Штатов, дабы образовать более совершенный Союз, установить правосудие, гарантировать внутреннее спокойствие, обеспечить совместную оборону, содействовать всеобщему благоденствию и закрепить блага свободы за нами и потомством нашим, торжественно провозглашаем и устанавливаем настоящую Конституцию для Соединенных Штатов Америки»⁹.

⁹ *Цит. по:* The Declaration of Independence and the Constitution of the USA. Wash., D. C. 1998. А. 17.

Как и все империи, созданная отцами-основателями демократическая империя Соединенных Штатов должна была стать для своих государств и граждан, во-первых, надежной защитой от посягательств извне, а во-вторых, арбитром во внутренних спорах и гарантом соблюдения законности. Для выполнения первого требовалось передать Союзу исключительное право на ведение единой военной, внешнеторговой и финансовой политики. Как писал об этом А. Гамильтон: «При энергичном национальном правительстве естественная сила и ресурсы страны, направленные к обеспечению общих интересов, опрокинут любые комбинации, составленные ревностью Европы для ограничения нашего роста»¹⁰. Для выполнения второго требовалось наличие общего верховного суда (как справедливо писал тот же А. Гамильтон: «Если каждый штат будет иметь свой высший суд, может оказаться столько же различных конечных решений по одному и тому же делу, сколько существует судов»¹¹). Наличие общего

¹⁰ *Цит. по:* «Федералист. Политические эссе Гамильтона, Мэдисона и Джея». М., 1993. С. 90.

¹¹ *Там же.* С. 159.

Верховного суда минимум дважды не дало свернуть американской государственности с демократического пути. Первый раз — в середине XIX века, когда Верховный суд подтвердил право Конгресса США отменить рабство, выведя решение этого вопроса из компетенции южных штатов. Второй раз — в середине XX века, когда запретил проведение расовой сегрегации в учебных заведениях штатов.

Кстати сказать, новой федеративной конституцией Соединенные Штаты подразумевались исключительно территориальной федерацией, что позволило впоследствии, несмотря на завоевание новых территорий с коренным мексиканским населением и явное преобладание чернокожего населения в ряде южных штатов, избежать попыток разъединить единственный субъект федерации — американский народ — на отдельные этнические «субъекты федерации».

Новая конституция была составлена в 1787 году и вступила в силу в 1789. Так, передачей суверенитета от независимых государств непосредственно народу закончился второй этап становления американской государственности.

Результатом первого этапа — парада суверенитетов штатов — стали шесть лет сползания в пропасть. Результатом второго — создания федерации — 200 с лишним лет эффективного управления и процветания. Американская федерация была вовсе не следствием развития американской демократии, а механизмом ее сохранения. По меткому замечанию Т. Пейна: «Независимость Америки, рассматриваемая только как отделение от Англии, вообще не имела бы большого значения, если бы она не сопровождалась революцией в области принципов организации и практической реализации власти»¹².

¹² *Цит. по:* В. Графский. Всеобщая истории права и государства. М., 2002. С. 444.

Швейцарский опыт: медленно, но верно

История швейцарской государственности берет свое начало в далеком 1291 году, когда три горные крестьянские общины (кантоны) объединились для совместного противостояния окружающим феодалам, прежде всего — Габсбургам. В 1315 году вооруженное столкновение крестьянства и рыцарства оказалось более успешным для первых и более назидательным для вторых. Привлеченные военными успехами подобной самообороны, к прежним трем кантонам стали присоединяться и соседние крестьянские общины, а вскоре — и целые города. К началу XIV века территория сообщества увеличилась вдвое, а само сообщество кантонов стало именоваться «Швейцарией», в 1513 году провозглашенной конфедерацией.

По сути своей, эта конфедерация кантонов являла собой сообщество немецких, французских и итальянских деревень и городов для совместной обороны. Возможность создания такого сообщества во многом объясняется отсутствием аристократии (феодалов) в кантонах, строивших взаимоотношения по «сословному признаку». А после религиозных войн, вспыхнувших в Европе в результате реформации, конфедерация стала не только многоэтнической и многоязычной, но еще и многоконфессиональной.

Швейцарский феномен привлекал внимание многих и оценивался по-разному. Так, Ш. Л. Монтескье восторгался государством кантонов: «Если бы

¹³ *Цит. по:* «Федералист. Политические эссе Гамильтона, Мэдисона и Джея». М., 1993. С. 77.

меня попросили дать пример совершенной конфедеративной республики, я указал бы на существующую в Люцерне»¹³. Джеймс Мэдисон высказался иначе: «У швейцарских кантонов нет ни общей казны, ни общего войска — даже на время войны, ни общих денег, ни общего судопроизводства, ни вообще каких-либо структур, присущих единому государству. Их объединяют особенности их географического положения; слабость и незначительность каждого кантона в отдельности; страх перед могущественными соседями, одному из которых прежде принадлежали; отсутствие источников для раздоров среди населения с простым и однородным укладом; совместная заинтересованность в сохранении собственности; взаимная помощь, в которой они нуждаются в случае возникновения бунтов и восстаний; взаимопомощь, заранее обусловленная и часто нужная и оказываемая; а также необходимость, которая позволяет регулярно и постоянно разрешать возникающие между кантонами споры»¹⁴.

¹⁴ *Там же.* С. 139.

Монтескье смотрел на Швейцарию глазами философа, Мэдисон — глазами политика. Прозорливее оказался Мэдисон: в 1847 году в Швейцарии вспыхнул региональный сепаратизм. Семь кантонов с католическим населением образовали специальный Союз (Зондербунд), готовый противостоять конфедерации. Появилась реальная угроза гражданской войны, и европейские соседи были не прочь принять в ней участие. Однако прежде чем «иностранная помощь» воюющим сторонам чуть не завершила историю Швейцарии, армия конфедерации разгромила сепаратистов, а политическая элита страны начала разрабатывать проект новой конституции, которая и была принята в 1848 году.

Составители ее стремились использовать положительный опыт американского государственного строительства, однако в Швейцарии были свои особенности: одна половина населения страны была католической, другая — протестантской, и обе эти половины говорили на трех языках.

Сохранив формальный суверенитет кантонов, конституция определила верховенство законов Союза над таковыми кантонов и предусмотрела возможность «прямой демократии», при которой большинство важных законов в Швейцарии принимается населением на всеобщем референдуме. Таким образом, за счет небольшой территории страны удалось обойти суверенитет субъектов — кантонов.

Далее, конституция четко запретила кантонам выходить из Союза и создавать объединения кантонов по языковому или религиозному принципу во избежание размежевания их внутри страны, а в случае возникновения межкантональных противоречий право на вмешательство имеет Союз — и только он. При этом последний имеет право вмешиваться в дела кантона только в одном случае: если сами кантоны не в состоянии обеспечить общественный порядок, что подтверждает федеративный характер швейцарской государственности.

В основу Швейцарского Союза была положена не федерация трех национальных групп или федерация двух религиозных общин, а федерация 26 кантонов. Благодаря этому прозорливому решению сегодня швейцарец из Женевы относится к швейцарцу из Цюриха не как француз к немцу, но как гражданин республики Женева к гражданину республики Цюрих. Нетрудно представить, чего ожидало бы Швейцарию, если бы она стала федерацией трех национальных субъектов: скорее всего эти национальные субъекты со временем стали бы тремя провинциями, соответственно, Германии, Франции и Италии.

К своему федерализму, заложенному в конституцию 1848 года, швейцарцы шли довольно долго — почти семь столетий. Но зато это был путь свободных людей, последовательно избегавших тирании и сепаратизма. Однако основной феномен швейцарской федерации заключается в другом: при разумном государственном устройстве многоэтничная и многоконфессиональная федерация может быть весьма устойчивой и прочной.

Германский опыт: от насилия — к процветанию!

Германская федерация является одной из самых молодых федераций в Европе — она существует с 1949 года. Однако справедливости ради стоит признать, что история немецкого федеративного государственного строительства началась много раньше: «Германский федерализм был легитимирован в первую очередь исторически, а уже во вторую — конституционно-политически»¹⁵.

¹⁵ К. Зонтхаймер. Федеративная Республика Германия сегодня. М., 1996. С. 255.

Суверенные немецкие государства украшали карту Европы со времен распада Римской империи. Все попытки объединения их в единое государство носили скорее философский характер. О так называемой Священной Римской империи германской нации — конфедерации, объединяющей прорву всех

немецких государств: от княжеств и курфюршеств до Австрийской империи, Д. Мэдисон говорил: «Главный принцип, на котором зиждилось это сообщество, заключался в том, что империя являлась объединением суверенных правителей, что законы адресовались суверенным правителям, и это превратило империю в недееспособный механизм, не имеющий сил управлять собствен-

¹⁶ *Цит. по:* «Федералист. Политические эссе Гамильтона, Мэдисона и Джея». М., 1993. С. 136.

ными членами, беспомощный перед опасностями, угрожающими извне, и подверженный постоянным брожением в собственном чреве»¹⁶.

Конец конфедеративному периоду германской государственности положил Бисмарк, считавший возможным и необходимым объединить в единой империи все ресурсы германских государств. По его твердому убеждению, это позво-

¹⁷ Подробнее об этом см.: **О. Бисмарк.** Мысли и воспоминания. Т. II. М., 1940.

лило бы превратить Германию из аморфного содружества независимых германских государств в империю, угрожающую соседям уже одним своим существованием¹⁷. Политиче-

ские мотивы, двигавшие Бисмарком, стали идеологией прусского государственного строительства. Сначала Пруссия присоединила к мелким княжествам, а затем (после войн с Данией, Австрией и Францией) заставила более крупные монархии учредить совместно с Пруссией обновленную Германскую империю, в которой Пруссия занимала почти две трети имперской территории. Примечательно, что Германская империя, в отличие от американской федерации или швейцарского союза создавалась не для защиты извне, а, наоборот, — для угрозы, и немецкие государства не входили в нее, а включались силой и угрозами. Согласно принятой Конституции, германским императором являлся прусский король по принципу «первый среди равных». Император руководил внешней, военной и финансовой политикой империи. Вошедшие в империю монархии пользовались самоуправлением настолько, насколько это не противоречило имперской Конституции. Так начался второй — бисмарковский — период германской государственности. Однако заложенная Бисмарком идеология создания Германской империи требовала продолжения насильственного имперского строительства, результатом которого стало развязывание Первой мировой войны и поражение в ней Германии.

В составных частях Германии были низвергнуты монархии, а сама Германия стала демократической республикой, продолжая при этом называться «империей». Начался третий — веймарский период германской государственности. Но, несмотря на применение эффективных принципов американского федерализма (граждане Германии избирали прямым голосованием и руководство империи и местные органы власти), устроено новое образование было крайне неуклюже: 14 государств из 17 входили в Пруссию с сохранением ограниченного суверенитета. Стоит ли уточнять, что подобная территориальная централизация была продиктована германским государствам имперским правительством из Берлина? Территориальная диспропорция вышла боком, когда пришедшие к власти в Пруссии нацисты, сразу подчинили себе всю Германию (для примера — пресловутое гестапо официально была прусским учреждением). Начался четвертый, самый непродолжительный период строительства германской государственности — гитлеровский.

Диктатура национал-социализма нивелировала суверенные земли до обычных административных единиц. Страна жила по принципу «один рейх—один народ—один вождь». Центральным гитлеровским правительством назначались свои наместники в землях, упразднялись земельные ландтаги, смещались земельные судьи. В гитлеровский период насилие, заложенное когда-то в фундамент немецкой государственности, было возведено в абсолюте. Итогом стал абсолютный крах общества и государства.

Послевоенная инициатива федеративного государственного обустройства Германии исходила от победителей и проводилась в западной зоне. Оккупационные власти видели в новой федерации прежде всего гарантию мира для окружающих Германию стран и гарантии внутреннего спокойствия для самих немцев. Страна отходила от шока тоталитарной диктатуры, и чем быстрее удалось бы создать стабильный федеративный механизм, способный обеспечить права простых немцев, тем скорее бы наступило выздоровление общества.

Принятая в 1949 году Конституция Федеративной Республики Германии ознаменовала начало пятого периода германской государственности — федеративного, благополучно продолжающегося по сей день.

По замыслу оккупационных властей, Конституция преследовала несколько целей. Во-первых, пресекалась традиция насилия — германское государство провозглашалось демократическим, правовым и социальным. Во-вторых, устранялся прусский территориальный «комплекс» — Западная Германия состояла теперь из 11 более-менее равновеликих земель, «нарезку» которых определили оккупационные власти*. В-третьих, на федеральное правительство возлагалась суверенная обязанность обеспечивать права и свободы граждан в землях федерации — вплоть до прямого вмешательства: «Если земля не выполняет федеральных обязательств, возложенных на нее Основным законом, Федеральное правительство может с согласия Бундесрата принять необходимые меры чтобы побудить землю к выполнению этих обязательств в порядке принуждения со стороны Федерации. Для проведения таких мер принуждения Федеральное правительство или его уполномоченный имеет право давать указания всем землям и их учреждениям» (статья 37)¹⁸. Именно эта статья подтолкнула Баварию — самую строптивую землю — одобрить конституцию.

Политически прозорливо — на будущее — в новой Конституции кроме 11 земель упоминались еще 5, действие ее на которые будет распространяться по мере их присоединения к федерации. Речь, конечно же, шла о ГДР, которую Западная Германия не признавала, но возможность присоединения которой предусматривала таким образом. (Кстати, по сей день в Германии находятся скептики, считающие, что после присоединения Восточной Германии куда эффективнее было бы иметь в федерации семь-восемь земель вместо нынешних шестнадцати.)¹⁹

* Также и ГДР первоначально состояла из пяти земель, однако в 1951 году была принята новая конституция, определившая унитарный характер Восточной Германии.

¹⁸ «Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland». Bonn, 1996. S. 29.

¹⁹ Подробнее об этом см.: И. Бусыгина. Регионы Германии. М., 1999.

Так, новая германская федерация стала настоящей демократической альтернативой империи. Ее создание характеризуют несколько особенных черт. Впервые федерация создавалась не как средство сохранения демократических свобод граждан, а как средство внедрения этих свобод. И впервые федеративное строительство было задачей не только и не столько политической элиты страны, но задачей оккупационных властей. Что, впрочем, было продиктовано исторической необходимостью.

Эффективность германского федерализма подтвердило время.

Чему же учит мировая практика?

Прежде всего тому, что федерации создаются в кризисные моменты истории и с конкретной политической целью — обеспечением внешней безопасности и внутреннего порядка для сохранения прав и свобод граждан. Таким образом, как уже отмечалось выше, федерации исполняют роль демократической альтернативы империи. Федерации создаются не во времена расцвета демократии, а скорее наоборот. Торжество демократии способствует созданию конфедерации, которая не будучи способной обеспечить законный порядок, стабильность и защиту прав граждан обнаруживает тем самым дефицит государственного суверенитета. Именно в этих политических условиях волевым политическим решением элиты создаются федерации, которые являются более жесткими конструкциями, чем предшествующие им объединения.

Внешне федерации достаточно сильно отличаются друг от друга, что объясняется их различным историческим опытом. Однако при всех внешних различиях, они обладают и схожими особенностями — критериями устойчивости, соблюдение которых в государственном строительстве помогает добиться устойчивости федерации.

Основой федерации является конституция, а не договор. Центральная власть федерации избирается напрямую гражданами и осуществляет свою деятельность в регионах от имени граждан и параллельно с местными властями. Внешнеполитическая, военная, торговая и финансовая политика всегда является прерогативой федерации. Законы федерации имеют верховенство над законами регионов. В федерации, как и в империи, существует только один верховный суд. Вне компетенции федерации регионы обладают правом на самоуправление. Регионы не являются субъектами федерации. Субъектом федерации, притом единственным, является народ.

Устойчивая федерация, как и устойчивая империя, строится по территориальному принципу. Национально-государственные объединения не жизнеспособны (пример Югославии и Чехословакии более, чем нагляден. Его, судя по всему, скоро повторят Канада и Бельгия). Регионы должны быть более-менее равновеликими. Регионы не имеют права выхода из федерации, поскольку являются ее частью. Регионы имеют право объединяться только с согласия федерации.

А теперь обратимся к истории отечественного опыта федеративного строительства.

Российский опыт: повторение пройденного

Порой складывается впечатление, будто Россия всегда была империей. Отчасти это верно, но лишь отчасти. Царь Петр принял императорский титул только в 1721 году, однако задолго до этого российская государственность уже приобрела характерные имперские черты. С высокой степенью уверенности можно утверждать, что имперское строительство началось минимум при Иване III, последовательно проводившем политику объединения русских княжеств в единое государство.

И хотя присоединение земель не всегда протекало гладко, однако оно не сопровождалось разорением или подчинением новых вассалов, как это зачастую практиковалось в Европе. Причина кроется в следующем: Иван III установил негласное правило, ставшее впоследствии, как мы бы сказали, принципом организации власти в русской империи. После завоевания очередного княжества он лично возглавлял его, делая соответствующее добавление в свой титул («царь Казанский, царь Астраханский» и пр.) и оставляя в распоряжении князей их владения. Кроме того, все местные князья приравнивались в правах к дворянству русского государства, а простой люд становился подданным великого князя.

Другой принцип — организации устройства русской империи — был разработан в начале XVIII века Петром I. Тогда молодым царем была проведена реформа территориального устройства, в результате которой вся территория империи была разделена на губернии во главе с губернаторами и генерал-губернаторами. Причем границы губерний не совпадали с таковыми княжеств, ханств, королевств и пр.

Обратим внимание. Принцип управления Российской империей был абсолютно идентичен принципу управления американской федерацией: органы местной власти осуществляют свою работу параллельно с органами центральной власти, каждый — в пределах своей компетенции. А принцип территориального устройства Империи идентичен таковому территориального устройства Швейцарского Союза: большое число губерний-кантонов, не совпадающих с границами расселения этносов (К 1917 году Российская империя насчитывала 93 губернии²⁰).

²⁰ См. «Международный ежегодник. Справочник для общественных деятелей». СПб., 1913.

Только в России государственной мудростью Ивана III и Петра I эти принципы были разработаны раньше, чем в Швейцарии и Штатах, и оказались настолько очевидными для современников, что даже не закреплялись специальными уложениями, а применялись, как мы бы сказали, по «английскому прецедентному праву».

Эти принципы организации устройства и управления Россией значительно отличали ее от европейских, причем в лучшую сторону. В Российской империи никогда не было колоний, как в других империях, зато имели место единое дворянство и общее подданство. Это во многом объясняет, почему в Российской империи не возникало поводов для национально-освободительных восстаний, а многочисленные народы (как тогда говорили — племена) сохраняли и развивали свою культурную самобытность.

Отречение императора Николая II и провозглашение России республикой, внесло сумятицу в государственное устройство и управление, чем не замедли-

ли воспользоваться европейские державы. Начавшаяся Гражданская война закончилась победой большевиков во главе с В. Ульяновым и поражением белого движения. Если вожди белого движения выступали «за единую и неделимую Россию», то большевики, как известно, в борьбе за власть не гнушались жертвовать территориальной целостностью страны. При активном вмешательстве Германии, Австро-Венгрии и Англии и при одобрении большевиков были образованы государства Украина, Грузия, Армения, Латвия, Эстония, Туркестан и Дальневосточная Республика, а также провозглашены независимыми Финляндия и Польша с Литвой. К исходу кровопролитной Гражданской войны большевики установили свое господство над большей частью территории России, однако Финляндия, Польша и страны Прибалтики сохранили свою независимость. На остальной территории бывшей империи большевикам предстояло заняться государственным строительством.

Ранее (в начале 1918 года) собранный большевиками III Всероссийский съезд Советов провозгласил Российскую Советскую Республику федеративной, конституция которой была принята съездом Советов в том же году. В конце 1922 года другой съезд Советов — Всесоюзный — проголосовал за договор о создании Союза Советских Социалистических Республик, конституция которого была позже разработана и принята в 1924 году. Инициаторами и вдохновителями нового государственного строительства были лидеры большевиков во главе с В. Ульяновым (Лениным) и И. Джугашвили (Сталиным). Впоследствии их принципы государственного строительства именовались в СССР принципами ленинской национальной политики и социалистического федерализма. В чем же они заключались?

Прежде всего — в декларации права наций на самоопределение, вплоть до отделения. Для реализации этого антигосударственного принципа были созданы автономные национальные республики в составе РСФСР, получившие право самоуправления, чего были лишены прочие губернии и области. После чего большевиками были созданы независимые суверенные государства — советские социалистические республики — на территории Украины, Белоруссии и Закавказья, которые образовали с РСФСР вторую федерацию — СССР. В дальнейшем количество автономий в РСФСР решением Центра постоянно увеличивалось, некоторые из них отторгались от РСФСР и становились союзными республиками (как это произошло с Туркестанской АССР, на месте которой образовалось пять союзных республик). Конституция Союза ССР признавала суверенитет республик и предоставляла им право свободного выхода из Союза. Вводилось гражданство республик (приравненное к общесоюзному).

Второй принцип, заложенный большевиками в советскую федерацию, — жесткая централизация всего управления за счет партийных органов. Структура Всесоюзной коммунистической партии большевиков становилась главной ветвью власти, хотя и она состояла из коммунистических партий союзных республик (только в РСФСР она действовала напрямую).

Таким образом, большевиками была создана советская альтернатива империи, если сказать точнее, — советская империя. Она была создана не консти-

туцией, а договором и состояла из искусственно созданных и создаваемых равноправных суверенных государств, обладающих своим суверенитетом и законодательством. Причем самое большое из них — РСФСР — также было федерацией, но уже с формально закрепленным неравенством регионов. Общесоюзный центр, как это и положено в империи, обеспечивал внешнюю безопасность и внутренний порядок, однако он же был гарантом развивающейся суверенизации национальных республик (именно Центр проводил «ленинскую политику национального строительства», в результате которой для национальных республик воспитывалась местная элита, разрабатывались алфавиты и пр.). А. Солженицын считает это главным «достижением» ленинской политики федеративного строительства: «Это было, надо признать, злогениальное изобретение: национально-территориальные автономии. В многонациональной стране, где нации уже веками перемешаны, самый крупный русский народ оказался раздробленным, клочками там и сям подчиненным национальным меньшинствам, по сути, лишился своей государственности. Нигде на Земле и никогда в человеческой истории подобный государственный строй не учреждался²¹».

²¹ А. Солженицын. Традиции Российской государственности и перспективы федерализма. — «Федерализм». 1996. № 3. С. 100.

Советская федерация, в отличие от всех других, создавалась не в условиях опасности начала гражданской войны, а после ее завершения. Угроза возникновения сепаратизма и распада страны также отсутствовала — диктатура большевиков была абсолютной, и они контролировали власть на всей территории государства. Влияние других государств на регионы было минимизировано. И в результате в этих условиях торжества «пролетарской демократии» В. Ульянов и его соратники создали рыхлую конфедерацию с жесткой партийной дисциплиной, которая своим государственным устройством напоминала ранние конфедерации — американскую (после победы в войне за независимость) и швейцарскую (после изгнания наполеоновских армий).

Так почему же Ленин не стал создавать классическую стабильную федерацию? Большевики во главе с Лениным проявили бездарность и невежество, выразившиеся в неспособности исследовать опыт зарубежных федераций или исторический опыт имперского строительства в России. Они попросту не могли понять принципы государственного устройства федерации. Кругозор их, к сожалению потомков, не простирался дальше названий.

В 1977 году была принята Конституция СССР, ставшая триумфом советского конфедератизма. Союзные республики определялись как суверенные государства (статья 76), суверенные права которых охранялись Союзом ССР (статья 81). Более того, им предоставлялись право свободно выходить из Союза и право самостоятельно «вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями, участвовать в деятельности международных организаций» (статья 80)²².

²² См. «Конституция Союза Советских Социалистических Республик». М., 1988.

Это было чересчур даже для конфедерации. Советское руководство, движимое историческим невежеством и политической безответственностью, прописывало антигосударственные и противифедеративные положения, уповая при

этом на всеислие партии, скрепляющей единство страны. Так, за счет партийной дисциплины советской элите удавалось преодолевать препятствия, которые она сама же и создавала.

Политическая реформа М. Горбачева, направленная на ослабление влияния КПСС (вплоть до устранения пресловутой шестой статьи конституции о «руководящей и направляющей силе») поставила крест на единстве страны. Коммунистическое руководство республик более не нуждалось в Центральном комитете партии и могло руководить и направлять суверенитет своих республик, благо конституция предоставляла им такую возможность. Одна за другой республики Союза начали реализовывать свои конституционные права и выходить из состава СССР. Кончилось тем, что руководители трех республик — РСФСР, УССР и БССР — заключили между собой новый договор и стали проводить собственную внешнюю политику (в частности, были признаны независимыми страны Прибалтики).

Затяжной экономический кризис на всем советском пространстве, повсеместные вспышки национализма, этнические конфликты и иностранное вмешательство напоминали в принципе те же условия, аналогичные американским времен кризиса конфедерации. Другими словами, при наличии политической воли (и опираясь на результаты референдума о сохранении СССР) вполне можно было создать подлинную федерацию, по крайней мере из большинства республик СССР. Но для этого требовались лидеры уровня Д. Вашингтона или А. Гамильтона. Или Ивана III. Или простых швейцарских крестьян девятнадцатого века. Уровень интеллекта и воли у Горбачева был катастрофично ниже.

Распад одной ленинской конфедерации — СССР — спровоцировал опасность распада другой его рыхлой конструкции — РСФСР. «С 1991 года — года ошеломления и растерянности умов — фикция Российской Федерации превратилась в требовательную реальность, и оттого развитие России пошло про-

²³ А. Солженицын. Традиции Российской государственности и перспективы федерализма. — «Федерализм». 1996. № 3. С. 101.

тив ее общегосударственных потребностей. Выросшие за десятки лет национальные коммунистические элиты получили внезапно весомую власть, в том числе и над русским большинством в своих республиках»²³.

Автономные республики устранили само упоминание об автономии из своего названия и приняли декларации о государственном суверенитете. Набирал темпы дележ народного хозяйства. Между рядом республик (Татария, Чечня, Якутия) активизировались переговоры с иностранными государствами. В конституциях республик стали вводиться статьи о верховенстве собственных законов (Карелия), недопущении действий властных структур, не относящихся к юрисдикции республики (Якутия), о заявлении республики в качестве субъекта международного права (Татарстан). Началась деградация российской государственности.

Что предпринял в тот момент Президент России Б. Ельцин, обладавший тогда безграничным кредитом доверия со стороны граждан России, которые избирали его напрямую? Он попросту принял сложившееся положение дел.

Подписанный в 1992 году федеративный договор между Центром и регионами (которые Татария и Чечня вовсе проигнорировали) оформлял Россию как договорную конфедерацию. Он был подписан между представителя-

ми центральных органов власти и органов власти в регионах. Сохранились национально-государственные образования — самопровозглашенные республики (бывшие автономии), причем их суверенитет подтверждался. Территориальная целостность страны нигде не обозначалась. Регионам предоставлялось право ведения внешнеэкономической деятельности (статья 3) и исключительное право распоряжения недрами (статья 3). И более того — за ними закреплялось право вообще не подписывать федеративный договор, а заключить договор напрямую с Центром (статья 8)²⁴. ²⁴ См. «Федеральное Конституционное право России». М., 1996.

Последующее принятие конституции в 1993 году мало что изменило. Признавалось, что носителем суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации (статья 3), однако он не являлся субъектом Федерации. Их (субъектов) теперь было 89 (статья 65)²⁵ — по числу регионов. ²⁵ Там же.

Поразительно, но в кризисных исторических условиях, схожих с историческими условиями других стран, политическая элита России снова создала не жесткую федерацию, а рыхлое конфедеративное объединение, игнорируя богатый опыт государственного строительства других стран и исторический опыт своей страны! Здесь наглядно проявились интеллектуальная ограниченность и политическая безответственность Б. Ельцина и его соратников.

В результате мы получили не конституционную федерацию, а конституционно-договорную (хотя любой договор можно расторгнуть, создав, таким образом, прецедент). В России шесть (!) видов регионов (республики (государства), края, области, автономные области, автономные округа и города федерального значения), которые к тому же стали субъектами Федерации. И заявленное в конституции равноправие субъектов таким образом нарушается самой же конституцией, создавая напряженность в федеративных отношениях. Субъекты Федерации — очень разные по территории и количеству населения. Да и количество их (восемьдесят девять) противоречит всем принципам управляемости. Ко всему этому каждый регион, теперь уже в качестве субъекта, входит в состав Федерации, а не является ее частью. И насколько невероятным является развитие ситуации по принципу «входит и выходит»?

Ничем другим, кроме как скрытым сепаратизмом и политической конъюнктурностью, нельзя объяснить сохранение в структуре Федерации национальных государств. Аргумент о том, что там проживают коренные народы, стремящиеся сохранить свою самобытность, не выдерживает никакой критики. Для сохранения культурной самобытности достаточно применения принципа культурной автономии, которая не имеет никакого отношения к государственному управлению²⁶. Так было в Российской империи, так сейчас устроена Швейцария. И по-другому — как у нас — было в Югославии, Чехословакии и Советском Союзе. ²⁶ Подробнее об этом см. А. Захаров. Очерки современного федерализма. М., 2003.

История говорит нам, что если есть национальное государственное образование и есть границы, по которым оно может отделиться, значит, рано или поздно оно воспользуется этой возможностью. Тем более что прямого запрета на выход «субъектов» из Федерации в Конституции России нет, а если феде-

ральные власти и опротестуют такой возможный демарш «субъекта» Федерации, то в ход пойдет пресловутое право наций на самоопределение (вот где пригодится ленинское наследие — создание национальных республик), и конфликт, таким образом, сразу перейдет в разряд международных, что будет только «на руку» возможным сепаратистам. И уже невозможно будет доказать, что в этом «субъекте» проживают разные национальности, — время уйдет.

Положительными факторами можно назвать лишь сохранение принципа прямого избрания федерального руководства всеми гражданами для прямой реализации государственной власти да федерального суда.

Именно эти факторы позволили Президенту В. Путину начать проведение административной реформы с условием неизменности Конституции России. Конституционным Судом России было принято 27 июня 2000 года постановление о приведении регионального законодательства в соответствие с Конституцией России и федеральным законодательством. Местные конституции были очищены от упоминаний о собственном суверенитете, гражданстве и пр. Также было произведено укрепление федеральных органов власти.

Кроме того, был принят закон о назначении глав исполнительной власти в регионах, отменявший таким образом их избрание. Это, кстати, вызвало протест со стороны президентов республик, сразу обвинивших руководство России в нарушении принципов федерализма. Что не соответствует истине: назначение глав регионов происходит с одобрения местными парламентами и собраниями, которые выбираются населением, проживающим в этих республиках.

Однако проблема ущербности федерации в России еще далека от решения. Настоящей может быть только суверенная федерация. Именно такая федерация станет реальной демократической альтернативой империи и надежной защитой от сепаратизма местных руководителей, которые второе десятилетие не уходят со своих постов, дожидаясь подходящего момента стать «отцами нации». И рассчитывать на сотрудничество с ними бесперспективно. Главный враг федерализма — национализм.

Идеи так называемой суверенной демократии, равно как и предложения о назначении губернаторов или упразднении названия «президент республики» не могут противоречить принципу федерализма. Но они противоречат идее конфедератизма в самой откровенной и бескомпромиссной форме. А поэтому всегда будут вызывать критику сторонников дезинтеграции России, сторонников сохранения нынешнего вида федерации. А этого мы допускать не должны:

²⁷ А. Солженицын. Традиции Российской государственности и перспективы федерализма. — «Федерализм». 1996. № 3. С. 103.

«Развитие искусственной Федерации — это и есть прямой путь к скорому развалу России. Пока не поздно — нам надо увидеть уже прошедшие по телу России совсем не мелкие трещины...».²⁷

Почему в России мало хороших экономистов?

Нас не видят

Несколько лет назад известный российский экономист В. Федоров выпустил небольшую по объему и изданную малым тиражом книгу под интригующим названием «Почему в России нет великих экономистов?». Она, как у нас водится сейчас при обсуждении действительно острых и важных вопросов, прошла почти незамеченной. А жаль. В. Федоров затронул в ней очень важные вопросы. Он обратил, в частности, внимание на тот печальный факт, что российских экономистов совсем нет среди лауреатов Нобелевской премии по экономике, которая присуждается уже почти 40 лет. Единственный российский лауреат, Л. Канторович, удостоенный этой премии в конце 1960-х годов, был математиком.

Не убежден, конечно, что означенный показатель является наилучшим мериллом уровня экономической науки. Среди лауреатов по этой дисциплине, судя по описаниям их работ, нередко бывают всего лишь изобретательные авторы красивых, но бесполезных игрушек. Но есть и другие, более убедительные свидетельства глубокого отставания российской экономической науки. Российских авторов почти не сыскать в учебниках по истории экономической мысли. На них практически не ссылаются в иностранных экономических учебниках и научных статьях. В какой-то степени на низкую популярность российской экономической науки за границей влияет незнание русского языка. Но не помогает и перевод работ наших ученых на английский. Как-то, пытаясь получить гонорар за свои статьи в одном переводном журнале, я обратился в издательство, занимающееся переводом российской научной периодики. Там мне очень вежливо объяснили, что этот журнал покупают за границей в количестве... 39 экземпляров и расходы по его переводу значительно превышают выручку от последующей реализации.

Даже в зарубежных работах по экономической истории России часто преобладают ссылки на иностранных исследователей. Показательный и позорный

ХАНИН Григорий Исакович — профессор Сибирской академии государственной службы (Новосибирск), доктор экономических наук.

факт: расчеты по объему и динамике экономического развития России за три века до 1900 года принадлежат исключительно западным авторам. Но еще хуже другое: многие российские экономисты проявляют беспомощность и некомпетентность при решении острейших экономических проблем современной России. Это ярко проявляется в настоящее время при обсуждении перспектив экономического развития нашей страны. Не может не вызывать удивления тот факт, что при определении стратегии ее дальнейшего развития подавляющее большинство экономистов — буквально за единичными исключениями — опираются на официальные статистические данные, даже не пытаясь проверить их достоверность.

Они, например, не удосужились пересчитать динамику важнейшего фактора экономического развития — основных фондов. По официальным оценкам, те не сократились за постсоветский период, хотя, по тем же данным, капитальные вложения одновременно уменьшились в несколько раз. Но любой мало-мальски грамотный экономист понимает, что такого, как говорится, не может быть просто потому, что не может быть никогда (по моим примерным расчетам, основные фонды сократились за постсоветский период почти на 40 процентов больше, чем за годы Великой Отечественной войны). Столь же поразительной является недооценка (минимум в 5 раз) восстановительной стоимости основных фондов при определении рентабельности российской экономики. Немногим лучше обстоит дело с оценкой динамики валового внутреннего продукта и производительности труда, розничных цен. Не приходится удивляться поэтому, что ни официальная наука, ни государственные органы так и не смогли, например, вскрыть истинные причины экономического кризиса и высокие темпы инфляции в 2008 году.

Слабость современной российской экономической науки — давно ни для кого не секрет. Серьезную озабоченность недостаточной подготовленностью советских экономистов выражали еще симпатизировавшие «перестройке» иностранные государственные деятели, усматривавшие в этом большую опасность для ее судьбы. Бывший канцлер и министр финансов ФРГ Г. Шмидт в 1991 году заявлял советскому собеседнику: «Беда ваша в том, что у вас мало или почти нет серьезных экономистов»¹. Очень низкого мнения о советских экономистах придерживался и такой проницательный бизнесмен, как Дж. Сорос, встречавшийся со многими из них в 1988—1990 годах. Анализируя причины неудач перестройки, Сорос писал: «Один фактор — полное отсутствие элементарных экономических знаний — болезнь, которой страдает вся страна, вплоть до самых верхних эшелонов власти. Контраст с Китаем поразителен. Бывший генеральный секретарь Коммунистической партии

¹ *Цит. по: К. Н. Брутенц.* Несбывшееся. М., 2005. С. 79.

² *Дж. Сорос.* Советская система: к открытому обществу. М., 1991. С. 139.

Китая Чжао Цзыян был превосходным экономистом, и в его распоряжении был целый полк блестящих молодых умов. В Советском Союзе нет ничего подобного»².

Всегда ли российская экономическая наука была в таком состоянии?

Одну из причин отсутствия в России великих экономистов Федоров видит в низком уровне ее экономического развития по сравнению с другими странами. В этом несомненно есть очень большая доля правды. Высокий уровень экономического развития — в определенной степени не только результат деятельности экономистов, но и условие их плодотворной научной работы. Благодаря выделению на эти цели — как и на нужды культуры, искусства и образования — значительных финансовых ресурсов, он обеспечивает благодарный эмпирический материал и возможность проведения серьезных исследований. История мировой экономической мысли хорошо иллюстрирует эту взаимосвязь: центры экономической мысли непрерывно перемещались в страны со все более высоким уровнем экономического развития: из Италии и Испании в XV—XVI веках в Англию и Францию в XVII—XVIII веках, затем в Германию и наконец уже во второй половине XX века в США. Нетрудно заметить, что на этот процесс влияли и политические факторы: экономическая наука процветала в относительно демократических странах, где власть не препятствовала свободному обсуждению любых острых проблем, в том числе критике самой власти.

Неудивительно, что в бедной (еще в 1800 году Россия отставала от Западной Европы по душевому ВВП на 200 лет), культурно отсталой (по уровню грамотности в конце XVIII века отставание было еще большим) и авторитарной России условий для развития экономической науки долгое время не существовало. Вымученные попытки советской науки в эпоху борьбы с космополитизмом отыскать собственных великих экономистов XVIII — первой половины XIX века завершились фиаско. Расцвет российской экономической науки, как и других областей духовной жизни, пришелся на конец XIX — начало XX века. Получив прекрасное образование в российских и западных высших учебных заведениях и неограниченный доступ к научной литературе этих стран, российские экономисты и сами начали вносить оригинальный вклад в мировую экономическую науку.

Поскольку их работы редко переводились, а западные экономисты не знали русского языка, этот вклад долгое время не был должным образом оценен. С грустью читаешь опубликованную в 1954 году великолепную трехтомную «Историю экономической мысли» Й. Шумпетера, в которой среди сотен авторов почти нет имен русских ученых-экономистов. Только в 1950—1960-е годы на Западе открыли для себя труды А. Чаянова, М. Туган-Барановского, Н. Кондратьева, Е. Слуцкого, А. Богданова, некоторых других выдающихся русских экономистов того времени. И все же, если в качестве критерия развитости экономической науки принять исчисление национального дохода, то Россия продолжала отставать более чем на 200 лет.

Октябрьская революция и Гражданская война, разумеется, негативно отразились на состоянии экономической науки. Почти перестали выходить эконо-

номические журналы, печататься книги и защищаться диссертации по проблемам экономики. Тем не менее экономисты пострадали от потрясений в стране меньше, чем ученые других специальностей. Видимо, их профессиональные знания были востребованы в большей степени, причем и белыми, и красными. В этот период взошла звезда А. Чаянова с его блестящим исследованием методов бесстоимостной оценки продукции и затрат; Бруцкуса с его критикой социалистической экономики, опередившей труды Ф. Хайека и Л. Мизеса; и С. Струмилина, опубликовавшего несколько выдающихся конкретно-экономических, статистических и теоретических работ. Еще в 1918 году рядом экономистов выдвигались очень талантливые проекты денежных реформ. При этом все перечисленные авторы творили невзирая на огромные личные материальные трудности.

Весьма неоднозначным оказался для экономической науки период нэпа. С одной стороны, она серьезно пострадала от уже начавшегося идеологического зажима в некоторых политэкономических вопросах. Такая критика социалистической экономики и марксистской экономической науки, предпринятая Бруцкусом, легальной быть уже не могла. Были высланы за границу некоторые крупные русские экономисты, в том числе и сам Бруцкус. Но и здесь потери оказались значительно меньшими, чем в других общественных науках. С другой стороны, именно в этот период профессиональные знания экономистов — преимущественно дореволюционного воспитания и образования — были особенно востребованы и на государственной службе, и в научной работе. В сущности, все экономические ведомства опирались на их профессиональные знания и опыт; именно они формировали экономическую политику. Ими же создавались выдающиеся научные труды.

Лучшие произведения Н. Кондратьева, Л. Юровского, А. Чаянова, А. Вайнштейна были опубликованы как раз в тот период. Стали выходить в свет очень содержательные и квалифицированные экономические журналы. Достаточно успешно начинали и продолжали свою деятельность ряд марксистских экономистов. Назову прежде всего Е. Преображенского с его теорией социалистического накопления, надолго определившей экономическую политику СССР и многих развивающихся стран. Выдающиеся работы выходили из-под пера С. Струмилина, Е. Варги, И. Трахтенберга. Уже в самом конце 1920-х годов вышла пионерская работа Г. Фельдмана по моделям экономического роста, на многие годы опередившая западные работы в этой области. Весьма квалифицированными и передовыми для своего времени были первые проекты пятилетнего плана и годовые контрольные цифры, составленные под руководством еще одного выдающегося экономиста — В. Громана.

Думаю, в тот период наша экономическая наука в целом находилась на мировом уровне и вносила достойный вклад в мировую экономическую науку. Не менее важно, что в вузах экономику преподавали преимущественно те же высококвалифицированные и яркие экономисты, и это позволяло надеяться на формирование достойной научной смены.

«Заморозки» и «оттепели» сталинского периода

Черной страницей для советской экономической науки явились 1930—1940-е годы. Нет необходимости подробно описывать колоссальные гонения, которым подверглись тогда экономисты дореволюционной школы, — об этом очень много и подробно рассказано в экономической и исторической литературе. При этом самым трагичным было даже не уничтожение или тюремное заключение многих выдающихся экономистов, а созданная в те годы атмосфера отвращения к научному творчеству, осуждение и преследование всякого самостоятельного теоретического мышления. Последняя содержательная теоретическая дискуссия проходила в 1930 году по вопросу о судьбе денег в командной экономике. Экономисты вынуждены были покорно повторять все (притом часто пересматривавшиеся) высказывания Сталина и абсурдные данные макроэкономической статистики о «величайших достижениях социализма». После изгнания старых профессоров крайне деградировала вся система подготовки научных работников.

Но и в тот период полностью убить экономическую науку не удалось. 1930—1940-е годы характеризовались для экономической науки периодом чередования репрессий и краткосрочных «оттепелей». Последних было четыре: они пришлись на 1933—1936, 1939—1940, 1945—1947 и 1951—1952 годы. Это чередование можно объяснить следующим образом. На протяжении всех 1930—1940-х годов руководство страны ощущало непрочность советского строя и страх перед возможностью его краха в результате действий враждебных внутренних и внешних сил. Этот страх и толкал правящую верхушку на безумные на первый взгляд репрессии, в том числе и против выдающихся представителей экономической науки. В период стабилизации экономической и политической ситуации руководство сталкивалось со слабостями этой науки и временно ослабляло пресс репрессий. Этим и пользовались пережившие репрессии талантливые экономисты для обнародования результатов своих исследований.

В период второй «оттепели» вышло в свет немало интереснейших и высококвалифицированных работ и учебников по советской и мировой экономике. Они говорят об огромной эрудиции, трудолюбии и добросовестности ряда наших экономистов. В качестве примера можно назвать работы А. Ротштейна по промышленной статистике, Е. Варги по экономике капиталистических стран и экономическим кризисам, уникальные по богатству фактического материала произведения И. Трахтенберга и Л. Мендельсона по денежным и экономическим кризисам, учебник Э. Брегея по кредитной системе капитализма, учебник П. Лященко по истории советского народного хозяйства, Ш. Турецкого по ценообразованию в СССР, В. Райхера по теории и истории страхового дела, ряд других. В 1939 году небольшими тиражами были изданы неортодоксальные произведения Л. Канторовича и В. Новожилова.

Восхищение вызывает научная деятельность в тот период академика С. Струмилина. Не имея возможности правдиво писать о современной советской экономике, он издал ряд выдающихся работ по истории дореволюционной экономики России. Нетрудно заметить, что эти произведения создавались в сфере прикладных и историко-экономических, а не политэкономических исследований. Се-

³ См.: Г. И. Ханин. Экономическая история СССР в новейшее время. Т. 1. Новосибирск, 2008. С. 17–18.

рьезным вкладом в мировую экономическую науку явились выработанные в СССР методы планирования и управления. Экономические ведомства в конце 1930-х годов создавали научные советы из старых, «буржуазных» ученых³ — это свидетельствовало о том, что власти ценили их тогда намного больше, чем новоиспеченных специалистов.

Вторая «оттепель» завершилась арестом и последующим расстрелом ведущего научного сотрудника Института экономики АН СССР М. Кубанина за публикацию правдивой статьи, сравнивавшей производительность труда в сельском хозяйстве СССР и США. За аналогичную статью по промышленности в том же сборнике был арестован и осужден С. Хейнман. В то же время успешная научная деятельность этих и некоторых других выдающихся советских экономистов в тот период была скорее исключением. Показательно, что академик П. Маслов, характеризуя работу единственного тогда специализированного академического центра — Института экономики, говорил в беседе с академи-

⁴ В. И. Вернадский. Коренные изменения неизбежны. — «Новый мир». 1995. № 5. С. 201.

ком В. Вернадским: «Работа Института — “коммунистическая”: дорого стоит и плохого качества. Много сотрудников, которые ничего не делают»⁴.

В третью «оттепель» (1946–1947) увидело свет несколько квалифицированных и правдивых трудов о выдающихся достижениях военной экономики США и серьезных изменениях во время войны в экономике капиталистического мира в целом, а также по истории мировой экономической мысли. За эти книги и в рамках борьбы с космополитизмом был расформирован очень сильный

⁵ Подробнее об этом см.: Г. Костырченко. В плену у красного фараона. М., 1994. С. 254–257.

научный коллектив Института мирового хозяйства, многие годы возглавлявшийся Е. Варгой, а авторы крамольных работ, включая и самого Варгу, подвергнуты унижительной критике⁵.

Последний раз в сталинский период оживление в экономической науке произошло в начале 1950-х годов в связи с экономической дискуссией по учебнику политической экономии. В ходе нее впервые с конца 1920-х годов относительно свободно высказывались самые разные мнения (разумеется, в социалистических рамках) по проблемам политэкономии социализма. Однако затем один из инициаторов дискуссии, Л. Ярошенко, был арестован при весьма неясных обстоятельствах. Все это свидетельствует о многом: преследуя экономическую науку, Сталин ценил прикладную ее часть и многих крупных ученых-экономистов. Как говорили еще в начале 1970-х годов, при Сталине талантливый человек на 70 процентов имел шанс попасть в тюрьму, а на 30 процентов — быть высоко оцененным.

Таким образом, можно сказать, что наряду с преобладающей унификацией и догматизацией в области большой экономической теории (политической экономии) в сталинский период поощрялось развитие экономической науки в области конкретной экономики и экономической истории. Это диктовалось не только прагматическими потребностями развития советской экономики и советской внешней политики, но и традициями марксистской экономической мысли. Со студенческой скамьи внушалось, что в «науке нет широкой столбовой дороги, и только тот достигнет ее сияющих вершин, кто, не страшась усталости, карабкается по ее каменистым тропам»⁶. Как произведения самого Маркса, так и книга Ленина «Развитие капитализма в России», служившие молодым советским ученым образцами научного творчества, являлись результатом многолетнего кропотливого и добросовестного труда.

⁶ К. Маркс. Капитал. Т. 1. М., 1988. С. 25.

В целом, однако, огромная работа по созданию совершенно новой и оказавшейся жизнеспособной системы командной экономики была очень слабо проанализирована и обобщена советской наукой. Практика оказалась намного более эффективной, чем поставленная в тяжелейшие условия и подвергавшаяся репрессиям наука. Не было даже издано ни одной книги по теории и методологии народнохозяйственного планирования. Первый такой труд появился уже после смерти Сталина в 1954 году.

Послесталинская «оттепель»

После смерти Сталина и вплоть до конца 1960-х годов советская экономическая наука переживала расцвет, который, однако, таил и начало ее нового упадка. Расцвету способствовали три обстоятельства: смягчение идеологического пресса, значительное расширение доступа к ранее закрытым статистическим данным и освобождение из лагерей ряда советских экономистов. Ввиду очевидности первых двух факторов остановлюсь на третьем.

Поражает творческая активность таких вышедших на свободу, еще относительно не старых и не утративших в заключении ни знаний, ни интереса к исследовательской деятельности крупных экономистов, как Л. Вайнштейн, Я. Кваша, С. Хейнман, С. Далин. За короткий (5–7 лет) срок после освобождения они опубликовали ряд глубоких работ по народнохозяйственному учету и статистике (Вайнштейн), методам измерения основных фондов (Кваша), анализу эффективности советской экономики (Хейнман), экономике капиталистических стран (Далин). В том же ряду назову подвергнутого острейшей критике в 1949 году Л. Мендельсона, опубликовавшего в конце 1950-х — начале 1960-х годов расширенное издание труда по истории мировых экономических кризисов. Пользуясь ослаблением идеологического пресса, советские экономисты провели весьма острые и содержательные дискуссии по многим политико-экономическим проблемам советской системы (прежде всего о судьбе денег и товарно-денежных отношений при социализме). Оживленные дискуссии

разгорелись вокруг теоретических выводов из вышедших в конце 1950-х годов книг Л. Канторовича и В. Новожилова. Сотрудники воссозданного в 1957 году Института мировой экономики и международных отношений АН СССР выпустили в свет очень содержательные труды, анализировавшие проблемы мировой капиталистической экономики.

Благодаря многочисленным переводам работ зарубежных авторов и начавшимся международным научным контактам советские ученые вновь получили возможность знакомиться с трудами западных экономистов и заимствовать из них немало полезного. При этом беру на себя смелость утверждать, что труды Вайнштейна, Хейнмана, Кваши, Мендельсона тогда не только не уступали, но в чем-то даже превосходили по качеству работы западных экономистов. К сожалению, на Западе эти труды читали в основном лишь советологи.

Факторы дальнейшего загнивания

Каковы же были факторы, способствовавшие новому упадку экономической науки?

Во-первых, увеличилась численность научных работников, усилились бюрократизация и мегаломания. В XIX — начале XX века ученых-экономистов в России насчитывалось от силы несколько десятков. Всех их легко можно было собрать в конференц-зале нынешнего Института экономики РАН. Это были люди с прекрасным домашним и школьным образованием, обучавшиеся в лучших российских и зарубежных университетах и свободно владевшие несколькими европейскими языками.

Возросшая потребность страны в квалифицированных кадрах, расширение масштабов экономики, колоссальное усиление в ней роли государства — все это повлекло за собой увеличение численности научных работников, в том числе и экономистов. Сложнейшая для любой страны задача — при увеличении количества не потерять качества подготовки научно-экономических кадров — в СССР чрезвычайно осложнялась существовавшим до середины 1930-х годов социальным отбором, требованиями идеологической лояльности, утратой многих лучших ученых и преподавателей в результате массовых репрессий и эмиграции.

Коренные изменения в 1930—1950-е годы претерпели организация и оценка научного труда. На смену неторопливой индивидуальной исследовательской деятельности профессоров и магистров пришла работа многочисленных отраслевых и нескольких крупных академических и госплановских институтов, перед которыми ставились конкретные планы научных исследований. В то же время преподаватели вузов оказались лишенными возможности заниматься полноценной научной деятельностью вследствие огромной учебной нагрузки.

К началу 1960-х годов число ученых-экономистов выросло в десятки раз. Но они чаще всего заканчивали весьма посредственные школы, учились преимущественно у посредственных профессоров, за рубеж не выезжали, оригиналь-

ные идеи высказывать опасались, поскольку за это можно было подвергнуться серьезному наказанию. Вот почему удивляться приходится не сокращению числа выдающихся научных работников-экономистов, а тому, что они все-таки находились, причем не только среди старшего поколения.

При формировании крупных научных коллективов в области общественных наук советское руководство механически перенесло на организацию их работы опыт, оправдавший себя в сфере естественных наук и техники. Но в общественных науках, в том числе и экономических, характер научного труда имеет принципиальные отличия и не требует создания крупных научных коллективов. В свою очередь крупные по числу сотрудников организации нуждаются в создании многочисленной бюрократической надстройки, а это всегда очень удобно для квазинаучной деятельности.

Итогом мегаломании стало образование ядра, как правило, из 3–4 ведущих и наиболее авторитетных специалистов и 10–15 специалистов средней квалификации в многочисленных экономических институтах и экономических отделах отраслевых и проектных институтов. Все остальное представляло собой огромное «болото» лиц, всего лишь отбывавших службу, но нередко становившихся весьма агрессивными по отношению к самым сильным научным сотрудникам при изменении политической конъюнктуры. В лучших научных центрах (например, в Институте мировой экономики и международных отношений АН СССР) доля высококвалифицированных экономистов была намного выше. Судьба экономической науки зависела в конечном счете от увеличения или уменьшения роли и авторитета ведущих специалистов. При этом высокая квалификация чаще всего означала высокую эрудицию и осведомленность в предмете исследования, а отнюдь не желание и способность к созданию новых теоретических конструкций, поскольку это было делом более трудным и небезопасным.

Во-вторых, в связи с резким повышением роли Академии наук СССР и созданием крупных по численности научных институтов возникла острая проблема подбора руководителей этих коллективов. Сложность состояла в следующем: крупные ученые — как правило, плохие администраторы и не стремятся к административной деятельности, отвлекающей их от научной работы. К тому же, с точки зрения власти, они, естественно, имеют собственное мнение и потому плохо управляемы. Назначение же директорами институтов простых администраторов создавало обстановку двоевластия административного и научного руководителей. Власть, таким образом, попадала в ловушку созданной ею самой порочной системы.

В результате ею было выбрано наихудшее решение: управляемых администраторов она стала наделять званиями выдающихся ученых. В этих целях была прежде всего изменена система руководства наукой. Академия наук СССР была превращена в «управляемый» орган, в центр советской науки*. Парал-

* Подробнее об этом см.: В. Д. Есаков. Советская наука в годы первой пятилетки. М., 1971. С. 177–192; Ф. Ф. Перченко. Академия наук на великом переломе. — «Звенья». Т. 1. М., 1991. С. 163–238; Н. Тасиц. Государственная политика СССР в сфере науки. 1929–1941. — «Свободная мысль». 2008. № 1.

лельно оформилась и роль академиков в управлении научными коллективами в системе АН СССР. Была создана система научной номенклатуры — наподобие номенклатуры в других сферах общественной жизни СССР. Если у какого-то ученого не имелось крупных научных заслуг, но при этом он был управляем и располагал поддержкой в руководстве Академии наук и в отделе науки ЦК компартии, то сначала создавался институт под его руководством, а затем его самого «протаскивали» в члены-корреспонденты и академики.

Что касается тогдашнего положения в экономической науке, то на ее долю вдобавок выпали еще и все специфические трудности, порождаемые особым контролем тоталитарного режима над общественными дисциплинами. Причем среди них экономическая наука как более востребованная властью, возможно, даже находилась в относительно привилегированном положении по сравнению, скажем, с философией.

Губительное соскальзывание к профанации звания академика и его места в руководстве наукой стало происходить еще при жизни Сталина. Началось оно с областей науки, в сталинские времена считавшихся третьестепенными. Например, в философии уже в конце 1930-х годов академиками назначались люди, в сущности являвшиеся пропагандистами. Важен был сам принцип: академиком может стать каждый, кого пожелает партия. Однако в естественных науках и даже в экономике решающее значение еще сохраняли компетентность, научные заслуги. Нередко при выборах (подборе) жертвовали политической лояльностью в пользу компетентности. Так, даже среди экономистов подавляющее большинство академиков составляли бывшие меньшевики и буржуазные специалисты (Маслов, Струмилин, Трахтенберг). А среди академиков-историков фигурировали даже бывшие арестанты начала 1930-х годов. Членов партии среди академиков еще в начале 1940-х годов насчитывались единицы. Академики — руководители небольших по размеру научных учреждений (опять-таки за исключением философии) еще были крупными учеными, хотя и не обязательно лучшими. Таким образом, в области кадровой политики Академия наук существенно отличалась от других советских общественных институтов.

Создание сословия академкратов* имело разрушительные последствия. Главное из них — моральная дискредитация научной деятельности в СССР. Оценка людей по их научным заслугам была цинично подменена степенью их приближенности к начальству и управляемости. Если такое стало допустимым по отношению к званию академика, то тем более это оказалось возможным применительно к менее престижным званиям и степеням (члена-корреспондента, доктора наук, профессора). Академики — директора научных институтов становились маленькими царьками, вокруг которых формировался двор приближенных, подхалимов с присущими всем монархическим дворам интригами и подсиживаниями. От этого окружения очень многое зависело в судьбе ученого:

* Это понятие, аналогичное «партократам», в начале 1990-х годов ввел в обращение журналист А. Салуцкий (см. А. Салуцкий. Кочующая номенклатура (цекисты и академкраты). — «Наш современник». 1991. № 8).

продвижение по службе, допуск к защите диссертации, публикации, командировки, обеспечение жилплощадью и т. д. Научный сотрудник, по сути, становился крепостным.

Эти негативные системные последствия деградации могли умеряться личными качествами директоров институтов. Многие из них, к счастью, оказались вполне приличными, цивилизованными людьми и нередко создавали благоприятные условия для научной работы не слишком самостоятельным, но способным научным сотрудникам. При всей слабости академической экономической науки она, однако, была в тот период намного выше вузовской и отраслевой, где указанных недостатков было еще больше, а требования к качеству научных исследований — намного ниже.

В-третьих, загниванию способствовала оторванность от мировой науки. В сталинский период предпринимались максимальные усилия по ограничению влияния на советских ученых мировой экономической науки. Научные командировки и участие в международных научных конференциях исключались. Современная экономическая наука Запада объявлялась «служанкой буржуазии», а потому и учиться у нее было нечему. Западная экономическая литература, правда, поступала в две-три крупнейшие библиотеки, но изучалась ограниченным числом авторов — преимущественно для освещения конкретной ситуации в экономике капиталистических стран или для «разоблачения» буржуазных экономических теорий. Основная часть научных работников не была с ней знакома либо из-за незнания иностранных языков, либо из страха навлечь на себя подозрения и преследования за чрезмерное любопытство. Переводились же в основном лишь произведения «прогрессивных» экономистов.

В послесталинский период положение принципиально не изменилось. Возобновилось участие советских ученых в международных конференциях, но только в самых крупных и с участием ограниченного числа «проверенных» экономистов и начальства. Возросло число диссертаций с «разоблачениями» разного рода «зловредных» западных теорий, что, кстати сказать, позволило любознательным экономистам узнавать об их существовании. Шире стали переводиться работы западных экономистов, в том числе и немарксистских. Активно переводились труды по конкретно-экономической проблематике, особенно по теории и практике управления, экономико-математическим методам. Они оказали, пожалуй, наибольшее влияние на прикладные экономические исследования, правда, далеко не всегда положительное из-за не критического подхода к ним многих советских экономистов.

Поступали в СССР и западные работы о советской экономике, опять-таки лишь в самые крупные библиотеки. Но изучались они в основном для «разоблачения клеветы» на советскую экономику. Это свидетельствовало прежде всего о безразличии многих советских экономистов к поиску истины и во многом объяснялось незнанием иностранных языков. Только единицы из них использовали зарубежную литературу в своих исследованиях советской экономики. Практически полная изолированность советской экономической науки, свой-

ственный ей провинциализм делали невозможным сравнение ее результативности с мировой наукой. Отсутствие возможности (да и потребности) сравнения с мировым уровнем создавали комфортные условия для посредственных ученых и бесплодных научных коллективов.

В-четвертых, пагубным образом сказалось усиливавшееся с конца 1950-х годов влияние на советскую экономическую науку экономико-математического направления. Обращение к нему во многом было связано с новаторскими работами В. Новожилова и Л. Канторовича, большей свободой в экономических исследованиях, разработкой в 1940—1950-е годы новых экономико-математических методов, открывших, казалось, благоприятные перспективы управления экономикой (линейное программирование, межотраслевой баланс). Давал о себе знать и широко распространенный в СССР пиетет перед математикой и быстро развивавшейся тогда вычислительной техникой.

С другой стороны, многими экономистами и хозяйственниками все больше осознавалась примитивность существовавших методов планирования и управления, их неадекватность усложнившейся экономике. А добросовестными учеными-экономистами — недостаточность и неубедительность многих положений традиционной политической экономии. Таким образом, появление новой научной парадигмы упало на подготовленную общественную и научную почву. И, как это часто бывает, недостатки той парадигмы не замечались или объяснялись ее молодостью, а потому — слабой разработанностью.

Уже первые 10—15 лет использования экономико-математических методов в СССР показали, что их возможности были непомерно преувеличенными. А самое главное — заложенные в основу многих из них положения носили умо-

зрительный характер. Экономико-математические модели настолько упрощали действительность, что их использование за редкими исключениями было лишено практического значения⁷.

⁷ Подробнее об этом см.: И. Бирман. Я — экономист. М., 2001. Гл. 7.

Тем не менее экономико-математическое направление в СССР приобрело уже научно-организационную инерцию и интеллектуальную респектабельность. Его лидеры были удостоены Ленинской премии, а один из них — даже Нобелевской премии по экономике. Были созданы академический Экономико-математический институт и множество отделов в отраслевых институтах, кафедры в вузах; по этой тематике защищены сотни, если не тысячи, диссертаций. Постепенно научные работники этого направления стали преобладать среди академиков и членов-корреспондентов АН СССР. Необъятные служебные возможности для этих научных работников и математиков открывала развернувшаяся в начале 1970-х годов «асунизация», то есть создание автоматизированных систем управления.

Наибольший вред использования экономико-математических методов был нанесен тем, что стало возможным считаться экономистом, почти ничего не понимая в экономике и реальной экономической жизни. Экономике заслонили формулы. Пожалуй, одним из немногих положительных результатов увлече-

ния этими методами явилось приобщение советских экономистов к мировой экономической науке, пусть и не очень плодотворное. По иронии судьбы представители этого направления сыграли решающую роль в определении экономической политики в период «перестройки»: именно они заняли к этому времени ведущие административные позиции в академической экономической науке.

В-пятых, происходила деградация высшего экономического образования. Она порождалась как общими для развития экономической науки причинами (идейной нетерпимостью и борьбой с инакомыслием, изоляцией от мировой науки, отрицательным отбором), так и специфическими особенностями развития советского высшего образования вообще и экономического в особенности.

К этим особенностям относится в первую очередь его оторванность от систематических научных исследований. Преподаватели занимались ими главным образом для защиты кандидатских и докторских диссертаций. Огромная учебная нагрузка не позволяла им в последующем продолжать масштабную исследовательскую деятельность, а гарантированность оплаты труда после присвоения научных званий и степеней делала такую деятельность излишней. Немногие увлеченные научными изысканиями преподаватели искали в послевоенный период возможность уйти в научно-исследовательские институты, где можно было к тому же менее напряженно трудиться. Быстро растущие сеть высших учебных заведений и число студентов в них в 1950—1960-е годы обусловили потребность в большом количестве остепененных преподавателей. По необходимости требования к качеству их научных работ снижались. Нет нужды доказывать, что посредственные преподаватели готовят и посредственных студентов.

К указанным и без того достаточно весомым причинам деградации советского экономического образования добавлю еще две: его общественная непрестижность, вызванная низким социальным статусом экономистов в СССР, и гонения на наиболее независимых преподавателей вузов в конце 1960-х — 1980-х годах. Одни из них вынуждены были эмигрировать, другие находили место в отраслевых научных институтах, на курсах повышения квалификации или на производстве. В итоге выпускники экономических вузов 1970—1980-х годов часто оказывались малообразованными и низкоквалифицированными.

Наиболее амбициозные и чуткие к общественным запросам выпускники советских экономических вузов (например, Е. Гайдар и А. Чубайс), сознавая слабость полученного образования, уже в первой половине 1980-х годов создавали нелегальные, по сути, кружки для повышения квалификации⁸. Однако без руководства более опытными преподавателями они и там могли получить лишь весьма поверхностные знания.

В-шестых, исчезали экономические школы. Известно, что наука, как правило, функционирует именно в рамках научных школ, руководимых выдаю-

⁸ См.: Е. Гайдар. Дни поражений и побед. М., 1996. С. 43; А. Колесников. Неизвестный Чубайс. М., 2003, С. 24—26.

щились учеными. Они вырабатывают оригинальные методы исследования и группируют вокруг себя учеников, которые продолжают традиции этих школ после ухода из жизни их основателей. Понятно, существование таких школ в период сталинизма в экономической науке было невозможным. Тогда был известен лишь один корифей в гуманитарных науках — Сталин. В послесталинские годы постепенно, очень робко и медленно стали возникать школы, точнее сказать — «школки» (в силу их ничтожных размеров), в том числе и в экономической науке. Обычно они складывались в экономических научно-исследовательских институтах вокруг ярких ученых, обычно возглавлявших отделы или лаборатории (сектора). В 1970—1980-е годы они стали исчезать. Часто причиной была кончина их основателей (Я. Кваши, А. Ноткина, С. Хеймана, В. Глушкова и Н. Цаголова). Их ученики оказывались не способными наследовать своим учителям. Нередко эти неформальные группы разгоняли, как это было со школой Я. Кронрода.

Смерть научных школ свидетельствовала о слабости всего советского научного сообщества. Ведь на чем держатся западные научные школы? Прежде всего, на высоком научном авторитете их основателей. Во-вторых, на преданности науке его учеников. Оказалось, что в СССР оба эти фактора отсутствовали. Вместо научных заслуг оценивался научный статус, вместо преданности науке — служебное положение.

Наконец, *в-седьмых*, на деградации экономической науки сказывалось растущее бескультурье. Количественный рост научных работников-экономистов сопровождался их качественным ухудшением. Это стало очевидным уже в середине 1950-х годов. Между интеллектуальным и нравственным обликами старых профессоров и молодыми преподавателями образовалась почти пропасть. Старые владели несколькими языками, прекрасно знали историю экономической мысли и экономическую историю, говорили на правильном и красивом русском языке. В разговоре с ними виден был их высокий общекультурный уровень: знание и понимание литературы и искусства, любовь и уважение к ним. У молодых все эти качества были на порядок ниже. Впоследствии деградация культурного уровня, за немногими исключениями, только усиливалась. Знание иностранных языков все более становилось редкостью, познания в экономической теории — поверхностными, общекультурный уровень — примитивным.

(Окончание следует)

Множественная идентичность в условиях глобализации

Когда мы рассматриваем современную ситуацию в культуре, которая во многом развивается под воздействием новых электронных средств коммуникации, видим, что наше представление о ней перестает соответствовать новой ситуации. Традиционно культура представляется в форме своеобразной пирамиды, на вершине которой располагаются (в идеале) Господь Бог; далее — священники, пишущие священные тексты; далее — группа университетских профессоров, которые их интерпретируют и передают следующим поколениям; и так до основания пирамиды с наименее культурной частью аудитории. За пределами пирамиды находится наибольшая часть населения Земли и с этой точки зрения «культурной» не является.

Универсальной точкой отсчета для парадигмы, где культура может существовать только в единственном числе, является Господь Бог, но в XVIII—XIX веках под воздействием идей Просвещения такой точкой отсчета стали нация и государство, национальная культура. И вот сейчас очень много говорят об основаниях российской национальной культуры, необходимости национальной идеи, то есть каким-то образом желая объединить регион, который пока еще находится в сфере политического влияния Москвы. Еще одна точка отсчета для этой вертикали культуры — объединить сословие жрецов с таковым университетских профессоров. В результате в XIX веке в России появляется формулировка «читающая и пишущая публика»: как правило, публика, которая пишет, и публика, которая читает, — это одни и те же люди.

Вспомним, что в середине XIX века грамотных на земном шаре было около 5 процентов, из них длинный роман мог прочесть, возможно, всего один процент, и этот процент находился как у вершины, так и у основания этой пирамиды. Кроме того, среди читающей и пишущей публики были люди, и считавшиеся гениями, и значительно менее весомые в культуре. Но продолжало существовать то вертикальное представление о культуре, когда она — единственная, потому и наша, а те, кто не разделял наших ценностей, идей и убеждений, считались людьми некультурными, туземцами, аборигенами, которых требовалось подвергать порой насильственной христианизации, порой наоборот — насильственному обращению в новую, светскую религию.

РАЗЛОГОВ Кирилл Эмильевич — директор Российского института культурологии, профессор, доктор искусствоведения.

Современная ситуация в культуре в этом плане радикально изменилась. На смену вертикальным представлениям о культуре в реальной жизни (я не говорю об университетских профессорах) пришло представление о культуре как сфере, своеобразном шаре, который представляется то плавильным котлом, то неким бурлящим, безумным морем; и в этой сфере господствует новая точка отсчета, связанная не с читающей и пишущей публикой, а с ее антиподом — публикой, делающей телевизионные шоу и смотрящей телевидение. В основном эта публика воспитана на новом типе культуры, в частности электронной, ибо телевидение помимо Интернета есть одна из главных платформ электронной культуры, которая руководствуется совершенно иными принципами, нежели классическая. Об этом я уже говорил неоднократно. Мы ничего не поймем в электронной культуре, если не выясним, каким образом структурировано это новое культурное пространство.

Когда мы сегодня говорим «субкультура», то определяем это явление не по отношению к национальной культуре и даже не к культуре просвещенной части человечества: мы определяем ее по отношению к культуре массовой, в идеале стремящейся к глобализации. Электроника здесь играет решающую роль. Электроника — это современная фаза того, что Вальтер Беньямин в свое время называл технической воспроизводимостью произведения искусства, лишаящей его ауры неповторимости, превращающей в потребительский товар, тем самым изменив ситуацию уже с момента изобретения кинематографа и фотографии. Электроника также влияет на глобальное распространение процессов творчества. Сегодня с помощью самой простой электроники, широко распространенной (хотя мы не будем преувеличивать ее общее распространение), любой может приобщиться к творчеству, в то время как даже в сфере экранной культуры ранее поставить фильм, проявить пленку и сделать так, чтобы его можно было показывать, считалось уделом немногих, обладавших средствами производства этого типа произведений.

В этом смысле электроника облегчает процессы творчества — даже по сравнению с письменным словом. Если ранее надо было не только пользоваться естественным языком, но еще это записывать — то есть быть грамотным (минимум уметь читать и писать, что далеко не сразу, только в XX веке, стало не всеобщим, но достаточно широко распространенным состоянием человечества), то сегодня, как вы знаете, еще большему числу людей неграмотных благодаря владельцам электронных средств коммуникации, а также разного рода программам — редакторам текстов, распространенным в электронной технологии, совсем не нужно быть грамотным, так как есть редактор текстов, который скажет тебе, что ты неправильно написал. Точно так же сегодня человек может и не уметь считать, поскольку есть счетные машинки, считающие вместо него. Это не есть критика современного человека — это та реальная ситуация, в которой находимся все мы и еще в большей степени наши дети.

Глобальное распространение процессов творчества, естественно, привело к возрождению эпистолярного жанра, который сегодня развивается в двух

основных видах: первый — это электронная почта, второй — SMS-сообщения, которые, естественно, пишутся не так, как писались письма в эпоху Жорж Санд. Стремительное распространение электронной телефонии привело к тому, что уж по крайней мере общение с помощью электронных SMS-сообщений становится почти всеобщим достоянием. Наряду с телевидением мобильная телефония превращается в некую глобальную систему общения, в которой место традиционных типов телефонии и телеграфа, привязывающих человека к конкретному месту, откуда можно связаться со своим корреспондентом, занял мобильный телефон, позволяющий звонить человеку, находящемуся в любом месте, — и это в корне меняет сам процесс коммуникации, уменьшает количество промежуточных звеньев, через которые ты должен проходить. Наиболее же очевидно электроника способствовала глобальному распространению продуктов творчества по самым разным каналам, начиная от того самого телевидения, но продолжая уже в сети Интернета, которая все больше и больше охватывает продукты творчества в самых разных видах как традиционных, так и новейших экранных искусств — вплоть до виртуальной реальности.

Поэтому трудно переоценить роль теле- и радиовещания в глобализации культуры, того, что есть общение и мелодии, есть тексты и сюжеты, которые становятся глобальным достоянием благодаря этому, которые везде существуют и охватывают в тех или иных вариантах все население земного шара, а также составляют общий язык, общий словарь, с помощью которого люди могут общаться независимо от их местонахождения и даже языка, на котором они говорят. Помимо глобализации культуры в западной социологии и стилистике появился своеобразный термин «глокализация», представляющий собой синтез или симбиоз, с одной стороны, глобальности, с другой — локальности. «Глокальность», если ее рассматривать с позитивной точки зрения, породила англоязычный лозунг «Мыслить глобально — действовать локально», который, как многое из того, что сегодня существует в такой политизированной культурологии, создает иллюзию бесконфликтности там, где, наоборот, конфликт разрастается до невиданных масштабов.

Поэтому в этой сфере, опять-таки под воздействием электронной культуры, радикально меняется соотношение между центром современного культурного развития и глобальной массовой культуры и ее периферией, то есть между всеми типами субкультур. Если традиционный взгляд на вещи, до сих пор бытующие в документах ЮНЕСКО, продолжает сохранять представление, будто точкой отсчета является национальная культура, по отношению к которой культуры меньшинств, проживающих в данном государстве, и есть субкультуры, и эти меньшинства в основном трактуются как меньшинства этнические, то реально границы меньшинства или культурного сообщества стерлись, потому что меньшинство и большинство на самом деле в равной мере являются субкультурами по отношению к глобальной массовой культуре, и ни одно сообщество не глобально, кроме самой глобальной массовой культуры, которая охватывает все население земного шара и является планетарной по определению.

Национальная культура становится субкультурой по отношению к глобальной культуре, то есть мало отличается от этнических или языковых субкультур — одних из источников современных социально-политических конфликтов. У меня было несколько любопытных столкновений с представителями бывших сограждан, в частности из Прибалтики: когда я, развивая идею о различных субкультурных общностях, использовал термин «русскоязычная субкультура», на меня налетали с обвинениями, будто я все политизирую, тяну одеяло на себя. Приходилось объяснять, что на самом деле этническая, национальная, языковая культуры — это три разных типа сообщества. Есть сообщества людей, говорящих по-русски, распространенных по всему земному шару. Есть сообщества этнических русских, тоже проживающих не только, хотя и преимущественно, в России. Есть гражданское сообщество граждан РФ, которое определяется гражданством. Есть территориальное сообщество людей, проживающих на территории России, где далеко не все — граждане России либо не все обязательно говорят по-русски и далеко не для всех русский язык является основным.

Поэтому вслед за языковыми культурными общностями (естественно, язык налагает отпечаток на культурное творчество, культурную идентичность и культурное самоопределение) существуют территориальные культурные общности, и здесь возникает то самое определение локальности. А территориальные культурные общности могут быть самыми разными. Есть территориальные культурные общности по регионам в понимании документов ЮНЕСКО, где выделяются большие регионы (скажем, Ближний Восток, Восточная Азия, Европа, Африка и т. д.: там есть свои общие черты), и есть общности религиозные, объединяющиеся по принципу вероисповедания (мусульманское, христианское сообщества). Внутри религиозных общностей тоже есть деление: на протестантов, католиков, православных, представителей огромного количества разного рода христианских сект — одним словом, религиозные общности тоже не являются гомогенными.

Если же исходить из территориального признака, то оказывается, что есть нации и государства со своей территорией, есть регионы внутри этих наций и государств, которые на глазах меняются по самым разным причинам — становятся то больше, то меньше, их складывают так и эдак, избирают, не избирают и т. д., при этом территория определенного региона остается. Но наряду с территорией в понимании административного деления остается и территория как определенный культурный ареал. История нашей страны дает красноречивые в этом плане примеры: Россия делилась на территориальные образования таким образом, что между регионами с единой культурной базой проходили границы, им не давали объединиться, они попадали в разные военные округа и сейчас находятся в разных больших административных делениях, хотя с точки зрения культуры многие территории определяются трансгранично. Есть, естественно, социальные культурные общности, а также культурные общности профессиональные, демографические (в которые, например, входят дети до 7,

от 7 до 14 лет и подростки, тинэйджеры от 13 до 20 лет, люди старшего возраста — старше 60 или старше 50 лет). Есть общности по признаку сексуальной ориентации.

Наиболее же, пожалуй, интересны общества, которые я бы назвал транслокальными — общности по интересам. На это обратил внимание уже Филипп Тео, но он говорил об этом с критической точки зрения, имея в виду виртуальные сообщества. Мне же кажется, что, формирующиеся в первую очередь благодаря Интернету, они имеют возможность объединять людей, помогают найти друг друга. И все они — благодаря Интернету или без него — не могли бы установить связь, а традиционная переписка ничего не дала бы им в этом плане. Потому такие сообщества — одно из самых интересных явлений в современной культурной жизни. Я предложил бы назвать их транслокальными: они не являются территориально определенными — их представители могут жить в совершенно разных регионах; при этом они не охватывают все эти регионы и носят точечный характер — типа представителей поклонников Мэрилин Монро или собирателей спичечных коробков, которые становятся сообществом благодаря тому, что устанавливают прямые, непосредственные контакты.

По этой причине могу сказать в заключение, что сейчас возникла довольно обширная дискуссия как в международных организациях, так и среди культурологов по вопросу, что же представляет собой культурное многообразие: хорошо это или плохо? В Европе оно является одной из священных коров — подобно К. Марксу и В. Ленину в СССР в советский период (они разве что не молятся на культурное многообразие) — и становится предметом разного рода исследований, публикаций и т. д. Образуется термин «мультикультурализм», обозначающий множественность культур в пределах одного государства, который, на мой взгляд, уже является архаичным, устаревшим представлением о том, каким образом функционирует современная культура. Тем более если культурное многообразие в этом аспекте понимается в основном как многообразие этническое. Кроме того, сам факт, что в Германии появились турки, во Франции — алжирцы, а в Голландии — индонезийцы, рассматривается как разрушение традиционного представления о нации и государстве.

Франция до последнего держалась за идею, будто все ее граждане являются французами, и мы с удивлением читали в сносках, что Андрей Тарковский стал французом по национальности с момента поселения в Париже, а в нашей терминологии, естественно, он таковым не был: просто принял французское гражданство. Чтобы как-то преодолеть эту однозначную трактовку мультикультурализма, появился термин «интеркультурализм», обозначающий взаимодействие между различными нациями. С точки зрения «высоколобой» науки — то есть опять же читающей-пишущей публики, университетских профессоров, которые этим занимаются, — это понятие тоже отходит в прошлое, а на его место приходит придуманный Михаилом Эпштейном (гением в изобретении новых слов) термин «транскультурализм», где именно взаимодействие разных культур, способность человека существовать в них, самому внутри себя уста-

навливать мосты между различными культурами, становится авангардом, вокруг которого должна, с его точки зрения, строиться современная культура.

И это приводит к проблеме, принятой именоваться заимствованным из зарубежных словом «идентичность», по-иному — самобытность, индивидуальность либо самоосознание человека. Именно здесь пролегает водораздел в исследованиях, граница между теми, кто считает, что исследователь должен быть представителем только одного культурного сообщества и не имеет права в той же категории переходить в другое, и теми, кто считает, что ты можешь выбирать любое культурное сообщество. Молодое поколение в этом плане демонстрирует завидную последовательность, обгоняя профессоров и академиков, поскольку, согласно последней переписи населения (о чем я узнал с удовольствием), какое-то число молодых людей записало себя по национальности эльфами и хоббитами.

Тем самым они продемонстрировали, что человек свою национальность выбирает, а вовсе не получает в наследство от родителей, от крови и почвы или своего местожительства. И вот на этой сюрреалистической ноте хотел бы закончить анализ электронной и экранной культуры, в данном случае — восходящей к книжной культуре, поскольку первоначально книга Толкиена — это все-таки книга и лишь потом — фильм. Затем он был показан по телевидению и превратился в видеоигру. Тем не менее перед нами — единый процесс восхождения, приведший к существенным трансформациям в культуре. Увы, мы усматриваем их, как правило, уже тогда, когда они захватили культуру в целом, и даже тогда, когда она им не сопротивлялась.

«Черный октябрь» 1993-го

С тех кровавых октябрьских дней уже минуло 15 лет. И хотя о событиях 3–4 октября 1993 года написаны тысячи страниц, снято множество телепередач, в России выросло уже целое поколение, ничего или почти ничего не знающее о произошедшей тогда трагедии. Этому в значительной мере способствуют наши СМИ, либо замалчивающие правду о событиях тех дней, либо наглым образом извращающие реальные факты того времени. Поэтому так важно напомнить о них.

Для серьезных и ответственных исследователей трагедии осени 1993 года никогда не представляло сомнений, что речь тогда шла о хорошо подготовленной ельцинским режимом провокации и совершенном с ее помощью государственном перевороте. Очевидно и другое: события полуторадесятилетней давности вовсе не утратили политической актуальности. Все корни сложившейся впоследствии и сохраняющейся поныне социально-экономической и политической системы ведут туда — в те страшные октябрьские дни. И когда либералы сетуют сегодня на установление в стране авторитарной власти, зажим демократии и свободы слова, им не мешает вспоминать, что все это — лишь ростки посеянного ими же в ходе переворота 1993 года.

В пламени расстрелянного танками Верховного Совета сторели все перестроечные иллюзии, права человека, декларации о недопустимости насилия и проч. После этого говорить о демократии в России стало уже невозможно. В стране установился криминально-олигархический политический режим, защищаемый силовыми структурами и спецслужбами.

Как это начиналось?

К концу сентября — началу октября президентская сторона оказалась более, чем «Белый дом», заинтересованной в быстром силовом разрешении конфликта. Нанеся противникам 21 сентября сильнейший удар указом № 1400 о роспуске парламента и проведении конституционной реформы,

---

ТАРАСОВ Александр Николаевич — содиректор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс».

Ельцин в течение последующей недели потерял темп, и события стали развиваться спонтанно в не выгодном для него направлении. Отказ депутатов подчиниться «новому матросу Железняку» и покинуть «Белый дом» создал постоянный очаг напряженности, а отключение электроэнергии, тепла и воды от здания парламента, обнесение его колючей проволокой и милицейскими заслонами только героизировали сидящих в нем депутатов в народном сознании (а еще вернее — в подсознании). С депутатами однозначно солидаризировался Конституционный суд, а законодательная власть, опираясь на Конституцию, заявила о смещении Ельцина и назначении и. о. президента Руцкого. В стране появились два президента и два комплекта «силовых» министров. Двоевластие, таким образом, приняло формы, характерные уже для времен Гражданской войны.

Блокада «Белого дома» повлекла за собой появление новых очагов сопротивления — сначала в Москве (Краснопресненский райсовет, Моссовет), а затем и в провинции — областные, краевые и республиканские Советы и даже ряд представителей административной власти на местах. Сторонники «Белого дома» в Москве начали организовываться и переходить к акциям уличного протеста. Столкновения с милицией и ОМОНОм день ото дня обостряли ситуацию — при чрезвычайно вялом отклике «демократической» общественности. Причем для всех было очевидным: достаточно снять колючую проволоку и блокаду «Белого дома» — и уличные беспорядки прекратятся, ибо исчезнет породившая их причина.

Медленно, но верно возрастало число противников президента Ельцина: начиная с ФНПР и кончая рядом «демократических» партий и организаций, а также представителями деловых кругов. Правозащитные организации как в России, так и за рубежом выразили недовольство в связи с ограничением ряда гражданских прав в Москве и введением без объявления и соблюдения необходимой юридической процедуры на части территории столицы элементов «чрезвычайного положения» (ограничение свобод передвижения, слова, собраний и т. д.). По мере того как на телеэкранах мира все чаще появлялись кадры с избиваемыми дубинками демонстрантами, а самим журналистам (отечественным и зарубежным) все больше доставалось от омовцев, в средствах массовой информации (и наших, и за рубежом) все откровеннее проступало недовольство действиями исполнительной власти в Москве — сначала ограничениями свобод слова и получения информации журналистами («Хельсинки уотч» выступила, например, с очень резким заявлением), а затем и в целом.

Ситуация в этом плане 29 сентября стала критической — после публичного заявления госсекретаря У. Кристофера с требованием со стороны американской администрации обеспечить Ельциным права человека в Москве, в том числе находившимся в «Белом доме». Последовавшее через несколько часов после выступления У. Кристофера еще более жесткое заявление вашингтонского Белого дома о недопущении применения насилия правительственными

войсками ставило Ельцина в трудное положение: без этого очистить московский «Белый дом» было невозможно, а от применения силы первым его уже предостерегли.

Оставалось одно: заставить парламент первым прибегнуть к силе. Но там прекрасно понимали, что такого допустить нельзя, и, несмотря на «психоз осажденной крепости», присущий всем осаждаемым, старались по мере сил избегать стрельбы: изымали и складировали ранее выданное оружие, выдавали его дежурным под расписку и т. д.¹ Продемонстрированные после штурма «Белого дома» кадры вскрытия хранилищ с опечатанным оружием, так и не розданным (вопреки логике) в ночь с 3 на 4 октября защитникам парламента, также подтверждают это. Да и рядовые «защитники» постоянно ожидали и боялись провокаций и дружно сходились на одном: брать оружие не стоит (это засвидетельствовал корреспондент газеты «Московский комсомолец», пробравшийся в ряды защитников «Белого дома» и записавшийся в пресловутый «полк Ручьего»²). Провокации действительно были: не известно, кто доставил в «Белый дом» и распространил листовки с призывом громить рестораны; не известно, как попала внутрь оцепления загадочная машина с громкоговорителем (не известно, как и исчезла), из которой призывали взять штурмом штаб ОВС СНГ, и т. д.³

Вдобавок ко всему установление жесткого контроля над радио и телевидением со стороны исполнительной власти вызвало многочисленные протесты и явное раздражение в обществе. Идеологический контроль со стороны исполнительной власти над теле- и радиоинформацией достиг почти брежневских размеров и вызывал соответствующие аналогии. Кроме того, в провинции, где местные власти через местные СМИ быстро и эффективно доводили до населения, что их позиция центральными СМИ искажается в угоду президенту (как это было, например, в Белгороде или Карелии), резко выросло недоверие к исходящей из «центра» информации. Захват и закрытие президентом газет, журналов, радио- и телепрограмм, учредителем которых был Верховный Совет, лишь увеличили число недовольных. Отрицательно сказался на репутации Ельцина и откровенный до цинизма подкуп депутатов Верховного Совета: обещания перебежчикам «теплых мест» в аппарате исполнительной власти с высокой зарплатой и т. п.

Жесточайший удар по положению президента нанес «бунт субъектов Федерации». Признание рядом регионов Ручьего законным и. о. президента, Всесибирское совещание, выставившее Ельцину ультиматум с требованием снять блокаду «Белого дома» и начать переговоры с Верховным Советом под угрозой блокады Транссиба, безуспешная попытка Ельцина сместить «мятежного» новосибирского губернатора В. Муху, дружно поддержанного местными политическими партиями, предприятиями и даже местным УВД, антипрезидентские по сути решения Совещания субъектов

¹ См.: «Комсомольская правда». 09.10.1993; «Московские новости». 17.10.1993; «Новая ежедневная газета». 20.10.1993; «Рубикон» (СПб.). 1993. № 1.

² См. «Московский комсомолец». 28.09.1993.

³ См. «Рубикон». (СПб.). 1993. № 1.

Федерации Северо-Западного региона и Совещания субъектов Федерации в зале Конституционного суда 30 сентября показали президенту, что если срочно, до 9 октября (дата созыва Совета Федерации), не подавить силой сопротивление «Белого дома», то после 9 октября уже придется подавлять силой сопротивление регионов. А на это и возможностей могло не хватить да и желающих не найтись.

Завершающим ударом по президенту явилось решение Русской православной церкви выступить посредником в конфликте и предложить местом переговоров Свято-Даниловский монастырь. Это означало, что РПЦ, которую последние годы обhajивали все ветви власти, признает равными сторонами на переговорах распущенный и упраздненный президентом Верховный Совет, за которым, говоря словами одного классика, не стоит ничего, кроме «силы фразы», в то время как за властью исполнительной — «не прикрытая фразой сила». Особенно неприятной для президентской стороны, видимо, была резко возросшая посредническая активность Алексея II, выглядевшая как ответ на при-

⁴ Текст призыва см.: «Правда». 01.10.1993. зыв к нему проявить такую активность со стороны деятелей культуры — сторонников «Белого дома»⁴.

Существуют глухие свидетельства относительно ультиматума, выставленного Советом Федерации обеим конфликтующим сторонам: если они не достигнут компромисса максимум 3 октября, то 4 октября Совет Федерации возьмет на себя всю полноту власти в стране⁵. Как выражался другой классик: «кризис назрел».

⁵ См., например: «Аргументы и факты». 1993. № 44.

Был ли заговор?

Расчет Ельцина и его окружения был прост и предельно авантюристичен. Если «Белый дом» отклоняет условия предъявленного ему ультиматума, то надо спровоцировать его на действия, которые оправдали бы применение против него силы. Эту цель преследовал отданный милиции приказ не применять оружие, отступать, демонстрировать слабость. В тех же провокационных целях радио и ТВ распространяли сведения о расколе в армии, которая якобы вот-вот придет на помощь осажденному парламенту. Чтобы подтолкнуть защитников парламента к наступательным действиям, несколько тысяч вооруженных бойцов, покидая 3 октября (еще до прорыва демонстрантами блокады) бывшее

⁶ См. «Коммерсант-DAILY». 09.10.1993. здание СЭВ, «случайно» забыли часть экипировки: снайперское оружие, огнеметы, гранатометы⁶. Теперь мэрию

можно было легко взять штурмом. Было бы желание.

Вскоре из его здания раздались первые выстрелы. Демонстранты отхлынули, двоих ранили. Причем стреляли не только по демонстрантам, но и по окнам «Белого дома»⁷. Результатом стал штурм гостиницы «Мир», к тому же милиции был дан приказ уйти⁸; отошел и правительственный БТР⁹. Теперь демонстрантам противостояли лишь еще

⁷ См. «Московские новости». 10.10.1993.

⁸ См. «Известия». 07.10.1993.

⁹ См. «Коммерсант-DAILY». 04.10.1993.

не обученные новобранцы из дивизии им. Дзержинского, которые тут же сдались в плен. При этом у здания мэрии (вновь как бы случайно) были «забыты» 10—15 армейских машин для перевозки личного состава и автобусы с ключами в замках зажигания. На стороне повстанцев (теперь уже речь действительно идет о восстании) оказываются вдруг четыре БТРа — из числа тех, что стояли в оцеплении «Белого дома».

Своего рода вершиной провокации стали события в «Останкино», после которых можно было переходить к массовому террору и расстрелу «Белого дома». Никакого секрета в намерении занять ТТЦ «Останкино» повстанцы не делали. Другое дело, что кто-то очень умело направил их в этот заранее подготовленный капкан. Все происходило открыто: и призыв «взять “Останкино”», и формирование колонн около «Белого дома», и загрузка грузовиков добровольцами (в основном невооруженными). То есть не представляло труда перехватить повстанцев по дороге к «Останкино». Тем более что повстанцы были почти не вооружены, а правительственная сторона имела подавляющий перевес в силах. Тем не менее крупное подразделение ОМОНа — в полной боевой экипировке, с добрым десятком БТРов — безропотно пропустило в «Останкино» практически невооруженную колонну. Пропустило, не сделав даже намека на попытку задержать.

Более того. Значительная часть сторонников парламента отправилась туда пешком. Свидетельница (литератор Л. Сурова) так описала этих людей: «...никакого неистовства, никакого звериного фанатизма. Это были обычные, но разные люди, мои сограждане, мои земляки. Были молодые, старые, женщины, девушки... Папа с сыном лет 10... мы видели людей, никем не организованных... одни помягче, поинтеллигентнее, другие повоинственней... — но шли не убивать, не мстить... Что мы видели из оружия? Пять-шесть щитов металлических, одну дубинку, у кого-то еще кусок трубы водопроводной, а у одного мальчишки лет 15 — топорик... Никаких вооруженных боевых отрядов мы не видели»¹⁰. Ну уж эту-то толпу остановить ничего не стоило! Не остановили — пустили на смерть. Сурова так озаглавила свои показания: «Репортаж с места *расстрела*».

Позже министр обороны П. Грачев признался, что «Останкино» защищали 400 военнослужащих и спецназ ВВ (пресловутый «Витязь»), 6 БТРов, а с начала боевых действий подошли еще 15 БТРов и 100 человек милиции. Грачев уверенно констатировал: «никакой катастрофической опасности не было». Нападавших, «по сведениям МВД, было около 4 тысяч безоружных и 100 вооруженных человек»¹¹.

У нападавших на ТТЦ не было техники (у оборонявшихся — 21 БТР). Защищавшиеся использовали как укрытие стены — нападавшие были на открытой местности. Защищавшиеся были прекрасно экипированы (шлемы, бронежилеты, снайперское оружие, пулеметы, переговорные устройства, приборы ночного видения), нападавшие — нет. Защищавшиеся были

¹⁰ См. «Независимая газета». 16.10.1993.
¹¹ См. «Московский комсомолец». 08.10.1993; «Московские новости». 17.10.1993; «Московский комсомолец». 08.10.1993.

профессионалами, специально подготовленными для боевых действий. Каждый из них имел представление о *тактике*. Наконец, нападавшие вели огонь *наобум*, по темной коробке здания АСК-3 — оборонявшиеся вели

¹² См.: «Известия». 09.10.1993; *прицельный огонь*, по желанию и спокойно выбирая себе мишени. Собственно, в этом «Витязи» признались «Комсомольская правда». 08.10.1993; 13.11.1993.

сами¹². Не было *ни единого шанса* взять штурмом «Останкино». И Макашов как человек военный должен был понимать это. Однако он отправил своих в большинстве невооруженных людей на убой. То, что случилось в «Останкино», имеет одно название — *бойня*. Правительственные силы устроили запланированную бойню оппозиции.

Но все это было лишь внешней стороной крупномасштабной провокации. Чтобы оправдать в глазах общества развязанное затем массовое насилие, нужно было с самого начала выставить Верховный Совет в роли мятежника, публично обвинив его в вынашивании заговорщических планов, на деле тщательно разработанных непосредственно ельцинским режимом. Вопрос о заговоре — будто давно и методически подготавливавшимся Руцким, Хасбулатовым — и вообще мятеже оппозиции возник не вдруг и отнюдь не случайно периодически всплывает в речах президентского окружения. Дело в том, что такая формулировка содержится в обращении Ельцина «К гражданам России»:

¹³ *Цит. по:* «Московская правда». «Все, что происходило и пока происходит в Москве, — заранее спланированный вооруженный мятеж»¹³.

Таким образом, эта точка зрения уже имела определенный официальный статус. Другое дело, что если был заговор, если мятеж был давно спланирован и подготовлен, то первым заговорщиком и мятежником предстает сам Ельцин. Именно он нарушил Конституцию, разогнал парламент и тем самым дал сигнал «мятежникам и заговорщикам» к активным действиям. Причем, какие именно действия те предпримут (импичмент президента и т. д.), легко было представить заранее.

Бредовость, хаотичность, неподготовленность «мятежников» очевидны. Но если принять версию о заговоре всерьез, то простой разбор действий «заговорщиков» подтверждает: минимум каждый из «заговорщиков» участвовал в каком-то собственном «заговоре», не состыкованном с «такowymi» его товарищей.

«Заговорщики» не готовили сторонников, объединенных в различные организации, к подобному повороту событий, и потому практически для всех потенциальных защитников «Белого дома» он стали неожиданностью. Они не стянули заранее в Москву боеспособных сторонников из регионов, не рассредоточили их в городе или в ближайших пригородах на «явках», не вооружили заранее, не поставили перед различными боевыми группами четких и дифференцированных боевых задач. Не вели боевой подготовки своих «бойцов» — в результате на улицах несколько дней бушевали пенсионеры-сталинисты и визгливые бабушки, а «Останкино» штурмовали 15-летние романтически настроенные дурачки, не догадывавшиеся, что от пуля надо хотя бы прятаться.

Они не готовили «союзнические» организации к взаимодействию, в результате чего постоянно возникали конфликты, например между анпиловцами и панками, между баркашовцами и леваками (троцкистами и ¹⁴ См. «Бюллетень левого ин-анархистами) и т. п.¹⁴ «Заговорщики» не вели целенаправ- формцентра». 1993. № 38. С. 7. ленной агитации в войсках, не разложили армию и не заручились заранее поддержкой конкретных командиров — под обещание высоких постов после победы заговора. У них не было ни техники, ни достаточного количества оружия. А то оружие, которым они располагали, хранилось в «Белом доме» со времен августа 1991 года или принадлежало охране парламента, или было захвачено у противника.

Они явно не имели представления о тактике уличного боя, ни тем более не обучили ей своих сторонников. Построенные ими «баррикады» не служили препятствием для правительственной техники; бетонные блоки, сброшенные вокруг Дома Советов как «защита» от танков, были расположены совершенно бездарно и прикрыть «Белый дом» от танковой атаки не могли. Не говоря уж об отсутствии необходимости танкам подходить вплотную для обстрела «Белого дома».

Это первая группа «ошибок» мнимых заговорщиков — на, так сказать, стадии подготовки. Теперь об «ошибках» на первой стадии «мятежа».

Во-первых, непонятно, почему «заговорщики» — если они действительно были таковыми и все рассчитали заранее — безропотно отпустили милицию, ОМОН и военнослужащих дивизии им. Дзержинского из района «Белого дома»? Почему не разоружили, не отняли все бронезилеты, щиты, рации, технику наконец? В конце концов взятых в плен военнослужащих, омовцев и милиционеров можно было использовать в качестве заложников, а то и просто сделать невозможным всякий штурм, выставив их в окнах «Белого дома».

Во-вторых, непонятно, зачем «заговорщикам», рассчитай они все заранее, вообще понадобилось куда-то ехать, что-то захватывать? На переговорах они требовали от Ельцина снятия блокады «Белого дома». Теперь, когда блокаду снял «народ», вполне можно было ограничиться ответной блокадой мэрии, используя для нее ту же колючую проволоку, те же поливальные машины, а отрезать мэрию от энерго- и телефонных сетей уж точно не было проблемой. После этого продолжить переговоры с Ельциным — но уже с позиции силы. А то и вовсе заблокировать вооруженными подразделениями, скажем, выезды из Кремля — и продолжать как ни в чем не бывало переговоры. В принципе, согласись Ельцин на досрочные президентские выборы — в те же сроки, что предлагал парламент, можно было бы считать, что «заговор» победил. О деталях (кто будет временно до выборов исполнять функции главы государства) можно было бы договориться. А выиграть выборы после этого у Ельцина шансов было бы немного. Ну уж точно не больше, чем у Руцкого.

В-третьих, в захвате «Останкино» и мэрии вообще не было никакого смысла. Совершенно очевидно, что захватывались не стратегически важные объек-

ты, а *символы*. Мэрия была штабом осады «Белого дома». «Останкино» — ненавистным символом ельцинской пропаганды, «империей лжи». Разумеется, телевидение как «средство массового поражения» в любом заговоре играет огромную роль. Поскольку большинство населения внушаемо, а значительная часть — исключительно внушаема (в эпоху потрясений число исключительно внушаемых людей возрастает, по разным данным, до 70—90 процентов), очевидно, что если людям методично и долгое время вдалбливать в голову любой бред, они в конце концов в него поверят. Но захват средств массовой информации должен *предшествовать* перевороту. Вот если бы «заговорщики» захватили телевидение и радио полгода назад и все это время вели разнузданную анти-ельцинскую пропаганду — тогда другое дело: тогда успех «заговора» можно было бы считать обеспеченным на 95 процентов. Но какой смысл захватывать телевидение уже *после* начала «мятежа» — неясно. Руцкой и Хасбулатов знали, что власти в регионах их в основном поддержали. Что при этом можно было сказать в «телеобращении к народу»? И вообще, чтобы заглушить телевидение, достаточно взорвать энергоустановку ТТЦ. Не говоря уж об элементарном дей-

¹⁵ См. «Московский комсомолец». 29.10.1993.

ствии: для выхода в эфир достаточно было занять Останкинскую телебашню, которую, как оказалось, охраняли всего четыре милиционера!¹⁵

В-четвертых, сосредоточившись на «Останкино», «заговорщики» почему-то проигнорировали «Шаболовку», захватить которую было наверняка гораздо легче, и вообще не взяли под контроль другие радиостанции и информационные агентства (робкая попытка с ИТАР-ТАСС выглядит просто смешно).

В-пятых, послав людей к черту на кулички — в Останкино, «заговорщики» почему-то проигнорировали действительно важные объекты управления: Совет министров и Кремль. Предположим, не было сил их захватить (а в чем же тогда заключалось это «заранее планирование?»). Но атаковать-то и дезорганизовать их работу можно было. Предположим, такие действия не смогли бы полностью обрезать все линии связи (на то оно и правительство, да и обычный радиотелефон так просто не прихлопнешь), но дезорганизация была бы полной, тем более что правительству пришлось бы заниматься собственной обороной, а не чем-то другим.

В-шестых, несмотря на всю озабоченность «заговорщиков» «средствами связи», они не предприняли никакой попытки захватить структуры Госкомитета по чрезвычайным ситуациям.

В-седьмых, потерпев неудачу с «Останкином», «заговорщики» почему-то не предприняли попыток захватить независимые средства дальней радиосвязи. Еще забавнее другое: «заранее спланировав мятеж», они не запаслись такими средствами заблаговременно.

В-восьмых, не было предпринято попыток взять под контроль не столько мэрию и ТТЦ, сколько действительно жизненно важные стратегические объекты: электро- и телефонные станции, водонасосные и газораспределительные станции, вокзалы, казармы армии, комплекс зданий КГБ и МВД, отделения ми-

лиции, военные училища, аэродромы, транспортные развязки. «Заговорщики» не удосужились занять даже подстанцию, снабжавшую электроэнергией «Белый дом»!

В-девятых, не было попыток овладеть арсеналами. С целью захвата оружия не были посланы отряды «мятежников» ни в воинские части, ни в отделения милиции.

В-десятых, не были посланы комиссары с соответствующими приказами Ачалова (еще лучше Руцкого как и. о. главнокомандующего) и при поддержке вооруженных отрядов в воинские части — а эта мера могла бы оказаться успешной минимум в 30 процентах случаев. Во всяком случае, известно, что кое-где «руцкистам» удавалось «дуриком» договориться по собственной инициативе об оружии с солдатами¹⁶. ¹⁶ См. «Московский комсомолец», 09.10.1993.

Вторая стадия «мятежа» также изобиловала «ошибками» «заговорщиков».

Во-первых, и Руцкой, и Макашов, как люди с военным образованием, должны были наизусть помнить: «Оборона есть смерть всякого восстания». Однако они избрали именно ее. Во-вторых, даже не захватив «Останкино», они не предприняли никаких попыток не только дезорганизовать противника, но даже дезинформировать его. Не захватили информационные агентства или радиостанции (или корпункты западных радиостанций) и не заставили их передавать нужные для себя сообщения. В-третьих, непонятно, почему «заговорщики» не покинули стратегическую ловушку — «Белый дом», не рассредоточились по бесконтрольному городу, а еще вернее — не вылетели (пока это было возможно) в один из поддерживавших их регионов (самолеты можно было и захватить — вооруженная сила для этого имела; за штурвал одного из самолетов мог бы сесть лично Руцкой: его имиджу это бы не повредило, скорее наоборот)? Кстати, неясно, почему это не было сделано сразу — еще до блокады «Белого дома»: Верховный Совет вполне мог бы собраться, например, в Амурской области или в Новосибирске (где его поддержали все ветви местной власти), создать там правительство, полномочное на контролируемой территории, — удачные примеры такого рода у нас были: Комуч и Уфимская директория, правительство Колчака.

Собственно, таких «ошибок» можно привести еще десятки. Если бы существовал заговор — «заранее спланированный вооруженный мятеж», их бы просто не могло быть.

Кто выиграл?

Для ответа на вопрос, кто же все это спланировал и организовал, полезно, как принято в таких случаях, спросить: *qui prodest* — кому это было выгодно, кто выиграл?

Несомненно выиграл Ельцин. Отныне — в немалой степени благодаря СМИ — он был провозглашен «спасителем демократии», «победителем красноричивой чумы». Поскольку о несостоявшемся событии — победе Руцкого

и Хасбулатова — можно фантазировать что угодно: открылась потрясающая возможность запугивать публику близкой опасностью «кровоавого красно-коричневого террора», «миллионов жертв», «превращения страны в огромный концлагерь» и т. п.

Что толку, что Руцкой с Хасбулатовым сами по уши завязли тогда в криминально-капиталистическом болоте, как и Ельцин со своим окружением? Что толку, что у Руцкого с Хасбулатовым не было сил и неоткуда было их взять для «превращения страны в один огромный концлагерь» (были бы у них какие-то силы, они не стали бы мараться о баркашовцев, безусловно понимая, что фашисты их дискредитируют). В стране, где привыкли постоянно переписывать историю (а история — это факты, против них, казалось бы, не попрешь), *возможную историю* всегда можно изобразить так, что ночью не заснешь. Опять же Ельцин подтвердил свой статус «спасителя демократии» за рубежом — и огреб очередную денежную поддержку, которую никогда не получил бы без «мятежа».

Выиграли Ельцин и президентское окружение. Они *заставили* страну принять их правила игры — пойти на досрочные парламентские выборы по избирательным законам, ими же (под себя) придуманым. Напомню: после указа № 1400 избирательная кампания и предвыборная работа практически в стране не велась (избирательные комиссии — и те не были сформированы). После «мятежа» эта избирательная машина закрутилась с огромной скоростью. В выборах согласилась участвовать и оппозиция — даже «красно-коричневые», на явно не выгодных для себя условиях.

Выиграли Ельцин, правительство и вообще исполнительная власть. Ельцин, как давно заметили его оппоненты, всегда очень боялся «отчетов о проделанной работе». Все этапы политического возвышения он прошел, никогда не отчитываясь о сделанном: из кресла секретаря обкома без отчета — в кресло секретаря МГК, из кресла секретаря МГК без отчета — в Госстрой, из Госстроя без отчета — в кресло Председателя Верховного Совета, из кресла Председателя ВС без отчета — в кресло президента. Получал дополнительные полномочия — о результатах не отчитывался, возглавлял правительство — опять же не отчитывался. После «мятежа» у Ельцина (и у правительства, и у всей исполнительной власти) вновь появилась возможность пойти на выборы без отчета о содеянном. А если особо противные избиратели и стали бы задавать вопросы, теперь можно было все валить на Верховный Совет и местные Советы: мол, не давали, мешали, опутывали, саботировали — те возразить не могут: их уже разогнали.

Выиграли Ельцин, исполнительная власть и замкнутые на них криминальные кланы. Теперь вплоть до формирования органов новой законодательной власти исполнительная власть с Ельциным во главе сконцентрировалась в своих руках все ветви власти: и исполнительную, и законодательную, и судебную. Фактически речь шла об установлении диктатуры (какие бы мягкие формы она ни приняла). Исполнительная власть получила возмож-

ность самовольно принимать и изменять нормативные акты вплоть до пересмотра проекта новой Конституции. Теперь можно было фактически без контроля и властных противовесов не только приступить к приватизации госсобственности, разворовать всю страну, но и купить всех потенциальных следователей, уничтожить все улики. Да и парламент имел все шансы быть отныне неопасным — «карманным». К тому же Ельцин, правительство и криминальные кланы, связанные с исполнительной властью, получили возможность формировать законодательную и исполнительную власти «под себя» из «своих» людей.

Выиграли Ельцин, правительство и сторонники правобуржуазного жесткого монетаристского курса. Противники и критики его, оппозиция, теперь были дискредитированы, морально подавлены, лишены части организаций и большинства газет, поставлены под контроль «силовых» ведомств и под дамоклов меч запрещений в связи со «вновь открывшимися данными» о «причастности» к «мятежу».

Выиграли «силовые» ведомства, прежде всего спецслужбы. Их статус повысился, они продемонстрировали власти, что представляют собой единственную реальную опору режима. Им стали выделять средства, расширили их права, списали все грехи. Не приходится удивляться, что очень скоро основные рычаги власти в стране оказались под контролем спецслужб.

Выиграли криминальные кланы, связанные с исполнительной властью. Теперь они могли быть уверенными, что действия правоохранительных органов против них будут свернуты, напротив, теперь они получили возможность договориться с «замазанными» «силовыми» ведомствами. Под удар попали криминальные кланы, связанные с законодательной властью, Рудкин и его окружением. Сферы влияния этих кланов после их разгрома были захвачены и поделены преступным миром, поставившим «правильно» — на президента и исполнительную власть.

Выиграли сторонники «сильной власти», «твердой руки», «ежовых рукавиц», «политической целесообразности». Они получили подтверждение, что «в России без кнута нельзя», что «разделение властей ошибочно в специфических русских условиях» и т. п. В конечном итоге буржуазная демократия выгодна *правлящим слоям и классам*, но не обязательно выгодна их *конкретным представителям*, стоящим в данный момент у власти. Авторитаризм, напротив, может быть менее выгодным *правлящим слоям и классам* (самодурство и волюнтаризм власти способны помешать получению доходов), но уж точно очень выгодным конкретным лицам, непосредственно стоящим у власти.

Кто виноват?

Разумеется, в первую очередь виноваты спланировавшие и подготовившие провокацию — исполнительная власть, Ельцин, специалисты спецслужб. Это само собой разумеется, и на этом можно подробно не останавливаться. Ельцин персо-

нально виноват еще и как человек, подписавший указ № 1400. Подписывая его, он не мог не понимать, что открывает путь к гражданской войне, кровопролитию, что

¹⁷ См. «Комсомольская правда». Спецвыпуск «Все о черном октябрье». С. 10. для взрыва теперь хватит любой искры, не говоря уж о провокации. Ничего не смыслящий в политике иеромонах Никон из Подмоскovie — и тот это понимал¹⁷. «Независимая газета»

же на следующий день вынесла в подзаголовок на первой полосе слова: «Малейшая провокация или еще один безответственный шаг любой из сторон может привести к гражданской войне»¹⁸. Ельцину даже после смерти не отмыться от крови своих сограждан.

¹⁸ «Независимая газета». 23.09.1993.

Но виноват и парламент. Он сам predetermined свою судьбу, когда разогнал парламент СССР. Тогда, в 1991-м, не один, не два, не три, а несколько десятков народных депутатов СССР дружно, не стовариваясь предрекли своим российским коллегам (словно Дантон Робеспьеру в пьесе С. Пшибышевского): «Вы последуете за нами!» Тогда же многие аналитики дружно констатировали: эти слова могут стать пророческими. Но российский парламент не захотел их слушать.

Парламент виноват и в другом: сам постоянно возвышал Ельцина, надеялся на новые полномочия безо всяких к тому оснований. Голоса возражавших отменялись, хотя известно всем: аппетит приходит во время еды. Парламент дал Ельцину так много власти, что тот вполне логично захотел иметь ее *всю*.

Кроме того, парламент виноват в том, что не пресек раз и навсегда попыток Ельцина «разобраться» с верховным законодательным органом и установить режим личной власти (в декабре 1992-го и в марте 1993 года). Политика колебаний, компромиссов, боязнь досрочных выборов, стремление сохранить теплые местечки в парламенте — все это и загнало в конце концов парламентариев в тупик, закончившийся кровью.

Виноват и Конституционный суд, и лично его председатель В. Зорькин. Постоянное лавирование, попытки примирить непримиримое, позорное поведение его на VII съезде, где Конституционный суд пограл Конституцию во имя «политического компромисса» и тем самым позднее спровоцировал острейший кризис, — все это также готовило кровавую развязку. А оказавшись вовлеченным в политическую борьбу на стороне парламента и одновременно выступая как бутафория законности для исполнительной власти, Конституционный суд лишь усугубил свою вину.

Но основная вина лежит на лидерах «повстанцев» — персонально на Ручком, Макашове, Хасбулатове, Анпилове. Разумеется, они поддались на провокацию. Но провокация — это *классический* метод политической борьбы; она существует ровно столько, сколько и политика. Более того, провокация перешла в политику из опыта боевых действий. Провокация как таковая — это действие, рассчитанное не на прямой успех, а на стремление побудить противника совершить ответное действие, в данный момент для него не выгодное или же делающее ясной неясную до того ситуацию. Клеймо «нечи-

стоплотности» на провокацию наложили ее жертвы — проигравшие: свое поражение они как раз и оправдывали «нечестной игрой» против них. Одним словом, они приносили в дело *моральный аспект*. Выигравшая в результате провокации сторона вообще этим словом не пользовалась. Они говорили: «удачный ход», «точно рассчитанный удар», «успешный маневр», «военная хитрость» наконец.

И всякий, кто начинал играть в политику, в том числе и Руцкой, Хасбулатов, Макашов, должен был учитывать возможность использования противником провокации. Более того, Руцкой и Макашов — люди военные. Провокация, как я уже говорил, пришла в политику из военного искусства. Там она — обычный, рядовой, широко применяемый метод. Например, разведка боем — это типичная провокация, направленная на стремление заставить противника раскрыть свою оборону, когда он этого не хочет. Руцкой и Макашов просто *обязаны* были знать о ней.

Провокации делятся на *неизбежно* влекущие за собой желательную для провокатора реакцию и на такие, успех или неуспех которых в значительной степени зависит и от провоцируемого. В этом смысле провокация 3 октября вовсе не была фатальной. Никто *не заставлял* Руцкого под дулом автомата призывать штурмовать мэрию и «Останкино». Никто силой *не заставлял* Макашова кричать о начале «народной революции против контрреволюции». Если бы после деблокирования «Белого дома» оба призвали всех к дисциплине, организованным действиям, если бы призвали «не поддаваться на провокации», оцепили мэрию (игнорируя выстрелы оттуда) и начали новый раунд переговоров с Ельциным — провокация бы провалилась.

Другое дело, когда готовившие провокацию (а это были явно профессионалы из «правоохранительных» органов: благо полицейская провокация — это традиция в России) наверняка учли и «субъективный фактор», и менталитет, а также интеллектуальный уровень таких вождей оппозиции, как Руцкой и Макашов.

Вполне либерально настроенный историк М. Гефтер, очень болезненно переживший трагедию «черного октября» и в знак протеста вышедший из Президентского совета, незадолго до кончины записал в дневник поистине вещие слова: с войной в Чечне «пришла расплата за кровь 3–4 октября. Все, кто тогда перешагнул кровь, — соучастники всех нынешних и пред-¹⁹ «Общая газета». 2000. №11. стоящих преступлений»¹⁹.

Возлагавшим после августа 1991 года наивные надежды на торжество демократии в стране в 1993-м пришлось распрощаться со своими иллюзиями. Новая Конституция создала, по сути, «управляемую демократию» во главе с выборным монархом-президентом, отныне обладавшим неограниченной властью, практически ни перед кем не ответственным самодержцем. Особенно возмутительной и абсолютно не совместимой с элементарными представле-

ниями о демократии стала дарованная Ельцину (да еще и членам ельцинской семьи) его преемником В. Путиным неподсудность. Потому что уж кто-кто, а он в большей степени, чем все остальные, заслуживал оказаться на скамье подсудимых, предстать перед судом народа за все, совершенное им в 1991—1993 годы. Вся последующая политика ельцинского режима только усугубляла его вину за расчленение Союза, бездарно проводившиеся, дотла разорившие страну и народ реформы, и за трагический октябрь 1993-го. Как бы ни старались определенные силы смыть грязь и кровь с деятельности Ельцина, история его никогда не оправдает.

Христианство и политика в социальной философии русского зарубежья

Аксиологический аспект

Введение

Проблема взаимоотношений христианства и политики всегда волновала передовую русскую общественную мысль. Психологический шок, связанный с Первой мировой и Гражданской войнами в России (1918–1920), оживил этот интерес, и особенно сильно он проявился в 1920–1930-е годы среди философов русской эмиграции. Некоторым из них, находившимся под сильным влиянием христианских идей, казалось, что необходима новая общественная вера — несоциалистическая и нелиберальная. Так, И. Ильин писал в 1919 году: «Такая потрясающая духовная неудача человечества, как поток неслыханных войн и небывалых революций, свидетельствует с непререкаемой силой и ясностью о том, что все стороны духовного бытия жили и развивались по неверным путям, что все они находятся в состоянии глубокого и тяжелого кризиса. Человечество заблудилось в своей духовной жизни, и хаос достигнул его неслыханной бедою; это свидетельствует о том, что неверен был самый способ духовной жизни; что он должен быть пересмотрен до корней и от корней обновлен и возрожден»¹.

¹ И. А. Ильин. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 4. М., 1994. С. 154.

Не менее выразительно об этих настроениях отзывался и С. Франк: «Эпоха покоя, мирного культурного развития, роста гражданственности, смягчения нравов, укрепления личной свободы кончилась; мы захвачены каким-то бурным водоворотом, историческое течение с бешеной силой несет нас неведомо куда, среди множества скал и подводных камней... Рухнувшая, или во всяком случае угасающая гуманистическая вера не сменилась никакой иной положительной верой... Мы живем в эпоху глубочайшего безверия, скепсиса, духовной разочарованности и охлажденности»².

² С. Л. Франк. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. «Русское зарубежье». Л., 1991. С. 216.

Оживление интереса к проблеме взаимоотношений христианства и политики обнаружилось в русском зарубежье у философов как консервативно-либерального (С. Франк, И. Ильин и др.), так и социалистического направлений (Г. Федотов, Ф. Степун). Вопросы, поднятые этими философами, не являются

«надуманными»: они имели и имеют актуальное политическое звучание. Нам и сейчас важно выработать правильное представление о взаимодействии христианства и политики. В этом плане анализ концепции крупных философов русского зарубежья представляет значительный интерес.

Христианство и общественно-политический идеал в концепции философов консервативно-либеральной ориентации

Семен Людвигович Франк (1877—1950) и Иван Александрович Ильин (1883—1955) почти одновременно выдвинули общественно-политический идеал, в центр которого заложен принцип абсолютной христианской правды.

Анализ начнем с философии Франка, поскольку в ней дана более углубленная и систематическая разработка интересующей нас проблемы. В книге «Духовные основы общества. Введение в социальную философию» он сформулировал и обосновал основные принципы (ценности) идеального общества: религиозной правды, свободы личности, солидарности, равенства. Рассмотрим эти принципы с политической точки зрения (то есть с позиций взаимоотношений государственной власти с обществом и личностью).

Главной ценностью общественно-политической жизни Франк считает принцип служения христианской правде. Что имеется в виду под этим принципом? Два высших нормативных требования, обязательных для соблюдения в общественно-политической жизни: любовь к Богу как высшему нравственному авторитету, воплощающему моральное и духовное совершенство человека, и любовь к ближнему: «Перед нами стоят лишь две заповеди, достаточные, чтобы осмыслить, обогатить, укрепить и оживить нашу жизнь: безмерная, безграничная любовь к Богу как источнику любви

³ С. Л. Франк. Сочинения. М., 1990. С. 174. и жизни, и любовь к людям, вырастающая из ощущения всеединства»³.

«Принцип служения» Франк стремится оправдать (обосновать) не только апелляцией к религиозному авторитету (Священному Писанию), но и философски — опираясь на знание законов общественного развития, в частности на принцип соборного начала, которое, по Франку, лежит в

⁴ С. Л. Франк. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. С. 380. основе общественной жизни. Но это соборное начало есть не что иное, как «утвержденность человеческого общения в Боге»⁴. Это обоснование не убеждает, ибо

в исходной посылке автор ссылается на то, что следовало бы доказать, а именно — на религиозно-нормативную природу общества. Зачастую Франк впадает в банальную «натуралистическую ошибку», то есть выводит «должное» из «сущего». «Добро, — пишет он, — есть условие сохранения, утверждения и развития человеческой жизни». Это выдается за философско-онтологическое доказательство принципа служения. «Спасает» положение

только одно обстоятельство: «добро есть момент абсолютного бытия»⁵, то есть бытия Бога. А это означает, что мы вновь возвращаемся к религиозному обоснованию добра или правды, то есть к ссылке на религиозный авторитет (Священное Писание и т. д.).

⁵ Там же. С. 257.

Из принципа служения «вытекают и с ним связаны как его обнаружение и конкретное осуществление», утверждает Франк, прежде всего «два соотносительных начала» — свободы и солидарности. Рассматривая содержание и обоснование этих принципов в философии Франка, начнем с принципа свободы. Прежде всего философ считает, что никакого приоритета этого принципа над таковым солидарности (порядка) нет: они, по Франку, равноценны. «Ни права человека, ни воля народа не священны сами по себе... Все человеческие права вытекают в конечном счете — прямо или косвенно — из одного-единственного “прирожденного” ему права: из права требовать, чтобы ему была дана возможность исполнять его обязанности»⁶.

⁶ Там же. С. 380.

Стремясь оспорить нормативное первенство личности, ее свободы над общественным порядком, солидарностью, Франк выдвигает концепцию первичного единства «я» и «мы» (коллектива), которую трудно, однако, понять, если не апеллировать к некоей мистической связи людей. И философ прибегает к этому. «В основе общения, — пишет он, — лежит некое мистическое, сверхприродное всеединство. Общество... приводится в движение скрытой силой некоего первичного духовного организма, лежащего в его основе. Этот первичный духовный организм есть богочеловечество, слитность человеческих душ в Боге»⁷.

⁷ Там же. С. 355–356.

Как нам представляется, позиция Франка о соотношении свободы личности и солидарности противоречит духу христианского учения: ведь в евангелическом христианстве высшей ценностью провозглашается спасение и совершенствование человеческой души, а не общность (или коллектив). Другими словами, высшей моральной ценностью считаются личность, ее нравственная свобода. Но отсюда, как говорится, рукой подать к свободе правовой, социальной (которая рассматривается как условие реализации свободы моральной). Именно таков ход мыслей многих представителей школы так называемого естественного права. Хотя наряду с христианскими мыслителями в этой школе много философов, дающих обоснование политической и правовой свободы с чисто рациональных светских позиций. Такова позиция и Канта, у которого принцип моральной автономии личности нашел наиболее углубленную разработку. Но Франк не принимает последней, упрекая, будто его «категорический императив» в теории морали носит чисто формальный характер: он якобы требует лишь соблюдения долга ради долга. Кант, подчеркивает Франк, «хочет вывести содержание нравственного идеала из его общей формы как должного вообще»⁸. Тут философ ошибается: категорический императив имеет не только формальную, но и содержательную сторону, в которой фиксируется как высший нравственный идеал требование моральной автономии личности. Но Франк этого

⁸ Там же. С. 256.

«не замечает»: видимо, он слабо верит в разумную нравственную природу человека (из которой, собственно, и вытекает требование моральной свободы личности).

Посмотрим теперь, как Франк понимает политическую свободу. Он высоко ценит так называемые гражданские свободы личности (неприкосновенность личности, свободу верования, частную собственность и т. д.). Но в то же время сильно недооценивает такие свободы, как права человека и демократические принципы государственного устройства. Он говорит: права человека развязывают в личности анархические страсти. «Когда человек последовательно и неустрашимо хочет быть неограниченным и самовластным хозяином своей

⁹ Там же. С. 378.

жизни, он оказывается рабом своих страстей, которые не утверждают и развивают, а разрушают и губят его жизнь»⁹.

Франк не принимает и принцип народного суверенитета, считая, что последний подрывает единство общества или даже в конечном счете ведет к деспотии народа: «Вопреки отвлеченной доктрине демократизма, требующей господства всех или большинства, во всяком обществе независимо от принципов, которые

¹⁰ Там же. С. 394.

оно исповедует, роковым образом меньшинство властвует над большинством»¹⁰. Франк выступал за политический

режим полудемократического толка, представляющего собой дуалистическую систему конституционной монархии, «в которой воля монарха как представителя традиционного национального единства сотрудничает с общественным

¹¹ Там же. С. 412.

мнением, с волей общества в лице его свободно избранных представителей»¹¹. Поставить же в центр политического

идеала волю общества Франк отказывается.

Фактически философ не хочет признать, что при наличии определенных общественных условий люди способны не только добровольно соблюдать принцип служения, транслируемый политическим авторитетом (Франк всячески подчеркивает, что власть должна опираться на моральные принципы). При надлежащей организации власти и общества индивиды готовы к активному участию в принятии политических решений и контролю за их осуществлением. Об этом говорит опыт развитых демократий, изображенных Франком, как правило, с отрицательной стороны.

Другим важным принципом социально-политического идеала для него является принцип солидарности с любовью в центре к другим людям: «Великий нравственный принцип любви к ближнему... есть незыблемая и вечная

¹² Там же. С. 385.

основа, без которого невозможно никакое общество»¹².

Представляется, что Франк расширительно толкует содержание солидарности, сводя его только к моральному принципу. В политической жизни принцип солидарности должен соблюдаться не только по моральным соображениям (то есть бескорыстно и добровольно), но и по соображениям утилитарного свойства (польза, интерес). Что касается обоснования, то Франк его выводит из принципа служения: людям невозможно его осуществить без надлежащей степени сотрудничества и взаимного доверия. Конечно, принцип солидарно-

сти вытекает из морали совершенствования личности. Однако последнее надо понимать в смысле скорее Канта, а не Франка, который делает односторонний акцент на обязанностях личности.

Перейдем теперь к рассмотрению принципа равенства в философии Франка, который он понимает как формальное равенство людей перед законом, хотя в начале своего творчества делал уступки принципу сословности. «Начало сословности, то есть наследственности служения и социального положения при всех социальных опасностях, которые с ним могут быть связаны и при всей легкости его социального вырождения, в принципе содержит правильную, онтологически адекватную социальную идею»¹³. Но впоследствии философ отказался от этого положения. В книге «Свет во тьме» (1944) Франк отмечал, что среди достижений европейской культуры имеется принцип «равноправия всех людей вне различия классов и рас»¹⁴. К признанию социального равенства как равенства возможностей мыслитель так и не пришел. Что же касается обоснования принципа равенства, то здесь можно согласиться с Франком: оно следует из принципа служения. Поскольку люди равны перед Богом (то есть равны морально), они должны быть равны и перед законом.

Подведем некоторые итоги о содержании концепции Франка. Прежде всего отметим, что религиозно-нравственные принципы совершенствования личности и любви к другим людям не могут стать непосредственным руководством к политическому действию. Конфликты интересов, которые неизбежны в общественных отношениях, регулируются в первую очередь правовым принципом справедливости (свободы и равенства), а не принципом братской любви. В общественной жизни мы встречаемся с принуждением (легитимного характера), осуществляемым большинством над меньшинством, если оно отклоняется от соблюдения норм справедливости. Принцип любви в таких ситуациях, естественно, неприменим. Это не означает, конечно, что правовые принципы не имеют морального содержания. Но это, повторимся, не принципы личной морали, понимаемой как мораль совершенствования, — это принципы социальной морали, где мы встречаемся с моралью справедливости. Таким образом, на уровне естественного права мы имеем дело с принципами смешанного, морально-правового свойства, но не с принципами любви. Итак, политический идеал братской любви, который философ хочет представить как ведущий принцип политики, является утопическим по своему характеру.

Второе основное возражение Франку заключается в следующем: принцип служения является руководством к действию не только для отдельных индивидов или обществ, но и для государства. «Верховная власть, — пишет он, — есть не приказчик человеческого коллектива, а по самому существу своему слуга Божий, блюститель правды»¹⁵. Такое суждение Франка чревато большой опасностью для свободы. Дело в том, что из благих побуждений такое государство, претендующее (в силу характера принципа) на непогрешимость, начинает

¹³ Там же. С. 413.

¹⁴ С. Л. Франк. Духовные основы общества. М., 1992. С. 466.

¹⁵ С. Л. Франк. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. С. 412.

насаждать обществу нетерпимость к другим взглядам и в конце концов, располагая силой, может стать деспотическим. Если власть хочет подчинить себе гражданское общество — для нее нет необходимости претендовать на руководство Церковью. Так что слова Франка «не мыслима государственная организация веры, мысли, мировоззрения» не спасают общество от идеократической опасности. Идеальный монизм в любой его форме, светской или религиозной, представляет угрозу для свободы личности. Удивительно, что мыслитель этого не замечает.

Таким образом, попытки обоснования политических принципов с христианских позиций, предпринятые Франком, следует признать неудачными. Нет необходимости подчеркивать, что они выдержаны скорее в консервативном, чем в либеральном, духе. Поэтому никак нельзя поддержать концепцию, в

¹⁶ См. Т. И. Зайцева. В защиту русского либерализма. — «Полис». 2006. № 1.

которой мыслитель предстает в роли одного из основоположников «русского либерализма», понимаемого как либерализм с консервативной окраской¹⁶. В частности, исходя

из несостоятельного тезиса, будто настоящий либерализм может быть только консервативным, Т. И. Зайцева защищает основные принципы общественно-политического идеала у Франка. Она фактически повторяет все основные положения его политической концепции. Чего стоит, например, такое утверждение: «Западный либерализм, встав на путь секуляризации, обрек человека на монадизацию и тем самым обезличил его; ведь личность — это целое, а целую личность делает только связь с трансцендентным...» Развивая эту мысль, Зайцева пишет: «Различия в трактовке личности предопределили и различие в понимании свободы. Если западный либерализм делает акцент на правовых или внешних аспектах, то для русского важнее ее внутреннее, метафизическое измерение»¹⁷.

¹⁷ Там же. С. 181—382.

Цитата нуждается в комментарии. Во-первых, ее автор (и не только она одна) хочет сказать, что для западного либерализма моральный аспект свободы личности второстепенен по сравнению с правовым. Однако это абсолютно не так: в идеале правовая свобода служит лишь инструментом обеспечения моральной свободы. Во-вторых, высшие морально-религиозные принципы не могут стать основой политической жизни. Зайцева считает, что Франк нашел формулу примирения двух начал: коллективизма и индивидуализма, которые, повторяет она за Франком, «утверждаются в третьем, подлинном, первично-абсолютном начале — Боге»¹⁸. Доказать же этот тезис исследователь не может.

¹⁸ Там же. С. 181.

Далее Зайцева утверждает: даже такие философы, как Б. Н. Чичерин и П. И. Новгородцев, выступали за равновесие принципов свободы и солидарности. С этим трудно согласиться: текстуального подтверждения этой мысли мы не находим. Столь же сомнителен и решительный вывод, к которому приходит Зайцева: в России бесперспективен «либерализм в западной упаковке»¹⁹. Это очень смелое утверждение, если под «упаковкой» имеются в виду универсальные принципы либерализма: индиви-

¹⁹ Там же. С. 182.

дуальная свобода, равенство, идейно-политический плюрализм и др. Кстати, отметим, что у Франка мы не находим и намека на принадлежность принципов нового общества, которые он защищает и обосновывает, к русским, американским, французским и т. д. Философ — универсалист, а не партикулярист, каким его хочет представить Т. И. Зайцева. Он прямо говорит: вытекающие из онтологической природы общества основные нормативные принципы общественной жизни по своему существу вечны и универсальны²⁰.

²⁰ См. С. Л. Франк. Духовные основы общества. Введение в социальную философию. С. 312.

К позиции Франка в толковании содержания социально-политического идеала и его обосновании с христианской точки зрения присоединяется И. А. Ильин. На характеристике его концепции остановимся лишь вкратце. Прежде всего Ильин солидарен с Франком в следующем: в своей деятельности государство должно в конечном счете исходить из религиозной правды: «Без высшего и последнего безусловно руководящего смысла — государственность обречена на вырождение, но такой смысл открывает именно религия... Не государство поведет религию, куда ему нужно, но религия укажет государству, куда и как оно должно идти»²¹.

²¹ И. А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 4. С. 395.

Заметим, Ильин и не пытается обосновать это положение философски: для него оно очевидно. Но эта очевидность прослеживается лишь в случае верующего человека, и в этом смысле Ильин недалеко ушел от Франка: высший нравственно-религиозный принцип политики основан у него на религиозном авторитете.

Следуя этому принципу государство, по Ильину, вместе с тем должно руководствоваться ценностями естественного права, в котором он особо выделяет права человека и признает их приоритет. В этом пункте Ильин отличается от Франка. Целую главу своей крупной работы «Сущность правосознания» (1919) он посвящает характеристике и обоснованию естественного права. Мыслитель рассматривает его и как право, выражающее «существенную природу духовной жизни», и как право вечное, потому что оно сохраняет свое значение «для всех времен и народов», и как право неотчуждаемое, «потому что всякое умаление или попрание его извращает духовную жизнь и унижает достоинство человека». Естественное право, продолжает Ильин, «принадлежит каждому человеку, как бы ни был он мал, болен или плох»²².

²² Там же. С. 197.

Трудно выразить дух естественного права лучше.

В своем обосновании принципов естественного права философ, с одной стороны, исходит из автономии морального духа человека, с другой — утверждает, что эти принципы необходимы для достижения абсолютного блага, предписываемого Богом. «Обосновать право, — пишет он, — значит показать, что основные законы бытия человеческого духа таковы и сущность верховного блага такова, что право как объективно-обязательное правило внешнего поведения является необходимой формой их встречи»²³. Таким образом, в обосновании естественного права Ильин исходит как из разумно-нравственной природы человека, так и из веры в Бога (верховное благо). В конечном счете он считает, что естественное право вытекает из нравственных требований.

²³ Там же. С. 188.

Политическая концепция Ильина не лишена противоречий. По его мнению, с одной стороны, государству следует руководствоваться верховным религиозным благом, с другой — оно должно следовать естественному праву. «Именно естественное правосознание, — пишет он, — как предмет знания о самом настоящем едином праве должно лежать в основании всякого суждения о праве»²⁴. Тут, однако, философ впадает в противоречие с собой. Ведь в первом случае на переднем плане стоит мораль личного совершенствования и любви, а во втором — принципы права и справедливости. Применительно к философии Франка мы выше уже продемонстрировали, что обе сферы — личной морали и естественного права — суть различны, то есть регулируются разными принципами.

Рассмотрим теперь кратко, как Ильин понимает содержание (существо) политических принципов. В этом отношении он стоит далеко не на высоте с точки зрения последовательно-демократических требований. Он явно недооценивает принципы либеральной демократии. Во-первых, его не устраивает идейный плюрализм, который он хочет заменить идейным монизмом, основанным на абсолютном христианском идеале. Во-вторых, он критически отзываясь о представительном начале — таком, каковым оно выглядит в современных западных демократиях (парламент, сформированный на партийной основе, принцип народного суверенитета и т. д.). «Государственная власть, — пишет Ильин, — всегда и безусловно должна иметь аристократический характер; это первое основное требование, предшествующее всем остальным». В противоположность парламентской демократии Ильин выдвигает идеал демократии корпоративного типа: вверху — абсолютная монархическая власть, внизу — самоуправляемые общности (классового, профессионального и культурного типов). Философ решительно заявляет: «Мы не можем мыслить государство по трафарету западной демократии как

²⁴ И. А. Ильин. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 7. М., 1998. С. 495.

общение интереса и равновесия конкурирующих классов. Мы мыслим его как общение братского служения, как единение веры, чести и жертвенности»²⁵. Он полагает,

что в отношениях между верхами и низами решающее значение должна иметь морально-религиозная связь, поэтому делает заключение: «Послед-

²⁵ И. А. Ильин. Собрание сочинений. Т. 4. С. 394.

ний корень здорового правосознания имеет религиозную природу»²⁶. Кроме того, надеется на морально-

религиозное преобразование общества, способного привести к новой, истинной государственности. Не утопия ли все эти соображения Ильина?

Резюмируя, отметим, что Ильин, как и Франк, преувеличивает роль христианской морали, непомерно раздвигая ее границы, распространяя действие этих принципов на сферу государственной жизни. Это во-первых. А во-вторых, более, чем Франк, философ недооценивает демократические принципы. В итоге его идеал прав человека повисает в воздухе.

Проблема взаимодействия христианства и политики в русской философии либерально-социалистического толка

Теперь обратимся к характеристике социально-политического идеала в философии Г. П. Федотова (1886—1951) и Ф. А. Степуна (1884—1965). Подобно Франку и Ильину, оба видели основную причину политического кризиса, охватившего Европу в 1920-е годы, в падении авторитета либеральных идей, которым они начали искать надежную альтернативу. Кроме того, Федоров и Степун полагали, что общественно-политический мир должен быть перестроен на основе христианской правды. На этой позиции они стояли на протяжении всей своей творческой жизни, хотя менялись конкретные планы претворения ее в жизнь: в начале пути они отвергали главные идеи либеральной демократии, а в конце его подошли к ним вплотную.

Для характеристики их первоначальной позиции весьма показательна статья Г. Федотова «Основы христианской демократии» (1932). В ней философ противопоставляет либеральной демократии, опирающейся на принципы справедливости (свободы и равенства) со всеми вытекающими последствиями — признание приоритета прав человека, общественного договора между властью и народом, разделение властей и др. — демократию соборного типа. Последнюю он представляет следующим образом. «Идеал соборности есть организация любви — по образцу идеального семейного и дружеского общения, где повинуются свободно, где властвующие не властвуют, но служат всем и находят основу своего служения в общем признании. Начало соборности означает органическое равновесие личности и общества, оно само по себе уже обеспечивает личность от поглощения коллективом, которое угрожает ей в царстве чистой и языческой демократии»²⁷. Итак, мы видим: для Федотова принцип любви в политике представляется более важным, чем принцип права (общественного согласия на основе справедливости).

²⁷ Г. П. Федотов. Основы христианской демократии. — «Новый град» (Париж). 1934. № 8. С. 10—11.

Идеи Степуна очень похожи на подобные мысли Федотова. Он заявляет: современный западноевропейский парламентаризм «представляет собой вырождение свободы»²⁸, он идейно выдыхается и т. д. Имеют место и небольшое различие во взглядах философов (Степун говорит не о «равновесии общности и личности», а о «признании абсолютного значения всякой человеческой личности»), и общее для обоих авторов — их идея о решающей роли принципа религиозной истины, то есть любви к Богу и человеку, в общественно-политической жизни. «Дух христианской политики, — пишет Степун, — есть дух свободы, дух освобождения через истину»²⁹, которую он понимает в нравственно-религиозном плане.

²⁸ Ф. А. Степун. Чаемая Россия. СПб., 1999. С. 60.

²⁹ Там же. С. 251.

Как видим, Федотов и Степун исходят из религиозной правды (как это делали Франк и Ильин). Но, в отличие от последних, они считали: христиан-

ской правдой в политике должно руководствоваться не государство, а частные лица — миряне. Таким образом, речь шла о христианизации общества, а не о власти.

³⁰ Г. П. Федотов. Основы христианской демократии. С. 2. Федотов был решительным противником государственной веры³⁰. Степун же отмежевывается от таковой:

«Защищая религиозно-метафизическое углубление политики, я защищаю его как убежденный и, думается, последовательный демократ. Это значит, что я определенно и до конца отклоняю всякую идеократию коммунистического, фашистского, расистского или евразийского толка, то есть всякое насильствие

³¹ Ф. А. Степун. Чаемая Россия. С. 60. народной жизни, институционально закреплённое верховными идеями»³¹.

Обоснование как принципа абсолютной правды, так и принципов свободы и равенства Федотов и Степун видят в христианском учении. «Политика, — отмечал Федотов, — есть искусство воплощения морального идеала в

³² Г. П. Федотов. Ответ Н. А. Бердяеву. — «Новый град» (Париж). 1933. № 7. С. 82. социальную действительность. Я говорю, конечно, об идеальной, очищенной политике — в системе христианской культуры»³². Высшие принципы политики — нравственное

совершенствование человека и любовь к другим людям, свободу, социальную справедливость — оба философа считают принципами универсальными, то есть имеющими общечеловеческий характер. Солнце свободы, по Федотову, впервые встало над Западной Европой. Но, восходя с Запада, оно постепенно проникает на Восток. «Если... солнце свободы в противоположность астрономическому светилу восходит с запада, то мы все должны

³³ Г. П. Федотов. Судьба и грехи России. Т. 2. СПб., 1992. С. 327. серьезно задуматься о путях и возможностях его проникновения в Россию»³³. Эта позиция Федотова и Степуна вы-

держана вполне в духе христианства, для которого нет «ни эллина, ни иудея», а есть человек, разумное Божье создание.

Подведем краткий итог. Общественно-политический идеал Федотова и Степуна в значительной степени отличается от аналогичного идеала Франка и Ильина. У двух первых сильнее звучат мотивы свободы и равенства, но им свойственна неверная утопическая идея: исхода в политике из христианских принципов любви, а не из принципов права (справедливости).

На основании изложенного выше мы полагаем, что понятие христианской демократии есть, по существу, противоречие в определении. Сфера применения христианских принципов в общественно-политической жизни современного «большого» общества весьма ограничена. Они применимы прежде всего в сфере межличностных отношений, а не в отношениях косвенных, формальных. Таким образом, еще одну попытку обосновать общественно-политический идеал, в основе которого лежит христианский принцип правды, следует считать неудачной.

Хмурый сентябрь 1983 года

Заявление Ю. В. Андропова от 28 сентября 1983 года — документ весьма примечательный в новейшей истории Отечества. Примечателен и исторический контекст этого события.

Силы ПВО на Дальнем Востоке уничтожили 1 сентября 1983 года самолет южнокорейской авиакомпании, выполнявший полет по маршруту Нью-Йорк—Сеул. Самолет вошел в воздушное пространство СССР в районе Камчатки и около Сахалина был сбит советским истребителем. Из 246 пассажиров и 23 членов экипажа не выжил никто. Что заставило пилотов отклониться от курса примерно на 500 километров, так и осталось неизвестным. Было ли это роковой ошибкой летчиков или спецоперацией американской разведки (самолет как раз пролетел над закрытыми районами) — проблема, дискутируемая и по сей день.

В лучших традициях отечественного агитпропа советское руководство отрицало свою причастность к гибели самолета. Только 6 сентября власти официально признали, что «Боинг» был сбит. В результате все это привело к первому серьезному после Карибского кризиса похолоданию отношений между двумя сверхдержавами.

Политика «разрядки» к концу 1970-х годов была свернута. Это стало неизбежным: слишком разный смысл вкладывали в нее СССР и страны Запада. Для США и их союзников разрядка представлялась как признание одной стороной сложившегося после Второй мировой войны положения вещей из расчета в ответ получить от Восточного блока отказ от активности в других регионах. СССР же видел свои обязательства в том, чтобы не вмешиваться во внутренние дела западных стран. Несовпадение ожиданий и реальных шагов сторон играло серьезную роль в отказе от политики разрядки.

Как известно, ОСВ-1 (1972) ограничивал для обеих сторон число межконтинентальных ракет и ракет, запускаемых с подводных лодок. В ноябре 1974 года Дж. Форд и Л. И. Брежнев договорились заключить новое соглашение (будущий ОСВ-2), по которому предполагалось охватить большее число видов вооружений (стратегические бомбардировщики, разделяющиеся боеголовки). Это стало бы значительным шагом вперед, однако договор не был заключен, как предполагалось, в 1977 году главным образом в результате очередного «рывка»

американской технологии, создавшей новый тип вооружений, который произвел настоящую революцию в этой области, — крылатые ракеты. Имея на руках такой козырь, американцы отказались включить новый вид оружия в будущий договор. Неудивительно, что СССР попытался дать ответ: было принято решение установить в европейской части страны ракеты средней дальности «СС-20», также не попавшие в готовящийся ОСВ-2.

И хотя в 1979 году в Вене Л. И. Брежнев и Дж. Картер подписали ОСВ-2, судьба его уже была предрешена. Началась война в Афганистане, в декабре сессия НАТО приняла решение разместить в Западной Европе ракеты, аналогичные советским «СС-20», кроме того, страны Запада решили бойкотировать Олимпиаду 1980 года в Москве. Победивший на выборах республиканец Р. Рейган был преисполнен решимости вернуть США, как он считал, утраченные в результате вьетнамской войны, разрядки и провала в Иране позиции.

Пришедший к власти Ю. В. Андропов прекрасно понимал тяжесть бремени гигантской военной машины, созданной в 1970-е годы; он ясно осознал необходимость реформ, а потому попытался договориться с Вашингтоном. Андропов предложил сократить число «СС-20» в Европе до 162 (примерно столько же было у Великобритании и Франции), остальные — переместить на азиатскую часть территории СССР. США, во-первых, не поверили, решив, что СССР ничто не помешает вернуть свои ракеты в Европу, а во-вторых, они полагали, что ядерное оружие в Азии создало бы там крайне нестабильную ситуацию. Тем не менее, надеясь спасти переговоры от провала, 26 августа 1983 года Андропов объявил, что Советский Союз готов ликвидировать все «СС-20», превышающие число французских и британских ракет, отказавшись от их перемещения в восточную часть страны. Но полет южнокорейского самолета перечеркнул этот шаг. В ноябре СССР прервет все переговоры по ракетам средней дальности и обычным вооружениям в Европе, а через полгода бойотирует Олимпийские игры в Лос-Анджелесе.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Коммунистическая партия Советского Союза

КОММУНИСТ

Издается с апреля 1924 года. До октября 1952 года выпускался под названием «Большевик»

Теоретический и политический журнал
Центрального Комитета КПСС

ВЫХОДИТ ОДИН РАЗ В 20 ДНЕЙ ★ № 15 (1241) ОКТЯБРЬ 1983

ЗАЯВЛЕНИЕ

Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. АНДРОПОВА

Советское руководство считает необходимым довести до сведения советских людей, других народов и всех тех, кто ответствен за определение политики государств, свою оценку курса, проводимого в международных делах нынешней администрацией США.

Если говорить коротко, то это — милитаристский курс, представляющий серьезную угрозу миру. Суть его — не считаясь с интересами других государств и народов, попытаться обеспечить Соединенным Штатам Америки доминирующие позиции в мире.

Именно этим целям подчинены невиданное наращивание военного потенциала США, широкомасштабные программы производства всех видов оружия — ядерного, химического, обычного. Безудержную гонку вооружений планируется ими распространить теперь и на космос.

Под всякими надуманными предложениями расширяется американское военное присутствие за тысячи километров от территории США. Создаются плацдармы для прямого вмешательства с помощью вооруженной силы в дела других государств, использования американского оружия против любой страны,

отвергающей диктат Вашингтона. В результате возросло напряжение во всех районах мира — в Европе, Азии, Африке, на Ближнем Востоке, в Центральной Америке.

В реализацию этих опасных планов Вашингтона все больше втягиваются другие страны НАТО. Мало того, прилагаются усилия возродить японский милитаризм и подключить его к военно-политической машине этого блока. Делая это, стараются заставить людей забыть уроки прошлого.

Народы судят о политике того или иного правительства прежде всего по его действиям. Поэтому, когда президент США с трибуны ООН высокопарно заявляет о приверженности делу мира, самоопределения суверенитета народов, эти декларативные заявления никого не могут убедить.

Если у кого-то и были иллюзии насчет возможности эволюции в лучшую сторону политики теперешней американской администрации, то события последнего времени окончательно их развеяли. Ради достижения своих имперских целей она заходит так далеко, что нельзя не усомниться: существуют ли у Вашингтона вообще какие-то тормоза, чтобы не перейти черту, перед которой должен остановиться любой мыслящий человек.

Примером крайнего авантюризма в политике является и изощренная провокация, организованная спецслужбами США с использованием южнокорейского самолета. Фактическая сторона этой акции освещена нами обстоятельно и достоверно. Вина ее организаторов — как бы они ни изворачивались, какие бы фальшивые версии ни выдвигали — доказана.

Советское руководство выразило сожаление в связи с человеческими жертвами, которые явились результатом этой беспрецедентной преступной диверсии. Они — на совести тех, кто хотел бы присвоить себе право не считаться с суверенитетом государств и неприкосновенностью их границ, кто задумал и осуществил эту провокацию, кто буквально на следующий день поспешил протолкнуть через конгресс колоссальные военные ассигнования и теперь потирает руки от удовлетворения.

Итак, «гуманизм» деятелей, которые тщатся переложить на других вину за гибель находившихся на борту самолета людей, оборачивается новыми горами оружия массового уничтожения — от ракет «МХ» до контейнеров с нервно-паралитическим газом.

В стремлении как-то обосновать свою опасную человеконенавистническую политику они же нагромождают горы клеветы на Советский Союз, социализм как общественный строй, причем тон задает сам президент США. Надо прямо сказать — неприглядное это зрелище, когда, задавшись целью очернить советский народ, руководитель такой страны, как США, прибегает чуть ли не к площадной брани вперемежку с фарисейскими проповедями насчет морали и человечности.

Цену подобному морализированию мир хорошо знает. Во Вьетнаме мораль, как ее понимают деятели в Вашингтоне, внушали с помощью напалма и ядохимикатов, в Ливане ее вколачивают залпами корабельных орудий, в Саль-

вадоре эту мораль внедряют геноцидом. И этот перечень преступлений можно продолжить. Так что и о моральной стороне политики США нам есть что сказать — как вспоминая историю, так и говоря о сегодняшнем дне.

Теперь в Вашингтоне вместе с моралью попирают и элементарные правила приличий, проявляя неуважение не только к государственным деятелям и государствам, но и к Организации Объединенных Наций. Напрашивается вообще вопрос: может ли международная организация, призванная поддерживать мир и безопасность, находиться в стране, где насаждается разнузданный милитаристский психоз и наносятся оскорбления доброму имени этой организации?

Под прикрытием антикоммунизма претенденты на роль вершителей судеб мира стараются насаждать угодные им порядки повсюду, где они не получают отпор.

Концепции, которыми пытаются обосновать такой образ действий, сами по себе не заслуживали бы внимания, если бы не тот факт, что они проповедаются руководителями крупной державы — и не просто проповедаются на словах, а осуществляются на практике.

Перенос идеологических противоречий в сферу межгосударственных отношений никогда не приносил ничего хорошего тому, кто во внешних делах прибегал к этому. Сейчас же (в ядерный век) это просто абсурдно и недопустимо. Превращение противоборства идей в военное противоборство обошлось бы слишком дорого для всего человечества.

Но те, кто ослеплен антикоммунизмом, по-видимому, не в состоянии задуматься над этим. Начав с пугала «советской военной угрозы», дошли сейчас до объявления «крестового похода» против социализма как общественной системы. Людям стараются внушить мысль, что социализму вообще нет места в мире. Правда, не договаривают, что речь идет о мире, каким его желал бы видеть Вашингтон.

Но желания и возможности — далеко не одно и то же. Повернуть ход истории вспять не дано никому. СССР, другие социалистические страны будут жить и развиваться по своим законам — законам самого передового социального строя.

За шесть с половиной десятков лет своего существования Советское государство успешно прошло через многие испытания, в том числе суровые. Те, кто покушался на целостность нашего государства, его независимость, на наш строй, оказались на свалке истории. Пора бы понять всем, к кому это относится, что безопасность нашей страны, безопасность наших друзей и союзников мы сумеем обеспечить при любых условиях.

Советские люди могут быть уверены — обороноспособность нашей страны находится на таком уровне, что никому не советовали бы устраивать пробу сил.

Со своей стороны мы такой пробы сил не ищем. Нам чужда сама мысль об этом. Благополучие нашего народа, безопасность Советского государства мы не отделяем, а тем более не противопоставляем благополучию и безопасно-

сти других народов, других стран. В ядерный век нельзя смотреть на мир через щель узких эгоистических интересов. У ответственных государственных деятелей выбор один — делать все для предотвращения ядерной катастрофы. Всякая иная позиция близорука, более того — самоубийственна.

У советского руководства не возникает вопроса, какой линии следовать в международных делах и в нынешней острой обстановке. Наш курс по-прежнему нацелен на сохранение и упрочение мира, разрядку напряженности, обуздание гонки вооружений, на расширение и углубление сотрудничества между государствами. Такова неизменная воля Коммунистической партии Советского Союза, всего советского народа. Таковы, убеждены, и чаяния всех народов.

Конечно, злобные нападки на Советский Союз вызывают у нас естественное чувство негодования, но нервы у нас крепкие, а политику свою мы строим не на эмоциях. В основе ее лежат здравый смысл, реализм, глубокая ответственность за судьбы мира.

Мы исходим из того, что человечество не обречено на гибель. Гонке вооружений должен и может быть положен конец. Человечество заслуживает лучшей участи, чем жить в разорванном конфликтами мире, задыхаясь под бременем смертоносного оружия.

Выдвигая далеко идущие предложения насчет ограничений и сокращений ядерных вооружений — как стратегических, так и средней дальности в Европе, мы заботимся о безопасности не только СССР, государств социалистического содружества, но и всех других стран.

Что же касается политики США, то ее возрастающая милитаризация проявляется и в нежелании вести сколько-нибудь серьезные переговоры, договариваться по вопросам обуздания гонки вооружений.

Вот уже два года идут советско-американские переговоры по острейшей проблеме — сокращения ядерных вооружений в Европе. Позиция советской стороны имеет своей целью нахождение взаимоприемлемых решений на честной, справедливой основе решений, не ущемляющих ничьих законных интересов. В то же время за эти два года стало ясно: наши партнеры по переговорам в Женеве находятся там отнюдь не для достижения договоренности. Задача у них другая — тянуть время, а затем приступить к размещению в Западной Европе баллистических ракет «Першинг-2» и крылатых ракет большой дальности. Этого они особенно и не скрывают.

Они лишь прикрываются рассуждениями о некоей гибкости США на переговорах в Женеве. Только что очередная порция такой «гибкости» материализовалась. И на этот раз стал ясен заложенный обман. Если оставить в стороне детали, то суть так называемого нового хода в американской позиции, рекламируемого как «превосходный», сводится к предложению договариваться по-прежнему об одном: сколько сокращать советских ракет средней дальности и сколько размещать в Европе новых американских ракет в дополнение к ядерному потенциалу, который уже имеет НАТО?

Короче, нам предлагают вести разговор о том, как помочь блоку НАТО сломать к его выгоде существующий в европейской зоне баланс по ядерным средствам средней дальности. И вот этот ход, не моргнув глазом, выдают за нечто новое.

С вашингтонского мостика операция по установке в Европе этих американских ядерных ракет смотрится как предельно простая и максимально выгодная для США — выгодная за счет Европы. Европейские союзники США рассматриваются в качестве заложников. Откровенная политика, но циничная. Но вот что действительно непонятно: задумываются ли над этим европейские политические деятели, которые, пренебрегая интересами своих народов, интересами мира, помогают осуществлению амбициозных милитаристских планов администрации США?

Здесь не должно быть места для недоговоренности. Если вопреки воле большинства населения западноевропейских стран американские ядерные ракеты появятся на европейском континенте — это будет враждебный делу мира шаг принципиального масштаба со стороны руководителей США и действующих заодно с ними деятелей других стран НАТО.

Не видим мы у американской стороны желания по-настоящему заниматься и решением проблемы ограничения, а также сокращения стратегических вооружений. Сейчас в американской столице заняты другим: ставят на конвейер производство все новых систем и этих вооружений. А на подходе такие их виды, которые вообще в корне могут перевернуть представление о стратегической стабильности и самой возможности эффективного ограничения и сокращения ядерных вооружений.

Добрую волю Советского Союза, его желание договариваться никому не следует принимать за признак слабости. На любую попытку сломать сложившийся военно-стратегический баланс Советский Союз сумеет дать надлежащий ответ, и его слово с делом не разойдется.

Но мы — принципиальные противники соревнования в производстве и накоплении оружия массового уничтожения. Это не наш путь. Он не может привести к решению ни одной проблемы, которые стоят перед человечеством: экономического развития государств, сохранения окружающей среды, создания просто элементарных условий жизни людей, их питания, здоровье, образования.

Высвобождение материальных ресурсов, бессмысленно растрачиваемых на гонку вооружений, раскрытие неисчерпаемых творческих возможностей человека — вот что может объединить людей, вот что должно определять политику государств на рубеже XX и XXI веков. Чтобы все это осуществилось, требуется остановить силы милитаризма, совместными усилиями удержать мир от сползания в пропасть.

Все народы, каждый житель нашей планеты должны осознать грозящую опасность. Осознать, чтобы объединить свои усилия в борьбе за собственное существование.

Человечество не потеряло и не может потерять разум. Это со всей силой проявляется и в широте размаха антиракетного, антивоенного движения, развернувшегося на европейском и других континентах, — движения, в котором участвуют люди разной социальной, политической, религиозной принадлежности.

Все, кто поднимает сегодня голос против безумной гонки вооружений, в защиту мира, могут быть уверены: на достижение именно этих целей направлена политика Советского Союза, других социалистических стран. СССР желает жить в мире со всеми странами, в том числе и с США. Он не вынашивает агрессивных планов, никому не навязывает гонку вооружений, никому не навязывает своих социальных порядков.

Наши помыслы и устремления воплощаются в конкретных предложениях, направленных на то, чтобы добиться решающего поворота к лучшему в международной обстановке. Советский Союз будет и впредь делать все возможное, чтобы отстоять мир на земле.

На пороге века нестабильности

Размышления и пророчества «алхимика финансов»

В апреле этого года Джордж Сорос закончил свою последнюю книгу, которая молниеносно появилась на прилавках книжных магазинов. В свете последних событий — мирового финансового кризиса и непрекращающихся крахов крупнейших американских кредитных учреждений* — ее название звучит более чем актуально: «Новая парадигма для финансовых рынков. Кредитный кризис 2008 года и его суть»¹. И так, ни выбор темы, ни (смею надеяться) имя автора не нуждаются в комментариях, а потому позволю себе не затягивать введение и обратиться непосредственно к разговору о содержании нового (уже десятого по счету) соросовского текста.

Можно по-разному относиться к личности и деятельности Дж. Сороса. Можно долго муссировать презрительную оговорку автора, рассуждающего в новой книге о перспективах мировой экономики: «Я не говорю о России, поскольку я не желаю туда инвестировать» (Р. 133). Но при всем при этом невозможно отрицать и присущей Дж. Соросу способности мыслить глубоко и масштабно, которая в полной мере проявляется и в его новой книге. Посвященный анализу глубинных причин и последствий мирового финансового кризиса, этот текст вместе с тем закономерно представляется автором как обоснование необходимости принципиально новых философских подходов к оценке глобальных проблем мира и человечества. Собственный метод Дж. Сорос именуется созданным им английским словом «reflexivity», суть которого определяется следующим образом: «Понятие “reflexivity” используется в логике для определения отношения объекта к себе самому. Я же применяю его в несколько ином смысле — для того, чтобы описать взаимосвязь между мышлением субъектов и ситуацией, в которой они действуют» (Р. 8).

По мнению автора, ситуация меняется столь стремительно, а комплекс факторов, влияющих на события, прирастает столь быстро, что все прежние стереотипы мышления, прежде всего экономического, оказываются слишком

ИВАНОВ Павел Иванович — кандидат исторических наук.

* В день, когда писались эти строки, появилась информация о банкротстве еще одного финансового «монстра» — банка «Washington Mutual», занимавшего шестое место в списке крупнейших кредитных учреждений США. Судя по всему, ему едва ли суждена участь последней жертвы.

¹ J. Soros. The New Paradigm for Financial Markets. The Credit Crisis of 2008 and What It means. N. Y., «Public Affairs», 2008. 166 p. Далее при цитировании издания ссылки на страницы даются в тексте статьи.

громоздкими и статичными. Более того, обесцениваются философские принципы, со времен Просвещения определяющие характер теоретического мышления как такового, ибо суть их состоит в преклонении перед теорией, жестком размежевании теоретического мышления, с одной стороны, и практических действий, предпринимаемых на основе предложенных им рецептов, с другой. В итоге теоретические представления обречены постоянно плестись в хвосте жизни и слишком часто не помогают, а мешают практической деятельности (Р. 25–50).

Крайне существенной представляется идея, неоднократно повторенная Соросом. По его мнению, все существующие научные теории (в том числе экономические) исходят из действий людей, которые руководствуются рациональными мотивами, прошедшими проверку практикой (в ряду этих заблуждений и знаменитое марксистское «практика — единственный критерий истины»). На самом деле, однако, такая точка зрения, восходящая к декартовской концепции человека как «мыслящего существа» и доведенная до логического завершения философами-просветителями, не имеет под собой почвы. Ибо (и Сорос раз за разом показывает это на все более красноречивых примерах) в своих действиях люди ориентируются на собственные субъективные впечатления.

Одним из важнейших следствий старой парадигмы автор считает тот самый «рыночный фундаментализм» (Р. 91 ss), который между прочим активно навязывался России и странам Восточной Европы в печально памятные 1990-е годы. Воспринятая из учения А. Смита, концепция рыночного равновесия как следствия объективного баланса спроса и предложения подвергается в книге постоянным нападкам, поскольку именно из нее происходит знаменитое представление о рынке, который «все расставит на свои места». Дж. Сорос многократно подчеркивает, что в экономической (в том числе и финансовой) деятельности оперируют вовсе не безличные атомы ньютоновской физики, а живые реальные люди со своими предубеждениями, представлениями, заблуждениями — короче говоря, с той самой субъективностью, которая делает человека человеком, не превращая в робота.

Следует, правда, сразу же оговориться: Сорос вовсе не отрицает рыночной экономики (согласимся, для человека, сделавшего имя и деньги на финансовых спекуляциях, подобное было бы просто странно). Наоборот, применительно к новой ситуации с характерной для нее перманентной нестабильностью свойственные рынку гибкость и быстрота реакции оказываются существенным выигрышем по сравнению с неповоротливостью бюрократии. Вместе с тем автор призывает не преувеличивать возможностей рынка, не обожествлять его, не закрывать глаза на наличие негативных сторон наряду с позитивными. Применительно же к финансовым рынкам начиная с конца 1970-х — начала 1980-х годов — с момента торжества нео-

либеральных методов и подходов, в политической сфере связанных с именами в первую очередь Р. Рейгана в США и М. Тэтчер в Великобритании, все будто забыли, увлекшись монетаристскими методами, что рыночные неподконтрольные отношения способны порождать глубочайшие диспропорции (Р. 144 ss).

Строго говоря, именно из этих накопившихся десятилетиями диспропорций вырос нынешний финансовый кризис, начавшийся как кризис ипотечный и быстро охвативший всю финансовую систему развитых стран, прежде всего США. Однако при всей своей важности дело вовсе не в неумеренном и слабо контролируемом росте кредитной системы, постоянном приросте числа и доли новых и более рискованных кредитных инструментов. Рассматривая ситуацию гораздо шире, Дж. Сорос обращает внимание на контекст, в котором развивались кризисные явления, конкретно — на миропорядок, установившийся после Второй мировой войны. Нравится нам это или нет, но приходится согласиться с автором: этот миропорядок определялся растущим глобальным экономическим, политическим и военным лидерством США, не сумевшими внедрить военную победу в постепенную перестройку всей мировой экономики «под себя».

Все послевоенное мировое хозяйство с его разделением на развитые и развивающиеся (но не имеющие шансов «развиться») страны, которые с течением времени все больше подстраивались под потребности «золотого миллиарда» и принимали на себя основные удары мировых экономических кризисов, превратилось в механизм обслуживания американских интересов. Доллар, безраздельно господствовавший на мировых финансовых рынках в рамках условий Бреттон-Вудской системы, закрепил американское лидерство. Используя свою роль мирового финансового центра, США не только смогли позволить себе разрастающийся до колоссальных размеров бюджетный дефицит, но и сделали его одним из рычагов развития мирового хозяйства. На глазах одного поколения Америка превратилась в гигантского всемирного потребителя, растущие потребности которого и новые массы долларов, выбрасываемых на мировой финансовый рынок, стали едва ли не главным стимулом экономического роста во всем мире. Непосредственно под эти потребности под сенью всемирного потребителя выросли новые «мастерские мира» — Китай и «азиатские тигры», в менее успешной форме повторившие путь, который в первые послевоенные десятилетия проделала Япония, успевшая занять место на узкой скамейке «экономически развитых стран».

Этот громадный «пузырь» должен был рано или поздно лопнуть. Момент приблизил политика последней американской администрации с ее апологией «рыночного фундаментализма» и неумной военной активностью, явно превзошедшей масштабы даже такой могучей страны, как США. А потому крах ипотечного сегмента американской финансовой системы начал цепную

реакцию, притом явно еще не закончившуюся. Неясно даже, пройден ли пиковый момент процесса (в начале книги Дж. Сорос будто склоняется скорее к позитивному сценарию, но с учетом ситуации в первые весенние месяцы текущего года в конце ее авторский тон становится более пессимистичным). Еще менее ясны глобальные последствия кризиса: очевидна лишь их неминуемость.

Вот некоторые важнейшие моменты, на которые автор обращает внимание в разных главах книги.

1. Кризис, начавшийся в августе 2007 года и продолжающийся до сих пор, — крупнейший с момента Великой депрессии 1930-х годов; он уступает последней по масштабам и не будет иметь таких же острых последствий во всем мире, но США неизбежно утратят роль мирового финансового центра, а доллар — позицию всемирной валюты.

2. Вместе с глобальным экономическим лидерством Америка утратит и свою монополию в военно-политической сфере.

3. Кризис затронет весь мир, но его последствия будут много менее ощутимы в Китае и Индии, хотя и там есть потенциальные «пузыри», которые рано или поздно тоже с грохотом лопнут.

4. Неизбежно установление более жесткого контроля над финансовыми (прежде всего кредитными) операциями; тех темпов роста, которые этот рынок знал начиная с 1970-х годов, больше не будет.

5. Цены на недвижимость (прежде всего на жилье) в Америке постепенно сократятся на 10—20 процентов, что отразится и за пределами США.

В любом случае мир вступает в новую, неведомую ситуацию, связанную со становлением нового мирового порядка. В этих условиях следует отказаться от старых догм и моментально реагировать на все происходящие изменения, мгновенно оценивая их и корректируя с учетом существующего представления. Чтобы действовать таким образом, строго говоря, и нужна соросовская «reflexivity».

Собственно, на констатации означенного факта автор и заканчивает свою книгу. Признаюсь, я не ставил цель дать детальный пересказ ее содержания. Тем более что, не будучи ни экономистом, ни финансистом по профессии, я сознательно не взялся анализировать узкопрофессиональные сюжеты, которые, уверен, будут по достоинству оценены знатоками. С чистой совестью отсылаю их к авторскому тексту.

Мне же гораздо интереснее порассуждать о возможных перспективах, которые открываются для России на фоне тенденций, зафиксированных Дж. Соросом. Тем более что авторская манера сознательно не говорить о стране, в которой он потерпел чувствительное поражение в деле об инвестициях в «Связьинвест» в 1990-е годы, вынуждает меня обратиться к этой теме. Ведь анализируемые «алхимиком» события рано или поздно коснутся (уже коснулись) нашей страны.

По причине ограниченности объема рецензии приведу лишь несколько кратких замечаний. *Первое.* На фоне вошедшего у нас в моду антиамериканизма (не важно, надуманного или оправданного) особенно важно удержаться от низменного желания потирать руки при виде проблем, обрушившихся на «последнюю империю». Уже потому, что мы являемся неотъемлемой частью глобального мира, созданного под руководством США — его стержня. И здесь мы оказываемся *volens nolens* в одной лодке, поскольку рискуем быть погребенными под руинами падающего американского небоскреба. Крах экономики Штатов в ее нынешнем виде не только внесет сумятицу на мировые рынки, в том числе и на столь значимые для нас рынки энергоносителей, что обернется резким ограничением круга потребителей. Еще значимее он изменит ситуацию в сфере инноваций, ибо США продолжают оставаться локомотивом развития фундаментальной науки и техники во всем мире.

Наконец, именно на американский рынок в значительной степени ориентирован наш сложный (скажем так...) китайский сосед, для которого при сохраняющейся остроте его демографических и экологических проблем бурный экономический рост — не роскошь, а средство выживания. С исчезновением и даже сужением американского рынка в его нынешнем виде возможны самые катастрофические последствия, включая резкое обострение российско-китайских отношений вплоть до прямой военной угрозы нашим слабозаселенным дальневосточным районам. И это — лишь часть возможных последствий.

Второе. Продолжая мысль Дж. Сороса, следует заметить, что мировые финансовые рынки «за вычетом» США не выстоят самостоятельно. У нас много говорят о многополярном мире с военно-политической точки зрения. А как насчет многополярности в мировых финансах? Выстраивание альтернативной системы мировых кредитных учреждений, разработка новых правил игры на мировых финансовых рынках представляются очевидной задачей даже человеку, ничего не смыслящему в финансах.

Третье. Не имея возможности недооценивать этих (и ряда других) серьезнейших потенциальных угроз, не следует игнорировать и открывающихся с веком нестабильности новых возможностей. В условиях «старого порядка» СССР независимо от его политического и экономического строя была априори уготована роль социально-экономического гетто. Ограниченность доступа на мировые рынки и дозированный доступ к зарубежной научно-технической информации сыграли роль блокады, закрыли для СССР возможность постепенного включения в мировое хозяйство по «китайскому» пути вне зависимости от субъективных намерений советских лидеров. В этих условиях поражение в «холодной войне» становилось лишь вопросом времени. Что же касается «новой России», то ей и вовсе была уготована незавидная роль нищей сырьевой провинции

при постоянной угрозе логического завершения центробежных тенденций, похоронивших Союз.

При всей своей драматичности и непредсказуемости новая эпоха открывает вместе с тем возможности для колоссального прорыва в разных направлениях. Воспользоваться периодом отсутствия заокеанского «Большого брата» и решить ряд ключевых экономических, социальных, культурных и наконец геополитических задач — это ли не волнующая перспектива? Пусть даже и в Век Нестабильности.

Гражданское общество в Центрально- и Юго-Восточной Европе

Вплоть до 1970-х годов гражданское общество рассматривалось в науке преимущественно как производное демократического государства. Теории гражданского общества трактовали его двояко: либо (либеральные установки) с позиций примата личности над сообществом, либо (установки коммунистические) с позиций примата сообщества над личностью. События последних десятилетий в Восточной, Центрально- и Юго-Восточной Европе (ЦВЮВЕ) поставили эту проблему в иной контекст: в тесной связи с процессом демократизации авторитарных (авторитарно-тоталитарных) государств; формирования нового общества, его реинтеграции вокруг иных коллективных целей, ценностей и норм; способа освоения публичного пространства, открывшегося во время и после падения недемократической системы.

В свою очередь сказанное обусловило эволюцию роли государства и его отношений с различными социальными группами, добровольно организующимися и действующими в публичной сфере, которую ранее присваивало и контролировало авторитарное государство, а ныне осваивают в процессе свободной институционализации различные социальные силы, формирующие плюралистическое гражданское общество¹.

Наличие государства, по мнению выдающихся политологов Х. Линца и А. Степана, а также Э. Внука-Липиньского, является основным условием появления и существования как демократии, так и связанного с ней гражданского общества². В ЦВЮВЕ мобилизация и самоорганизация масс в социальное движение с последующей институционализацией системы определения и согласования групповых интересов, общих ценностей и целей проходили в условиях перехода от недемократических политических систем к демократии, когда социальная и политическая культура была еще на весьма низком уровне.

Демократическая трансформация региона ЦВЮВЕ, начавшаяся на рубеже 1980—1990-х годов, повлекла за собой становление «демократии участия» граждан в динамичных общественных преобразованиях, создании сетей неправи-

ЯЖБОРОВСКАЯ Инесса Сергеевна — главный научный сотрудник Института социологии РАН, профессор, доктор исторических наук.

¹ См. E. Wnuk-Lipiński. *Socjologia życia publicznego*. W-wa, 2005. S. 117—119, 121.

² См.: J. J. Linz, A. Stepan. *Problems of Democratic Transition and Consolidation. Southern Europe, South America, and Post-Communist Europe*. N. Y., 1996. P. 7; E. Wnuk-Lipiński. *Socjologia życia publicznego*. S.121.

тельствующих и некоммерческих организаций (НПО). При этом гражданское общество в регионе формировалось в первую очередь не как дополнение государства или основа, дополненная государством (при либеральном «минимуме государства»), а в противопоставлении автократическому государству в ходе низового процесса демократизации. Именно она с ее ценностями и организациями — структурами, реализующими на практике концепцию гражданского общества, определяла принципиальные перемены в характере общественных отношений и была призвана создавать новое, демократическое качество жизни, гарантировать активную и ответственную реализацию потребностей и интересов людей, оптимального и мудрого обеспечения общественного блага.

В течение послевоенных десятилетий при традиционно свойственных странам Центрально- и Юго-Восточной Европы автократических (тоталитарных, тоталитарно-авторитарных, затем авторитарных) режимах гражданское общество находилось в зачаточном состоянии, временно оживляясь лишь в годы относительной либерализации. В большинстве стран государству была подконтрольна почти вся общественная жизнь, поэтому независимые общественные институты практически отсутствовали, как и связанные с ними процессы самоорганизации гражданских обществ, участия и добровольной активности. Несмотря на декларируемый коллективизм, ситуация в этих субрегионах исторически весьма различалась по степени атомизации социума, отчуждению человека и его самореализации в обществе и государстве.

Принципиальный поворот был связан с поиском оптимальных путей выхода из череды социально-экономических и политических кризисов. В 1980-е годы в Центрально-Восточной Европе возникли элементы первоначального «теневого» гражданского общества в форме оппозиционных и диссидентских движений — «Солидарности» в Польше, «Хартии-77» в Чехословакии, различных диссидентских групп в Венгрии. Эти движения и сыграли важнейшую роль в открытии общества. Органичным свойством этого процесса были нарастание протестных движений с большей (в Польше) или меньшей (в Венгрии, Чехословакии) степенью включенности широких масс и оформление на этой основе общественно-политических структур как пространства для социального взаимодействия людей в ходе решения общих задач перестройки большой, перегруженной противоречиями и конфликтами системы общественных отношений.

Они способствовали достижению цели качественного преобразования общественной жизни путем мобилизации инициативы и самостоятельности самих граждан, постепенно осознавших и реализовавших на практике свои права. В спонтанно возникших и охвативших страны региона по принципу лавины социальных взрывах доминировал протест против порочной политики и злоупотреблений автократической власти. Одновременно формировались плюрализм и сотрудничество на основе единого преобразующего порыва к свободе. Либерализация политической жизни в ходе крушения «реального социализма» создавала политические и законодательные условия для активной самоорганизации гражданского общества. Развернулся процесс конструирова-

ния и совершенствования институциональных механизмов демократии. Интенсифицировалась защита ее основных ценностей.

В авторитарных государствах региона противостояние режиму носило преимущественно интеллигентский: не социально-политический, а этический характер. Показательный пример — творчество чешского писателя-диссидента В. Гавела, автора понятия «антиполитичная политика». Как писал польский философ Е. Шацкий, в отсутствие перспектив смены режи-

³ Цит. по: E. Wnuk-Lipiński. Socjologia życia publicznego. S. 125–127.

ма «антиполитика не означала нейтральности в политических вопросах»³: не будучи пока в состоянии изменить политическую систему, люди должны были искать оптимальные общественные отношения вне государственных структур: в поведении окружающих людей, согласно оптимальным моральным нормам. В Польше, ГДР, Словакии и Венгрии именно на этой почве произошло сближение христианских церквей и диссидентов, появились первые ростки гражданского общества. Для их развития принципиальным стал визит в Польшу в 1979 году папы Иоанна Павла II, который смел как атомизацию общества, так и всеобъемлющий контроль государственных органов. Многотысячная мобилизация движения организаторов визита положила начало гражданскому воспитанию и оформлению автономных общественных связей, помогла открыть шлюзы и обрести институциональные формы движению трудовой «Солидарности», объединившему под формальной вывеской профсоюза абсолютное большинство трудящихся любых категорий из всех регионов страны. С введением военного положения 13 декабря 1981 года польское гражданское общество трансформировалось из этической модели в параллельное общество реальной политики, которое прежний режим уже не мог ни ликвидировать, ни переориентировать.

Приход к власти в СССР М. Горбачева создал внешнеполитические условия для развития процесса трансформации, в том числе для появления реформаторского крыла в компартиях региона, организации «круглого стола» с включением в процесс легализовавшейся «Солидарности». Высокий уровень мобилизации масс обеспечил особую динамику становления польского гражданского общества, ставшего лабораторией преобразований для всего региона.

С ликвидацией «партии-государства» общество стало приобретать умение жить без диктата авторитарно-тоталитарных властей, постоянной мобилизации и контроля, без подчинения жестким нормам. Преодолевая свойственную переходному периоду дезинтеграцию, нестабильность и неуверенность, оно начало восстанавливать, регенерировать на новом уровне социальную ткань, обретать умение самоорганизации, создавать и укоренять новые структуры регулирования отношения. Каждый его член должен был искать свое место в более широком измерении, уметь противостоять кризису и выстроить новые жизненные планы согласно обновленной модели социализации — в опоре на собственные возможности, а не на ставшее слабым и беспомощным, забывшим о благополучии своих «подданных» государство. Следовало приспособливаться к смене профессий, поискам носителей идентичных интересов и объедине-

нию усилий с ними. Социальная активность людей, их статус оказались востребованными не только и не столько в политической, сколько в области неполитических, гражданских, прагматических повседневных взаимоотношений.

По мере выхода различных сил на решение многоплановых задач преодоления кризиса и выявления групповых и идейных интересов с кристаллизацией и плюрализацией гражданского общества их пути стали расходиться. По мере роста степени неуправляемости политической жизни, переструктурирования и плюрализации общественно-политической сцены ускоренными темпами развернулось создание многих десятков и сотен протопартий и различных добровольных общественных организаций неправительственных, неприбыльных, некоммерческих объединений, ассоциаций, альянсов, фондов и клубов, служащих общественным интересам, общественному благу, несущих социальную помощь. Развитие этих структур в период трансформационного обвала экономики столкнулось с гигантскими трудностями, ставившими их на грань выживания, в частности в связи со слабостью сферы бизнеса. Не имея стабильной и прочной материальной и финансовой базы, неправительственные, некоммерческие организации (НПО) изначально зависели от взаимосвязи с институтами администрации, частных или общественных взносов и таких важных ресурсов, как энтузиазм групп населения и добровольчество. Преодо-

⁴ См.: «Globális civil társadalom? A nemzetközi és a külföldi NGO-k szerepe a magyar civil társadalom fejlődésben». — «Szerkesztette Szabó Máté. Villanyi úti könyvek». Вр., 2000; F. Miszlivetz. Közép-Európa a kapuk előtt. Savaria, Szombathely, 2001; S. Kozyr-Kowalski. Socjologia, Społeczeństwo obywatelskie i państwo. Poznań, 2002; «Studia z teorii polityki». Т. III. Wrocław, 2000; «Демократическое правовое государство и гражданское общество». М., 2005.

левать возникшие трудности помогала главным образом пассионарность этих групп.

В итоге возникало качественно изменившееся, демократически трансформирующееся общество. Все более явно проявлялись формы спонтанного участия граждан и их многообразных организаций в обсуждении и решении массы общественных проблем в рамках законности. Они обретали ощущение силы в отношениях с властными структурами, особую — отдельную от государства и рынка, но дополняющую их сферу добровольной общественной активности способность влиять на содержание деятельности государственных и рыночных институтов⁴. Возникно-

вание и укрепление НПО было тесно связано как с помощью государственных структур, так и с развитием частного сектора и зарождением среднего класса, поскольку зависело от финансовой поддержки с их стороны. Эти институты стали в свою очередь соединять воедино государство, частный сектор и общество, уничтожая барьеры между ними и способствуя взаимному диалогу. Именно они позволили сделать рынок более цивилизованным и избегать чрезмерной степени централизации, а также бюрократизации власти.

РЕАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ гражданского общества в странах ЦВЮ-ВЕ, стабилизировавшегося к середине 1990-х годов, а затем испытавшего определенный спад, определить непросто. Степень его развитости нередко

определяется по доле участия сектора НПО в использовании наемного труда, как правило, тождественной его доле в ВВП. По этому показателю в 1995 году средняя доля (без учета сельского населения) для 27 наиболее развитых стран мира составила 4,4 процента. Страны Центрально-Восточной Европы и Румыния находятся в конце списка: Чехия — 1,7 процента, Венгрия — 1,3, Польша (в 1997 году) — 1,2, Словакия (в 1996-м) — 0,9, Румыния — 0,6 процента. По показателям структуры занятости в НПО получается сходная картина: в 1995 году в 12 странах Евросоюза на общественных началах работали 9,6, на оплачиваемых должностях — 5,9 процента населения, а в пяти странах Центрально-Восточной Европы соответственно лишь 1,7 и 1,2 процента⁵.

⁵ См. E. Leś, S. Nałęcz. Potencjał ekonomiczny i społeczny sektora non-profit w Polsce: Wybrane wyniki badań międzynarodowych sektora non-profit. — «Samooorganizacja społeczeństwa polskiego: Trzeci sektor». W-wa, 2002. S. 20—22.

Столь разительное (в 3—5 раз) различие в уровне социальной активности объясняется в основном разрушением институтов такого рода во второй половине 1940-х годов в связи с укоренением бюрократического централизма. Оставшаяся часть находилась под жестким контролем «партии-государства», а имущество ликвидированных НПО было передано в государственные структуры. Слабость гражданского общества в регионе обусловлена и другим: исторически (в условиях острых национальных противоречий и войн, ломки социальной структуры в годы индустриализации, а в наиболее развитых странах — и повторной индустриализации во имя унификации экономической модели «социалистического содружества») общество стран региона было атомизировано. В нем преобладал скорее язык отчуждения, а не солидарности, сотрудничества и бескорыстной помощи. Сознание, язык и навыки такого рода еще только формируются.

В наши дни тяготы трансформации обрекают более половины населения на жизнь ниже социального минимума. Ликвидированы фонды, занимавшиеся благотворительной, просветительской, культурной и научной деятельностью. Принятая в Центрально-Восточной Европе модель либерального государства ущемляет их, не предоставляя им должного финансирования, не обеспечивая оптимальных правовых гарантий существования и применения принципа субсидиарности при распределении обязанностей и ответственности на различных уровнях. Не обеспечивается также тесное и стабильное сотрудничество с различными уровнями государственной администрации в выработке и реализации социальных программ.

Экономический потенциал структур гражданского общества в регионе в 5 раз меньше, чем в развитых странах⁶.

⁶ См. *ibid.* S. 30—31.

Бывший премьер-министр польского правительства Г. В. Колодко в 2001 году констатировал, что даже в наиболее «продвинутых» странах региона «путь до истинно гражданского общества еще далек», поскольку его прохождение должно предварить создание подлинно социальной рыночной экономики, преодоление чрезмерного имущественного неравенства и подрывающей экономическое развитие диспропорции доходов. По его мнению, развитию гражданского общества мешает наличие значительной части населения, вытолкнутой эконо-

мической политикой правых из участия в общественной жизни. Гражданское общество не может функционировать без свободного и честного предприни-

⁷ См. G. W. Kołodko. Społeczeństwo swego kraju. — «Przegląd». 2001. № 9. S. 21. мательства, динамично развивающейся социальной рыночной экономики; оно требует вложения средств и поддержки со стороны государства⁷.

Динамика участия в массовых организациях четко отразила специфику переходного периода. Партии и профсоюзы, другие организации прежнего режима, участие в которых гарантировало определенный статус в государстве, быстро теряли своих членов. НПО же вначале носили характер анклавов, их численность увеличивалась волнообразно. Общество структурировалось, выстраивало новые отношения между видоизменившимся государством, оформлявшимися миром рыночной экономики и ячейками гражданского общества. НПО превращались в партнеров государства, постепенно становясь неотъемлемым элементом системы сдержек и противовесов в рамках отстраиваемой демократии. Они становились школой демократии, защищали групповые интересы в целях выживания в качестве важного фактора роста гражданской активности.

Взрывной рост гражданской активности населения региона пришелся на 1989—1993 годы. В тот период в Европе ни к одной из таких организаций (исключая профсоюзы) не принадлежали в Нидерландах лишь 17,5 процента граждан, в США — 30,3, в Швеции — 30,6, в Западной Германии — 37,6, во Франции — 63,9, в Италии — 68,5, в Испании — 78,3 процента. Проявившие наибольшую активность в деле строительства НПО в ЦВЮВЕ Венгрия, Польша и Румыния показали 71,6, 72,3 и 85,2 процента соответственно. Переходное состояние общественных связей и отношений в регионе порождало противо-

⁸ См. J. Bartkowski. Społeczne determinanty geograficznego rozmieszczenia organizacji pozarządowych w Polsce. — «Samoorganizacja społeczeństwa polskiego». S. 35—36. положную тенденцию — социальную, политическую и экономическую нестабильность. В 1997—1999 годах со спадом активности гражданских инициатив в тех же странах показатели неучастия поднялись соответственно до 75,3, 80,8 и 85,9 процента⁸. Социолог А. Мишальская (Польша)

⁹ См. A. Miszalska. Sytuacja demokracji u schyłku wieku — niepokoje globalne, niepokoje polskie. — «Niepokojąca współczesność». Łódź, 2001. S. 110—111. указывает на воздействие на этот процесс глобализации, которая развивает индивидуализм, свойственный свободному рынку и разрушающий общественные связи, а также чувство социальной солидарности⁹. Общественный подъем затормозился и сменился апатией.

На стабильный 2006 год в Болгарии существовали 22,3 тысячи НПО, в Венгрии — 76,0, в Польше — 45,0 тысяч ассоциаций и 7,0 тысяч фондов, в Сербии — 25,0, в Словакии — 22,6, в Хорватии — 20,0, в Чехии — 95,0 тысяч таких организаций.

¹⁰ См. «Nations in Transit. 2007». — Независимо от численности населения стран большинство НПО приходится на страны Вышеградской четверки¹⁰. <http://www.freedomhouse.org>

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ РАМКИ деятельности «третьего сектора» в странах региона создавались с 1990-х годов преимущественно посредством регистрации

или на заявительной основе. Их структура и правила деятельности продолжают совершенствоваться. Уточняются место регистрации (суды, МВД и др.), размеры имущественного вклада, наличие помещения, право на проведение хозяйственной деятельности, использование дохода только на уставные цели и т. д.

В Хорватии закон облегчил и упростил регистрацию НПО по сравнению с порядками времен режима Ф. Туджмана, который законодательно блокировал создание и деятельность таких организаций. В Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Словакии и Чехии законодатель особо поддерживает специальную категорию НПО, имеющих большое общественное значение. В Польше таковыми считаются благотворительная деятельность, здравоохранение, просвещение, содействие занятости, поддержка предпринимательства, экология, общественный порядок и безопасность, деятельность в пользу национальных меньшинств, помощь жертвам стихийных бедствий и др.¹¹

В Чехии любое физическое и юридическое лицо, включая государство, может быть учредителем организации общественной пользы, но получение статуса такой организации или ее регистрация весьма ужесточены, поскольку ей гарантируются специальные права и привилегии в финансировании. На них возложены и особые обязанности. Все граждане должны иметь равный доступ к их услугам. Организациям общественной пользы разрешается заниматься коммерческой деятельностью, но прибыль должна направляться в первую очередь в резервный фонд, чтобы покрыть возможные будущие потери, и лишь во вторую очередь может быть использована с целью расширения услуг, для которых эта организация была создана. Таких организаций относительно немного: в Чехии — около 1 процента, в Венгрии — каждая шестая-седьмая структура, в Болгарии — несколько сот¹². Они должны ежегодно обнародовать доходы в форме финансового отчета, представлять отчет о своей деятельности.

Далеко не все НПО функционируют реально и эффективно: активны в среднем лишь треть или четверть из них¹³.

По показателям активности и качества работы в индексе неправительственных организаций Агентства международного развития США за 2002 год первое место занимала Словакия, второе — Польша, третье — Чехия, четвертое — Венгрия, далее — Болгария, Румыния и Хорватия, Македония, Сербия, Босния и Герцеговина, Албания и Косово, Черногория¹⁴. В странах Западных Балкан, недавно прошедших через вооруженное противостояние, с сильно разрушенными экономикой, социальной структурой и социальными связями много меньше добровольных, в том числе благотворительных, НПО. В своем большинстве они насаждались (в основном извне и довольно искусственно) международными гражданскими организациями и иностранными фондами. Поддерживались прежде всего правозащитные и экологические организации, группы по мони-

¹¹ См. «Ustawa o działalności pożytku publicznego i o wolontariacie». — «Dziennik Ustaw». 2003. № 96. Poz. 873.

¹² См. «The 2002 NGO Sustainability Index For Central and Eastern Europe and Eurasia». — <http://www.usaid.org/>; «Nations in Transit. 2003, 2004». — <http://www.freedomhouse.org>

¹³ См. «Nations in Transit. 2002, 2003». — <http://www.freedomhouse.org/>; «Podstanowe fakty o wolontariacie i filantropii 2000». — badania.ngo.pl

¹⁴ См. «The 2000 NGO Sustainability Index For Central and Eastern Europe and Eurasia». — <http://www.usaid.org>

¹⁵ См.: Т. Каротерс. Помощь Западу становлению гражданского общества в Восточной Европе и бывшем Советском Союзе. — «Конституционное право: Восточноевропейское обозрение». 2000. № 1.

торингу выборов, объединения, занимавшиеся правовым образованием граждан, независимые газеты и журналы¹⁵.

НПО локализируются преимущественно в столицах и крупных городах, где они стали важной органической составляющей общественной жизни в самых различных ее областях. Перечислим их: это спорт, туризм, отдых; просвещение и воспитание; права человека, положение национальных меньшинств;

здравоохранение, реабилитация, помощь инвалидам; культура, искусство, охрана памятников культуры, традиции; региональное и муниципальное развитие; экология, охрана окружающей среды; экономика, финансы, страхование, рынок труда, содействие продвижению товаров; представительство интересов профессиональных групп; проблемы деревни, сельского хозяйства, животноводства и растениеводства; досуг; международное сотрудничество, европейская интеграция; коммуникация, транспорт, связь; религия, вероисповедание; права человека, защита меньшинств, равенство шансов; наука, техника, технология; строительство, жилищное строительство, коммунальные проблемы; средства массовой информации, информация; общественная безопасность, защита имущества; поддержка других неправительственных организаций и гражданских инициатив; государство, право, политика и др.

В Центрально-Восточной Европе (в Венгрии, Польше и Чехии), где на политической сцене действуют уже не сотни, а десятки партий, хотя нередко и малочисленных, только небольшая группа НПО продолжает проявлять активность в политической жизни. Они включают в число своих задач борьбу с коррупцией, за соблюдение политиками принципов законности и нравственных норм. В Сербии, Румынии, Хорватии, а также в Словакии ведущие НПО играли в 1990-е годы важную политическую роль, так как по существу были составной частью демократической оппозиции. В настоящее время правозащитные организации более активны в Албании, Боснии и Герцеговине, Косове и Хорватии. Их активность по-прежнему остается очень высокой ввиду недостаточного уровня защиты правопорядка в этих странах. Особое внимание привлекают и проблема выборов, наблюдение за их проведением, соблюдение независимости СМИ.

В Румынии в 1996 году многие представители НПО подвергали критике правительство за медленный темп реформ и неспособность Демократической конвенции установить контроль над государственным аппаратом. В Словакии они мобилизовали электорат перед парламентскими выборами, организовали правовое просвещение населения, распространение знаний о выборах, обеспечив высокую явку избирателей. Их усилиями удалось элиминировать популистско-националистическое Движение за демократическую Словакию. В 2000 году в Югославии НПО — студенческая группа «Отпор», группа экономистов «Г-17» и др., помешав властям фальсифицировать избирательный процесс, внесли решающий вклад в свержение режима С. Милошевича и т. д.

Особого внимания заслуживает преобразование профессионального движения. Число членов профсоюзов повсюду сократилось в 2–4 раза. Структура

профсоюзного движения, раздробившегося на десятки, сотни и тысячи независимых образований, усложнилась. Сохранив довольно значительную численность, прежние профсоюзы, пройдя процесс преобразования, охватывают преимущественно крупные предприятия. Возникло несколько крупных независимых профцентров, но в целом профсоюзное движение не набрало сил, необходимых для эффективной защиты интересов трудящихся в трудный период трансформации. Одним из сегментов гражданского общества, основательно занятым решением социальных задач, просвещением и воспитанием населения, стали церкви и сообщества верующих.

В большинстве стран региона на мере развития и укрепления дробных НПО они стали объединяться в сети взаимодействия, коалиции, форумы, платформы действий — формальные и неформальные, отраслевые и региональные, что увеличило эффективность их деятельности. Оптимальный результат на современном этапе принесло оформление горизонтальных сетевых структур в Венгрии, где образовался Общественный совет по согласованию интересов, насчитывающий более 100 филиалов и представительств. В середине 1990-х годов возникла сеть объединений безработных, квартиросъемщиков, нуждающихся в медицинской помощи, людей пожилого возраста. В их числе — Всевенгерское представительство пенсионеров (переговорщик с правительством и органами местного самоуправления), Венгерское объединение многодетных семей, Лига защиты прав граждан. Организационные структуры объединений насчитывают около 3 миллионов человек.

В Болгарии в такие сети объединены ассоциации в области содействия демократии, экономического развития, социальной помощи, окружающей среды и культуры. Создан Союз болгарских фондов. В Польше существуют сотни отраслевых федераций и союзов. В начале 2003 года была создана Всепольская федерация НПО. Словацкая Коллегия «третьего сектора», сформированная в 1994 году на выборной основе из лидеров ряда НПО, стала действовать и на региональном уровне, создав сеть из семи региональных структур. В 2001 году был образован Центр НПО Словении для сотрудничества с правительством в области улучшения условий их деятельности.

ПОСТЕПЕННО НАЛАЖИВАЕТСЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ органов государства и гражданского общества. В национальных форумах структур гражданского общества периодически участвуют государственные должностные лица. В Венгрии таким форумом служит гражданский парламент — партнер венгерского парламента, осуществляя лоббирование интересов самых широких слоев населения при принятии законодательных актов. В Румынии существует ежегодный форум НПО страны, в Польше раз в три года собирается Форум неправительственных инициатив, в рамках которого проводятся семинары активистов однопрофильных структур. С конца XX века аналогичные форумы возникают и в республиках бывшей Югославии.

В Венгрии, Польше и Чехии НПО развиваются в основном при поддержке граждан собственной страны, государства и бизнеса. По мере развития частного сектора и увеличения государственного бюджета национальные источники финансирования НПО умножились. В настоящее время основные источники финансирования в этом субрегионе — прежде всего субсидии правительства и местных властей, а уж затем зарубежные программы помощи, пожертвования физических и юридических лиц, граждан и бизнеса, гранты от других организаций, членские взносы, публичный сбор денег, собственная коммерческая деятельность, банковские проценты.

Чехия — единственная страна, где существует централизованная система финансирования НПО за счет средств, полученных от массовой приватизации, а также за счет государственных субсидий (39,4 процента). В Польше в

¹⁶ См. «The 2000 NGO Sustainability Index For Central and Eastern Europe and Eurasia». — <http://www.usaid.org>; «Podstawowe fakty o wolontariacie i filantropii 2000». — badania.ngo.pl. S. 3, 13; <http://www.nonprofit.hu>; «Samoorganizacja społeczeństwa polskiego». S. 66.

2001 году 19,6 процента доходов ассоциаций и фондов составили средства от органов местного самоуправления и 13,5 процента — от правительственных структур (в сумме — 33,1 процента). В Венгрии в 2000 году правительство компенсировало 28,4 процента израсходованных ими средств. Самая низкая поддержка со стороны «публичного сектора» в ЦВЕ имела место в финансируемых Западом НПО Словакии — 21,9 процента¹⁶. Со вступлением в мае 2004 года в Ев-

росоюз НПО стран региона получают финансовую помощь преимущественно от ЕС — в основном для нужд экономического развития и с оплатой 50 процентов стоимости проектов, то есть при условии, что местные структуры гражданского общества вторую половину средств внесут сами.

Законодательство предусматривает льготы для жертвователей в пользу структур гражданского общества. В Болгарии бизнес и граждане могут жертвовать на деятельность организаций общественной пользы 10 процентов налогооблагаемых доходов, а дарения иностранных спонсоров освобождаются от НДС. Польское право разрешает фирмам и физическим лицам жертвовать 10—15 процентов своего налогооблагаемого дохода на деятельность НПО. В Румынии представителям мира бизнеса разрешены пожертвования в размере 5 процентов, в Словакии — 2, в Чехии — 5, а физическим лицам — 10 процентов налогооблагаемого дохода. Вслед за Венгрией большинство стран региона взяло на вооружение практику пожертвования физическими лицами

¹⁷ См. «Podstawowe fakty o wolontariacie i filantropii 2000». — badania.ngo.pl

1 процента подоходного налога организациям общественной пользы, которые пользуются самыми большими налоговыми льготам¹⁷.

Все шире привлекаются добровольцы (волонтеры), которые не являются членами организаций: учащиеся, студенты, пенсионеры, неработающие матери, воспитывающие детей, безработные. НПО ищут их через объявления в прессе, по радио и телевидению, в Интернете, при помощи листовок и плакатов. Добровольцы занимаются организацией различных мероприятий, встреч или кампаний, канцелярской работой, сбором денег, работают с подопечными или

клиентами организации. Они являются экспертами, руководят проектами и т. д. Чехия (где 5 процентов граждан являются волонтерами на регулярной основе) с 2001-го и Польша (где добровольцами работают более 11 процентов граждан) с 2003 года приступили к правовому регулированию статуса добровольцев. По польскому законодательству им теперь могут возвращать стоимость транспортных расходов, оплачивать командировочные, стоимость обучения на курсах; страховать на случай временной нетрудоспособности и т. д. ¹⁸ *См. ibid.* Проводится регулярное обучение добровольцев¹⁸.

За последние годы весьма вырос профессиональный уровень штатного персонала, существенно улучшилась инфраструктура. В странах ЦВЕ городские организации, а в странах ЮВЕ — организации в крупных городах уже хорошо оснащены техническим оборудованием, имеют компьютеры, офисное оборудование, доступ к Интернету и телефону, факс, а некоторые — адрес электронной почты.

Неправительственный сектор, наладив деятельность своих институтов и создав общенациональные структуры, в последнее время расширяет в ряде стран влияние и позиции в обществе. Этому способствует ряд факторов. В их числе оказание услуг членам — подопечным или клиентам организаций; сотрудничество с другими организациями или институтами внутри страны (совместные акции, встречи, обмен опытом и др.); влияние на общественное мнение для поддержки деятельности организации, проведение общественных кампаний; представительство и защита интересов членов — подопечных и клиентов организации; организация дебатов, семинаров и конференций на темы, важные для общества и организаций; участие в дебатах с публичной администрацией разных уровней, организация или участие в консультациях, кампаниях, протестах, сборе петиций и т. д.; международное сотрудничество с институтами или организациями схожего профиля; издание газет, журналов, бюллетеней, экспертиз и т. д.; финансовая и материальная поддержка нуждающихся; поддержка других неправительственных организаций и гражданских инициатив путем предоставления им информации, консультирования, обучения и др.; лоббирование; научные исследования, сбор и обработка данных и т. д. В некоторых странах существуют независимые исследовательские институты и центры, финансируемые фондами, компаниями, банками. Росту авторитета НПО более всего способствуют общенациональные и региональные кампании, выдвижение крупных гражданских инициатив.

Гражданское общество становится противовесом для политиков и бюрократии, вынуждает представителей власти уважать общественную волю, оказывая влияние на государство, его политику, законодательство, на государственные органы. Прочные связи с ними необходимы для эффективного функционирования и самих институтов гражданского общества, нуждающихся в государственной поддержке. Сейчас политическая элита региона все более отчетливо осознает, что без механизмов сотрудничества государства и общества современное государство эффективно функционировать не может. В последние

годы во многих странах НПО участвовали в подготовке и обсуждении законодательных актов, касающихся третьего сектора. Общественная экспертиза вновь возвращается в сферу государственной политики. Структуры гражданского общества все больше вовлекаются в выработку законодательных и политических решений, подготовку социальных реформ, играя в этой области хотя и вспомогательную, но важную роль.

С приобретением организационно-политического опыта гражданское общество начинает оказывать все более заметное влияние на власть, осуществлять партнерские функции во взаимоотношениях с ней. Оно вынуждает ее прислушиваться к своим институтам, видеть в них экспертов и инструмент поддержания связей с населением, привлекать их к решению разнообразных проблем как своеобразных элементов системы сдержек и противовесов в сфере функционирования демократии.

За истекшие два десятилетия в ЦВЮВЕ определились шансы, темпы и барьеры перемен в области строительства институтов гражданского общества, выявились характер, условия, первые итоги и перспективы их развития. Ими уже создана разветвленная сеть, хотя пока в немалой степени она носит формальный, точнее — потенциальный, характер. Однако сейчас уже ясно, что многие коренные проблемы развития не могут быть решены без использования потенциала гражданского общества. При проведении социал-либерального курса происходят выхолащивание базовых ценностей социальной политики — социального равенства и социальной справедливости, нравственности и морали, социальной солидарности и ответственности. Эти потери в известной мере компенсируются самоорганизацией, взаимной поддержкой и благотворительностью в рамках крепнущих институтов гражданского общества, ориентированных на «всеобщее благо» и оптимизацию форм и путей общественного развития.

«Крапивное семя» для детей Джона Булля

Британские подданные
и российская бюрократия в середине XIX века

На повседневную жизнь людей огромное влияние оказывает деятельность чиновников. Для России это утверждение актуально всегда. Взаимоотношения «крапивного семени» с согражданами никогда не носили идиллического характера и служили предметом политической и литературной сатиры уже в XVII—XIX веках. Но особенно ярко пороки бюрократического аппарата были заметны в его деятельности по отношению к иностранцам. Любой чужеземец, ступивший на русскую землю, сразу попадал под негласный надзор Третьего отделения. Наблюдением за иностранцами занималась III экспедиция, служащие которой составляли доклады обо всех контактах прибывших, поступавшие лично царю. В архивах Третьего отделения сохранился любопытный материал, освещавший перипетии контактов английских подданных с российскими чиновниками в 1820—1860 годах.

В этот период «дети Джона Булля» вызывали повышенный интерес жандармов. Настороженность по отношению к подданным Великобритании была связана в первую очередь с внутривнутриполитическим курсом либерального кабинета Чарльза Грея, сформированного в 1832 году. Российские власти не видели существенной разницы между умеренно-либеральной парламентской реформой, проведенной правительством Грея, и радикальными выступлениями французских жирондистов в XVIII веке. Поэтому они сочли вышеупомянутую реформу прологом к новым революционным событиям, способным свергнуть монархию, а английский либерализм воспринимался ими как революционная идеология, распространение которой нельзя было допустить в российском обществе.

Помимо этой причины нежелание царских властей видеть в России подданных Великобритании объяснялось также противоречиями в англо-русских отношениях на международной арене. Столкновение позиций по балканскому и греческому вопросам, диаметрально противоположная оценка польского восстания, борьба интересов в Средней Азии, на Ближнем и Дальнем Востоке — все это способствовало росту негативного отношения русского правительства

РОМАНОВА Марина Ибрагимовна — доцент кафедры всеобщей истории Дальневосточного государственного гуманитарного университета, член-корреспондент РАЕН, кандидат исторических наук.

к англичанам, которое в каждом «британском подданном», ступившем на российскую землю, видело потенциального шпиона и носителя «вредных идей». Развившаяся шпиономания имела под собой реальные основания, поскольку Россия и Англия были реальными противниками при разделе сфер влияния на Балканах и в Закавказье.

С 1841 года англичане (как, впрочем, и другие иностранцы) подвергались суровому паспортному контролю (разрешение на въезд в страну, что особенно удивляет, давал лично царь). С них взималась ежегодная плата за обмен паспортов¹. Правительство также повысило таможенные пошлины для иностранцев*. Стремясь ограничить заграничные контакты россиян, Николай I принял ряд законов, имевших целью «прекращение приезда в Россию бесполезных и вредных иностранцев». Так, он запретил иностранным преподавателям читать лекции по философии в российских университетах. Царь отрицательно относился к обычаю русских дворян приглашать иноземных воспитателей для своих детей и призывал сократить число гувернеров из стран Европы (особенно англичан и французов). Кроме того, был введен предельный срок заграничных поездок для русских подданных (для дворян — не более пяти лет, для остальных сословий — три года). В 1842 году император издал указ о браках с иностранцами, согласно которому россиянки, вышедшие замуж за иностранцев, теряли русское подданство. (Одними из первых жертв этого указа стали знаменитый французский писатель Оноре де Бальзак и его возлюбленная Эвелина Ганская. Сохранилась драматичная переписка последней с царскими чиновниками, из которой яв-

¹ См. Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109. Оп. 126. Д. 149. Л. 9.

ствует, что брак с Бальзаком лишил Ганскую не только русского подданства, но и богатых украинских поместий².)

² См. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 133. Д. 443.

Несмотря на эти препоны, в 1820—1840 годах англичане регулярно приезжали в Россию. Как явствует из донесений, ежегодно они составляли примерно пятую часть от общего числа иностранцев³. Причины подобной устойчивости в посещении

³ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 126. Д. 149. Л. 63, 66.

России представителями не популярной у русских властей нации следует искать в качественном составе приезжавших британских подданных. Из доклада царю А. Н. Бенкендорфа от 06.05.1841 видно, что основная масса англичан — это богатые путешественники, купцы, приказчики торговых домов, мануфактуристы, инженеры, механики, ученые. Шеф жандармов особо отмечает, что эти иностранцы необходимы для Российского государства и запрещать им въезд или же облагать высокими пошлинами «вредно для экономики и престижа» страны⁴.

⁴ Там же. Л. 40—41.

В тот период Англия слыла «мастерской мира», имевшей совершенные технологии, и российские власти вынуждены были приглашать английских специалистов и открывать свои рынки для британских товаров. То, что в Россию приезжали в первую очередь представители так называемого среднего класса,

* За въезд в Россию с европейцев на таможе брали от 200 до 400 рублей (ГАРФ. Ф. 109. Оп. 126. Д. 149. Л. 2).

подтверждают и донесения чиновников о прибытии иностранцев, в которых упоминаются негоцианты Агтвуд и Жолиф, часовых дел мастер Гайнам, купеческие сыновья Буль и Лодеры, механик Донован, купчиха Гордон, банкир Монтефиор и др.⁵

Третье отделение «опекало» каждого из них. В столице полицейский надзор был особенно плотным. Судя по донесениям, агенты отслеживали каждый шаг и любой контакт английского подданного. Иногда излишнее усердие и перестраховка приводили к курьезам. В этом отношении показательно дело «О дозволении высланным за границу великобританским подданным Гайнаму и Буллю возвратиться в Санкт-Петербург». Из него следует, что, будучи в России, два молодых лондонца — часовщик Базиль Гайнам и купец Эдуард Буль — 14 декабря 1825 года были арестованы на Сенатской площади, куда, как видно из материалов дела, один пришел из чистого любопытства — поглазеть на толпу, а другой — чтобы встретиться с британским консулом. Несмотря на то что была доказана их полная непричастность к декабрьским событиям, Гайнам и Буль в 1826 году были высланы из России, и только в 1832 году после многочисленных ходатайств им разрешили вернуться.⁶

В отличие от столичной, работа местной жандармерии, как правило, была не слишком усердной. Ей мешали волокита, перестраховка, несогласованность действий, а иногда и продажность полицейских чиновников. Так, анекдотично для потомков (хотя и печально для его главного действующего лица) выглядит дело англичанина Энглези⁷. Оно явля-

ет собой классический пример перестраховки провинциальных полицейских чиновников. Один из них в 1838 году обнаружил беспорядок в своем ведомстве, а именно — присутствие в русском военном городе Севастополе английского подданного. То, что механик Энглези родился там же — в Севастополе, женился на русской, завел детей и мирно прожил в этом городе больше 30 лет, не будучи замеченным ни в чем предосудительном, чиновника не смутило.

И началась длительная (сроком в 14 лет) переписка с Министерством внутренних дел о судьбе Энглези. Несмотря на то что никаких обвинений местные власти предъявить ему не могли, они просили разрешения выслать англичанина из Севастополя, мотивируя тем, что тот — иностранец. Из переписки видно, что центральное ведомство более терпимо и разумно подходило к этому вопросу, видимо, сознавая фарсовый характер ситуации. Бенкендорф, который ознакомился с делом только на пятом году его разбирательства, попросту отмахнулся от него, указав, что следует оставить англичанина в покое, поскольку очевидно, что последний ни в чем не виновен. Однако сменивший его в 1844 году Л. В. Дубельт приказал перепроверить все факты. И только в 1852 году, также убедившись в абсолютной невинности англичанина, разрешил ему остаться в Севастополе, однако велел (и в этом вся российская жандармская система!) на всякий случай установить за ним не-

⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 116. Д. 35; Оп. 112. Д. 102, 138; Оп. 117. Д. 193; Оп. 131. Д. 16.

⁶ См. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 117. Д. 193. Л. 7, 37.

⁷ См. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 123. Д. 95.

⁸ См. там же. Л. 11.

Показателем продажности местной полиции и ее неспособности эффективно справляться со своими обязанностями стало нашумевшее дело 1831 года об английском негодяе Аттвуде⁹.

Дело это получило настолько широкую огласку, что, несмотря на его провинциальный масштаб, им заинтересовался вице-канцлер граф Нессельроде.

Суть заключалась в следующем. Английский подданный, бывший одновременно одесским купцом первой гильдии, Иаков Аттвуд в 1824 году вместе со своим компаньоном Вудком подрядился поставлять для флота соленое мясо, большая часть которого оказалась испорченной. Несмотря на это, в 1825 году он снова получил подряд на поставку мяса на флот, а кроме того, заключил контракт на поставки в черноморские порты «мундирных, госпитальных и арестантских материалов», причем ему еще и выплатили задаток из казны. Далее разворачиваются совсем удивительные события. Аттвуд опять сорвал оба подряда, поставив испорченное мясо и ветхую ткань. Задаток же присвоил. И все

⁹ См. там же. Л. 4, 8.

равно получил новые контракты на поставку мяса в 1826-м и 1827 году¹⁰. Стоит ли говорить, что и в эти два года он поставил гнилое мясо? Остается только догадываться, сколько Аттвуд дал в качестве взятки местным чиновникам за эти подряды.

В конце концов долг Аттвуда казне составил 3469 рублей 84 копейки. Эта значительная по тем временам сумма заставила наконец одесскую полицию начать дело против английского купца. Но, как стало известно полиции, Аттвуд сумел каким-то образом бежать из Одессы, скрывшись под именем Джона Вальберга. Дальше ситуация приобретает комичный оборот. Одесская полиция обнаруживает настоящего Вальберга, законопослушного гражданина, устраивает за ним слежку и арестовывает. А в это время, как выяснилось позднее, Аттвуд, сумевший повести полицию по ложному следу, все еще находился под Одессой на хуторе князя Волконского. Оттуда он спокойно отплыл в Константинополь с семьей и

¹⁰ См. там же. Л. 10–11, 16–19.

краденными деньгами на английском корабле с красноречивым названием «Мидас»¹¹.

Одесские жандармы вынуждены были оправдываться не только за то, что упустили преступника, но и что не смогли воспрепятствовать визиту в российские территориальные воды английского судна.

Знакомство с делом Аттвуда позволяет утверждать, что наряду с честными предпринимателями среди английского «среднего класса», приезжавшего в Россию, встречались и торговцы-мошенники, которые, в отличие от людей честных, довольно быстро усваивали механизм функционирования российской бюрократии и благодаря взяткам часто уходили от ответственности.

Кроме того, дело Аттвуда содержит ряд вопросов, оставшихся без ответа. Почему английскому мошеннику оказал покровительство князь Волконский? Почему английские судно вторглось в территориальные воды России и забрало человека, совершившего уголовное преступление? Можно предположить, что и князю, и капитану «Мидаса» было хорошо заплачено деньгами, украден-

ными из русской казны. Но возможно и другое объяснение событий. Как человек, снабжавший Черноморский флот провиантом и обмундированием, Аттвуд безусловно обладал сведениями, которые могли заинтересовать английское адмиралтейство или Великую Порту. Следует сказать, что в деле нет указаний на шпионскую деятельность Аттвуда и это объяснение является догадкой. Однако стоит обратить внимание на тот факт, что дело подавалось «наверх» по инстанциям, и, следовательно, информация в нем могла подвергнуться искажению. Сотрудникам Третьего отделения было выгоднее представить сбежавшего Аттвуда уголовником, нежели шпионом. И возможно, российские власти иногда оказывались правы в своей шпиономании в отношении англичан.

В 1850-е годы в связи с началом Крымской войны позиция к иностранцам (и в первую очередь к англичанам и французам) со стороны российских властей ухудшилась. Новые веяния отразились в циркуляре от 14.02.1854, который предписывал «запретить въезд в Россию французским и английским подданным и вообще лицам, приезжающим из Франции и Англии»¹². Этот циркуляр из-за общего характера и недуманности вызвал множество вопросов у полицейских чинов. Так, чиновникам Третьего отделения было непонятно, распространяется ли это запрещение на миссионеров. Кроме того, возник вопрос: что делать с выписанными из-за границы дворянскими семействами и уже находящимися на пути в Россию гувернерами, гувернантками и берейторами? И наконец, циркуляр не пояснял, касается ли этот запрет находившихся в то время на русской территории иностранцев английского и французского происхождения.

В ответ на эти вопросы российские власти уточнили свои предписания, постановив резко ограничить (но не запретить совсем) въезд англичан и французов в страну. Отныне приезжать могли только те, кто имел при себе ходатайство и поручительство российского подданного. Кроме того Третьему отделению было предписано ужесточить надзор за находившимися в России иностранцами.

Из материалов III экспедиции видно, что, несмотря на жесткие ограничения, англичане приезжали в Российскую империю даже в период Крымской войны. Правда, их было очень мало. С 1852-го по 1855 год границу пересек всего 21 человек. Судя по документам, часть из них по-прежнему составляли представители «среднего класса». Так, в 1852–1854 годах по ходатайствам русских железнодорожных инженеров в Россию прибыли инженеры Донн Симмонс, Томас и Вильям Вардроперы, Галл Трединник, Вильям Рейт и Долором Памберстон, Вильям Витворд, механик Джон Юнг. Остальные в основном являлись членами экипажей судов¹³. Видимо, экономические интересы России, все так же требовавшие привлечения квалифицированных инженерно-технических кадров, перевешивали соображения государственной безопасности.

Несмотря на возникшую у русских властей в период Крымской войны англофобию, дел об английских шпионах было заведено немного¹⁴. Возможно, это объяснялось

¹² ГАРФ. Ф. 109. Оп. 139. Д. 80. Л. 1.

¹³ См. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 137. Д. 523; Оп. 139. Д. 414, 694, 286, 421; Оп. 140. Д. 169, 279; Оп. 141. Д. 563.

¹⁴ См. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 3211; Оп. 139. Д. 414, 438; Оп. 140. Д. 682.

ограниченным числом британских подданных, приезжавших в Россию, а также их тщательной проверкой.

Среди так называемых шпионских дел наибольший интерес представляют

¹⁵ ГАРФ. Ф. 109. Оп. 3. Д. 3211. «Записки для сведения», составленные Дубельтом для министра внутренних дел¹⁵. В них приводится факт шпионской

деятельности английского посольства в России, представлявшего либеральное правительство лорда Абердина. Секретарь посольства Стречи через своего слугу латыша Рейнера попытался подкупить российского военного инженера Фомина, с тем чтобы последний нарисовал для него планы укреплений Севастополя и Кронштадта. Фомин, сделав вид, что согласился, доложил об этом своему начальству. Далее интересен сам ход рассуждений жандармов, захотевших «убить сразу двух зайцев» — обогатить казну за счет англичан и добыть неопровержимые доказательства виновности последних в шпионаже. Начальство приказало Фомину потребовать от Стречи за свои услуги огромную для того времени сумму в 100 тысяч рублей с распиской за подписью самого английского посла лорда Сеймура. Однако сделка не состоялась. То ли англичане почувствовали подвох, то ли требуемая сумма им показалась слишком большой, но секретарь посольства от услуг Фомина отказался. Однако, несмотря на то, что факт шпионажа русским правительством доказан не был (в определенной мере из-за жадности и нерасторопности жандармских чиновников), власти добились удаления посольства Сеймура из России¹⁶.

¹⁶ См. там же. Л. 42, 44 (оборот).

После завершения войны положение дел постепенно начало меняться. Отношение к англичанам стало более мягким. Первым свидетельством тому стал указ от 25.06.1857 «Об освобождении английских подданных от предоставления покровительственных свидетельств»¹⁷, согласно которому этим подданным более не требовалось для въезда в Россию заручаться ходатайствами от российских граждан.

¹⁷ См. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 142. Д. 360.

Однако в целом негативное отношение русских властей к англичанам сохранялось еще довольно долго. Даже в 1860—1890-х годах российские власти видели в любых коммерческих предложениях со стороны англичан скрытый политический «подвох». Само слово «англичанин» вызывало раздражение центральной российской администрации, поэтому у английских подданных было меньше шансов, чем у представителей других государств, получить разрешение на занятие торгово-предпринимательской деятельностью на российских землях. Даже легальные, основанные на взаимных интересах английских и российских «деловых людей» обоюдовыгодные инициативы чаще всего наталкивались на серьезное сопротивление со стороны центральной бюрократии, чинившей всевозможные препятствия, казалось бы, выгодным для русской стороны сделкам.

Примером того, как складывалась легальная сторона русско-английских деловых отношений, может служить так называемое Кяхтинское почтовое дело, или вернее — «Дело об установлении пересылки английской корреспонденции в Китай через Россию», на 191 листе, начатое в 1861-м и завершенное

в 1865 году. На первый взгляд дело казалось очень простым и сулило откровенные выгоды российской стороне. Английская «Электрическая и международная телеграфная компания» обратилась к российским властям с просьбой разрешить ей отправлять английскую корреспонденцию в Китай через Россию по удобному для русских маршруту, причем англичане со-¹⁸ См. РГИА ДВ. Ф. 701. Оп. 1. Д. 2. Л. 3а.

Генерал-губернатор Восточной Сибири, к которому обратился за консультацией по этому вопросу главный управляющий путями сообщения, никаких препятствий для удовлетворения просьбы английской компании не видел. Более того, именно он подсказал наиболее короткий (Казань—Тюмень—Омск—Кяхта—Пекин) и выгодный путь для доставки английской корреспонденции, поскольку «между Кяхтой и Пекином английская корреспонденция может быть отправлена бесплатно вместе с русскою ежемесячно... так как по Пекинскому тракту за пересылку китайцам никакой платы не производится»¹⁹. Между тем с англичан русские брать плату за почтовую пересылку на территории Китая предполагали (от чего те, кстати, и не отказывались).

Казалось бы, выгода для русской стороны очевидна и дело должно было быть решено очень быстро. Но не тут-то было. Бумаги больше года отлеживались в различных министерствах, а на запросы англичан следовали мало-вразумительные отписки. К концу 1862 года потерявшие надежду английские предприниматели начали рассматривать возможность альтернативного варианта пересылки почтовой корреспонденции через Монголию. Обеспокоенные дальневосточные власти, понимая, что казна понесет убытки, обратились в Путевую канцелярию Санкт-Петербурга с просьбой ускорить дело. Более того, к посланиям прилагались расчеты стоимости английских почтовых перевозок, чтобы показать финансовые выгоды принятия такого решения²⁰.

Ответ центральной бюрократии поразителен: казне дорого содержать лошадей и почтовые станции, потребные для перевозки английской корреспонденции (это при том, что все уже имелось и возило русскую почту, а часть пути от Кяхты до Пекина вообще оплачивалась китайцами).

Абсурдность такой отписки была настолько очевидной, что купечество Кяхты, которое понесло бы самые крупные убытки от отказа российского правительства сотрудничать с англичанами, пошло на беспрецедентный шаг. Оно предложило столичным чиновникам разрешить создание Кяхтинской частной почты для английских перевозок, где все расходы купцы брали бы на себя²¹. Чтобы отвлечь англичан от «монгольского варианта», «деловые люди» Кяхты разработали выгодный почтовый устав, по которому предполагалось вывозить почту не один раз в месяц (как это делалось обычно), а еженедельно. Кроме того, на обслуживаемых Кяхтинской почтой 1300 верстах предусматривалось увеличить количество почтовых станций с 40 до 52²².

Но многочисленные предложения кяхтинского купечества, поддержанные градоначальником Кяхты и генерал-губернатором Восточной Сибири, во все инстанции вплоть до Министерства иностранных дел оставались без ответа.

²³ См. там же. Л. 179—181. Не ускорило дело и согласие пекинского правительства на учреждение такого рода почты²³. Скорее всего российские чиновники ждали крупной взятки от английской телеграфной компании. Инициатива же кяхтинского купечества была проигнорирована, как явно нарушавшая почтовую монополию государства.

Англичане взятки давать не стали, предпочли найти деньгам другое применение. Согласно донесению кяхтинского пограничного комиссара от 15.04.1865, им был задержан английский подданный Бишоп. При нем имелись крупная сумма денег, а также послание частных английских предпринимателей к пекинскому правительству, из которого следовало, что утомленные четырехлетним ожиданием англичане решили организовать на частные деньги сообщение в Китай через Монголию и испрашивали на то разрешения пекинских властей.

Эта ситуация заставила сдвинуть дело с мертвой точки, и государственная кяхтинская почта по перевозке английской корреспонденции заработала. Правда, функционировал этот почтовый путь плохо и недолго, так что впоследствии англичане все же предпочли возить свою почту через Монголию.

В истории о «Кяхтинском почтовом деле», являющей пример классической бюрократической волокиты, как в зеркале отразилась нерасторопность российской бюрократической машины, не раз подставлявшей российских промышленников под удар и вынуждавшей их упускать выгодные сделки. В то же время русская бюрократия препятствовала ведению честного бизнеса иностранцами. «Крапивное семя» занималось скрытым (а иногда и явным) вымогательством денег не только с соотечественников, но и с «великобританских подданных». Те из них, кто честно работал и пытался наладить взаимовыгодное сотрудничество, не преуспели. Но зато дававшие чиновникам взятки мошенники и авантюристы были успешными. Их процветанию в России не мешали ни англофобия, ни шпиономания, ни полицейский надзор.

Любопытные воспоминания о революции в Закавказье

На фоне тревожных событий последних двух десятилетий в полной мере проявилась односторонность представлений о революционных событиях 1917–1920 годов в Закавказье. Между тем именно тогда сформировались истоки многих современных проблем. Интересный исследовательский ракурс открывает изучение мемуарной литературы, в том числе воспоминаний противников Советской власти. В их числе — мемуары Бориса Львовича Байкова, написанные им в 1922 году¹. Автор, адвокат из Баку, долго жил на Кавказе, являлся председателем местного отделения кадетской партии. После установления Советской власти на Кавказе Байков эмигрировал в Константинополь, затем переехал в США, где умер в 1928 году.

Несмотря на то что автор подчеркивает сугубо личный характер своих воспоминаний, он в полной мере сознает значение событий, современником которых являлся: «Единственные смысл и ценность, которые я вижу в человеческих документах, подобных настоящему, — послужить одним из материалов в ряду других для будущего историка, который подведет пережитому нами, современниками, соответствующие итоги»². Истоки трагических событий автор связывает с установлением хаоса и безвластия времен разгула «свобод», введенных после Февральской революции. В этих условиях активизировались явные авантюристы, чья деятельность вскоре дорого обошлась народу: «Разве при других условиях средних способностей адвокат, каким был покойный Фатали Хан Хойский, или совершенно бездарный учитель Насиббек Усуббеков могли даже в мечтах своих возвыситься до положения “премьер-министров”, правда, крошечных, но все же хоть на время суверенных государств, обмениваться телеграммами с самим Вильсоном, Клемансо и Ллойдом Джорджем»³.

В дальнейшем Байков констатирует «безудержность полевения нашей общественности». «Желание идти в ногу с революцией, опасение, как бы не прослыть реакционером, толкало многих в ряды социалистических партий, и социалистов оказалось столько, что нужно было изумляться, как это мог

¹ См. Б. Л. Байков. Воспоминания о революции в Закавказье. — «Архив русской революции». Т. 9–10. М., 1991. С. 91–194.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 109.

⁴ Там же. С. 99.

столько лет существовать прежний, только что свергнутый строй»⁴. Естественно, знаменитая Бакинская коммуна характеризуется автором крайне негативно* По его словам, на фоне безвластия органов Временного правительства — Особого закавказского комитета (ОЗАКОМ) в Тифлисе, в состав которого входили В. Харламов (председатель), А. Чхенкели, М. Пападжанов и М. Джафаров, Совдеп, деливший с новой властью одно здание, вскоре развернул бурную деятельность.

С первых дней основания его Исполкома одним из его деятельных членов стал Степан Шаумян, большевик, впоследствии — председатель Бакинского Совнаркома. Народным просвещением ведала Колесникова**, сельская учительница, «вся заслуга которой перед революцией заключалась в довольно продолжительном тюремном стаже». Среди прочего, она озаботилась мыслью облагодетельствовать пролетарские массы открытием целой системы библиотек, приблизив их к самому населению. Колесникова добивалась от учительского персонала, чтобы он проникся пролетарским мирозерцанием.

Комиссар водного транспорта, имевший продолжительный тюремный стаж при старом режиме, уже через месяц проворовался и, «хапнув» 3 миллиона николаевских рублей, бежал, но был задержан и расстрелян. Комиссар финансов, мелкий чиновник Бакинского казначейства, сразу ставший большевиком, был изобличен в мелкой взятке (несколько десятков тысяч рублей бакинскими бонами) и также расстрелян. Едва ли не единственным представителем новой власти, удостоившимся хоть сколько-нибудь положительной оценки Байкова, стал А. Джапаридзе, которому вверено было два ведомства: внутренние дела и продовольствие. Дело продовольствия день ото дня становилось все хуже и угрожало катастрофой. Не приходилось большевикам далее рассчитывать на всегда богатую хлебом Мугань: отношения русского населения Мугани к мусульманам Мугани были до того обострены, что там ежеминутно можно было ожидать возникновения столкновений. Кроме того, русские поселенцы не дали бы хлеба иначе, как за деньги или товары, и о реквизициях нечего было и думать. Голод в Баку был, что называется, «на носу».

И по словам Байкова, комиссар Джапаридзе сумел на время отказаться от большевистских доктрин, понимая, что голод может легко привести к падению власти большевиков. Он проявил необходимую гибкость, отказался от идеи полного разрушения старых учреждений и воспользовался ими как готовым аппаратом для распределения продовольствия. Не без большой борьбы «со своими товарищами» Джапаридзе удалось претворить свои идеи в жизнь. И хотя продовольственная проблема все равно стояла очень остро в течение всего времени власти Коммуны, последней удавалось все же балансировать на грани,

* Иную позицию см.: «Библиографический сборник». Под ред. М. А. Казиева. Баку, 1969; А. Н. Гулиев, М. И. Найдель. 50 лет Профсоюза рабочих нефтяной промышленности. Баку, 1956; Г. А. Алиев. Горячее сердце Бакинской коммуны. Баку, 1980.

** Колесникова Надежда Николаевна (1882—1964) — член партии с 1904 года, работала в Москве в Главполитпросвете, Институте Маркса—Энгельса—Ленина, Центральном музее Владимира Ильича Ленина.

не падая в пропасть. В частности, Джапаридзе выдвинул проект получения хлеба из Терской области морским путем с постройкой железнодорожной ветки к Старотеречной (пристань на западном побережье Каспия), благодаря чему можно было миновать Петровск-Дагестанский и Кубинский уезды, находившиеся в руках мятежных дагестанцев и «татар» (азербайджанцев). К постройке этой ветки, которая должна была соединить Каспий с Моздоком и Кизляром для выкачивания хлеба с Северного Кавказа, приступили, но не закончили до падения власти большевиков.

А. Джапаридзе завершил свои дни так же, как и большинство бакинских комиссаров: в августе 1918 года, когда комиссаров вынудили бежать, они прибыли в Красноводск, там их и задержали. По распоряжению правительства Закаспийской области, состоявшего из эсеров и меньшевиков, и по требованию англичан (генерала Мадисона) комиссары были переданы в руки британцев, расстрелявших всех в пустыне — примерно в 100 верстах от Красноводска.

Вспоминая свое участие в работе первого в России Всеимусульманского политического съезда (первые числа мая 1917 года), Байков подмечает: как было модно говорить с пафосом, что «наконец пало самодержавие, устранен тиран и деспот и народы России могут зажить свободною жизнью, что наступила истинная свобода и раскрепощение народных масс». Много говорилось об объединении всех мусульман России, которых ораторы насчитывали до 35—40 миллионов (на самом деле их было в то время в России 22—24 миллиона); шла речь о необходимости их политического и территориального объединения, слиянии с мусульманами Турции, Персии, Индии. Чувствовалось, что за кулисами съезда что-то происходит. Особенным успехом пользовались речи социалистов и мусульман-националистов, в том числе подчеркивалось, что отныне всякий входивший в состав России народ имеет право на национальное самоопределение.

Автор рассказывает о «войне суверенитетов» образца 1918 года. «Провозглашенные революцией свободы и лозунг о самоопределении народностей в Закавказье нашли специфическое воплощение. С падением центральной “русской власти” еще до прихода большевиков на Кавказ в 1920 году безуспешные попытки трех главных народностей Закавказья — татар, армян, грузин — удержаться на какой-либо общей политической платформе и объединиться в рамках федерации привели весной 1918 года к объявлению национальной независимости, а затем провозглашению суверенитета».

В качестве примера территориальных осложнений между этими государствами Байков приводит следующее: «Помнится мне такой случай: во время возникновения осложнений между Азербайджаном и частью Карабаха (Шушинский и Зангезурский уезды бывшей Елисаветпольской губернии), где Азербайджан настаивал ввести свою власть, причем в противном случае угрожая репрессиями, к нам, в Совет, явилась депутация из нескольких деятелей (среди них — шушинский городской голова), которая заявила, что свыше полутораста тысяч армян, там проживающих, не желая присоединиться к новообразо-

ванной Армении и считая себя исконно русскими подданными, обращаются к заступничеству нашего Совета и просят о принятии мер к предотвращению угрожающих им “бед”».

И далее: «Постимпериализм, который является отличительной чертой внешней политики всех государственных новообразований, возникших на пространстве бывшей могущественной России, толкнул Грузию на овладение Самурзаканью и Абхазией с городами Сухуми и Сочи, несмотря на то что ни в прошлом, ни в настоящем народ Грузии не имел там никаких интересов и грузины составляли там лишь незначительное меньшинство, толкнул и Азербайджан на предъявление Грузии требований о включении в территорию Азербайджана Закатальского округа, на который Азербайджан не имел положительно никаких прав (он подчинялся главному Кавказскому военному командованию)»⁵.

⁵ Там же. С. 176, 171.

Автор делает экскурс в историю, рассматривая вопрос о причинах, побудивших Грузию к объявлению своей самостоятельности. Идеи сепаратизма процветали в политических кругах Грузии еще до войны 1914 года. Среди грузинской интеллигенции за много лет до войны (еще во время празднования 100-летнего юбилея присоединения Грузии к России) бытовало мнение, будто Россия вероломно попрала права грузинского народа, установленные актом о присоединении Грузии к России. Весной 1918 года Грузия, поставленная перед угрозой продвижения на ее территорию турецких полчищ, объявила о своей самостоятельности и независимости от России и оперлась на Германию, опасаясь, что, оставшись неразделенной частью России, она подпадет под действие не выгодных для нее последствий Брестского договора.

В воспоминаниях Байкова нашли место и малоизвестные факты военной истории. Ужасающие кровавые события, известные под названиями Шамхорских и Муганских столкновений, — это продолжение Первой мировой войны: «Муганская степь, расположенная в нижнем течении рек Куры и Аракса, и северная часть Ленкоранского уезда, до того совершенно бесплодная и кишевшая всякими гадами, в течение последних 40—50 лет с поселением на ней русских — по большей части сектантов (главным образом молокан), и с устройством на ней ирригации расцвела и превратилась в одну из плодороднейших и богатейших местностей не только Закавказья, но и всей Российской империи. Хлопок, клещевина, клевер, всякие хлеба, с одной стороны, рыбные промыслы, с другой, давали трудолюбивому русскому населению (и сектантам, и православным) огромные излишки, сверх необходимого на прожиток. Отношения между населением русским и татарским не оставляли желать лучшего. И русские, и татары жили мирно и добрососедски... Лишь по мере все большего ослабления русской центральной власти татарские националисты стали поднимать свой голос»⁶.

⁷ Там же. С. 141—143.

Конечно, глазам современного наблюдателя, коим являлся Байков, русская действительность представлялась закружившейся в каком-то бесовском хаосе, который колебал веру в будущее России. В то время Кавказ стал разменной мо-

нетой в большой геополитической игре: «В то время, когда осенью 1917 года уже не существовало ни русско-германского, ни русско-австрийского фронтов, Кавказский фронт сохранился еще до конца года. В 1918 году Закавказье сделалось ареной продолжающейся еще Великой войны. Немцы и турки в 1918 году грабили Закавказье: первые — Грузию, вторые — Баку и Елисаветполь. Союзники, выгнав и тех, и других, уже с первых своих шагов в крае поняли, что овладение им и внедрение в него своего влияния могут дать им реальную пользу. И чем более ощущалось ослабление России, тем сильнее распоясывались иностранцы, причем политика, проводимая ими в Закавказье, не только явно клонила к ущербу недавней их союзницы России, принесшей колоссальные жертвы в общей борьбе против Германии, но резко противоречила и интересам самих народностей Закавказья»⁷.

⁷ Там же. С. 155–156.

Политические взгляды автора на эти события проявляются в следующем оценочном суждении: «Но на наше несчастье (да и, полагаю, несчастье народностей Закавказья) политику Антанты делали англичане, прошедшие свой служебный стаж в Британской Индии, где ненависть к России была воспитана издавна и даже была воспета одним их блестящих литературных талантов — Редьярдом Киплингом. И главнокомандующий союзных сил в Закавказье генерал Томсон и (особенно) его начальник штаба — полковник Стокс, были определенными русофобами, даже с трудом скрывающими эти свои чувства»⁸. Истоки этого многовекового негативного стереотипа взаимовосприятия русских и англичан остаются не разгаданными исследователями*.

⁸ Там же. С. 174.

Байков подробно рассказывает, как хозяйничали иностранцы. Союзникам было выгодно существование отдельных закавказских республик, сохранявших к тому же лишь видимость государственности, прежде всего Азербайджана. «В апреле или мае 1918 года Национальное собрание объявило об отделении от России двух ее губерний — Бакинской и Елисаветпольской — и об образовании самостоятельного государства — Азербайджанской Республики с главным городом Баку. Чтобы ясно себе представить, кто был автором зарождения идеи этого нового государства и какие именно преследовались при этом цели, необходимо себе ясно представить, что представляла собою новая республика в свете истории. Никогда обе эти губернии не составляли единого политического тела. Никогда они не носили и какого-либо общего названия, а тем более названия “Азербайджан”. Под этим именно названием известна одна из северных провинций современной Персии. Присвоение себе этим новым государством термина, относящегося к части другого государства и совершенно иной местности, явилось одной из главных причин, почему Персия долгое время не хотела признавать этой новой республики и вступать с нею в какие бы то ни было дипломатические отношения. В создании Азербайджанской Республики

* Известно, в частности, высказывание Екатерины II по поводу одной из вечных проблем «Россия—Запад»: «Англия везде нам мешает» (см. «Памятные записки А. В. Храповицкого, статс-секретаря императрицы Екатерины Второй». М., 1862. С. 63).

активную роль (при помощи турок) играли главари партии “Мусават”, именовавшей себя “тюркской партией Мусават”».

Искать исторического оправдания вновь народившемуся государству было невозможно, а еще менее было оснований окрестить его не принадлежащим ему именем. Народ молчал, и лишь когда дело доходило до бесед по душам, приходилось слышать характерные заявления вроде следующих: «республика — это ничего, и Азербайджан — тоже ничего; но надо, чтобы все было, как при Николае». И далее: «Беден людьми... открытие университета в Баку, где некому было преподавать из числа татар, да с другой стороны почти некому было

⁹ Там же. С. 92—94.

учиться, ибо среди татарского юношества весьма незначителен процент прошедших начальную школу»⁹.

Говоря о местном населении, Байков отмечает: «В массе своей татарское население Закавказья, как оседлое, занимавшееся земледелием и садоводством, так и полукочевое, пастушеское, не имея совершенно рабочего класса, оно определенно лгнуло к власти крепкой, притом власти, по национальности ей посторонней — власти российской, так как из практики хорошо знало, что власть, осуществляемая представителями из числа своих же татар, чаще всего выражалась в грубейшем произволе, сведении счетов с врагами и т. д. К русской власти татарское население не только привыкло, но и скилось с нею; не имея корней в населении, русские представители власти имели гораздо меньше шансов злоупотреблять властью безнаказанно. Хорошо помню, как из Кубинского уезда, где царьком был брат премьер-министра, занимавший скромную должность уездного начальника, раздавалось общее требование со стороны татарского населения прислать на ревизию члена окружного суда и непременно русского. Недоверие к власти было полное. При этом татары говорили нам, русским, что они очень нас любят и не только не делают никакой разницы между своими и

¹⁰ Там же. С. 155.

русскими, но даже предпочитают русских своим, а потому де нам, русским, нечего тревожиться за свою судьбу»¹⁰.

И несколько слов в качестве постскриптума. Россия нашла, говоря словами Байкова, вполне приемлемые пути к воссоединению своих окраин с центром, что выразилось в образовании в 1922 году Союза Советских Социалистических Республик. Историческая связь народов и времен не прервалась. Думается, эта информация при сопоставлении с событиями, произошедшими в нашей стране в 1990-е годы, даст возможность достичь более адекватного понимания существа последних.

Понятие «политическая идентичность» во французском обществе

Говоря о политической идентичности Франции, необходимо отметить, что эта страна обладает достаточно сформированной и развитой концепцией идентичности вообще и политической идентичности в частности. Рассматривая современный этап развития государства, можно эпоху «голлизма» и «постголлизма»¹ считать наиболее ярким моментом в утверждении политической идентичности Франции. Именно в этот период были заложены основные параметры системы французской идентичности, характерные черты к пониманию ее сущности.

Во-первых, следует отметить, что в настоящее время Пятая Французская Республика (равно как и многие ведущие государства Европы) переживает определенный кризис идентичности. Связано это прежде всего с новыми тенденциями, характерными для современной системы международных отношений: процессами глобализации, регионализации, демократизации, охватившими мировую политическую сцену в переходный период формирования постбиполярного мирового порядка. Во-вторых, корректировка курса идентичности страны в ее внешнем аспекте, как правило, происходит в момент, когда разница в оценке своего места в мире страной и оценках этой позиции другими участниками мирового политического процесса превышает критическую массу (разночтения в оценочных суждениях) минимум в 50 процентов².

Очерчивая основные параметры французского варианта политической идентичности, необходимо отметить следующие ключевые черты. В геополитической идентичности можно выделить такие составные элементы, как:

— дистанцирование от США и всего англосаксонского мира в целом (выход Франции из военных структур НАТО в 1966 году, политика взаимоотношений Франция—НАТО на рубеже XX—XXI веков — стремление Франции к независимости от НАТО рамках «второй опоры» ЕС);

— превращение в единственный полюс силы (прежде всего военный) в рамках региона Западной Европы, более того — признание этого статуса со стороны членов мирового сообщества, устанавливающих правила игры на гло-

¹ См. И. Г. Тюлин. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1998. С. 97.

² См. А. С. Макарычев. Идентичность государства — реалии и перспективы трансформации. Н. Новгород, 2002. С. 18.

СМИРНОВА Ольга Анатольевна — доцент кафедры международных политических коммуникаций и страноведения Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, кандидат политических наук.

бальной политической сцене (стремление Французской Республики к обладанию собственным ядерным оружием, а также современной развитой сетью сил ядерного сдерживания, акцентированной мобильной составляющей собствен-

³ См. А. С. Деев. Современная Франция: механизм формирования внешней политики. М., 1985. С. 64.

⁴ См. Г. Н. Новиков. Голлизм после де Голля. Идеиная и социально-политическая эволюция (1969–1981). М., 1984. С. 40.

ных вооруженных сил. В определенной степени к этому аспекту можно отнести и отклонение проекта Европейской Конституции в части причин усиления наднациональных тенденций в рамках ЕС³.

Несколько сложнее с определением параметров внутреннего аспекта политической идентичности Франции, так как до известной степени он граничит с национализмом⁴, по природе своей гражданским, но с обостренным чувством языковой принадлежности. В связи с этим необходимо напомнить о понятиях «этнической» и «гражданской» нации. Уже более 200 лет известны соответствующие «французская» и «немецкая» концепции. Первая понимает под нацией свободное сообщество людей, основанное на политическом выборе. Оно берет начало со времен Великой французской революции, когда «старому режиму» противостояло третье сословие, называвшее себя «нацией». Второе восходит к Иоганну Г. Гердеру и немецким романтикам XIX века. В их представлении, нация выражает «народный дух», опирается на культуру и общее происхождение. В прошлом веке сторонники этих двух точек зрения схлестнулись в научном споре, имевшем вполне конкретную цель: обосновать территориальную принадлежность Эльзаса и Лотарингии.

По мнению немецких историков, эти земли должны входить в состав германского государства, поскольку их население было бесспорно связано с немецкими историей, языком и культурой. Французский же историк Эрнест Ренан доказывал обратное: этнокультурные факторы сами по себе не обуславливают выбора населением своей государственной принадлежности. В знаменитой лекции «Что такое нация?» Ренан облек свою мысль в яркую, запоминающуюся форму: «Нация — это ежедневный плебисцит». Один из наиболее известных исследователей проблемы американский историк Ханс Кон в работе «Идея национализма» предпочел не противопоставлять французскую идею немецкой, а говорить о «западном» и «восточном» типах национализма. Первый (рациональный и гражданский) сложился, на его взгляд, в Великобритании, Франции, США, Нидерландах, Швейцарии;

⁵ См. В. С. Шилов. Политические партии и внешняя политика Франции (1958–1969). М., 1977. С. 36.

второй (органический и иррациональный) — в Германии, странах Восточной Европы, России, а также в Азии⁵.

Основное различие между ними Кон объяснял социальным составом националистических движений. Там, где третье сословие стало мощной силой уже в XVIII веке, национальные требования касались преимущественно экономики и политики. Там же, где в XIX веке буржуазные слои были слабыми, требования сосредоточивались в области культуры. Запад был для этих стран притягательным образцом; отставание от него задевало гордость местных образованных классов, так что они стали отторгать «чуждую» модель с ее либеральным и рациональным подходами.

Согласно американскому социологу Л. Гринфелду и другим западным исследователям, можно говорить о трех типах национализма. Индивидуалистский

национализм по необходимости — гражданский (США). Индивидуалистские нации гордятся прежде всего своими конституционными правами и считают, что именно в этом заключается их своеобразие. Все другие характеристики, которые они могут разделять, — язык, территория, физический тип, история, религия — второстепенны и вряд ли могут считаться осно-

⁶ См. В. Н. Иванов. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования. — «Социально-политический журнал». 1998. № 2. С. 37.

ванием для национальной идентичности. Коллективистский национализм имеет две разновидности: этническую и гражданскую⁶ — в зависимости от того, чем обосновывается индивидуальность или уникальность нации. Если речь идет об ощущении культурной или политической уверенности в своих силах, даже превосходства в этих отношениях, то национальность определяют в гражданских терминах (как во Франции). Этнический же национализм, напротив, обычно коренится в глубоком комплексе неполноценности, поощряющем веру в необходимость искать уникальность нации не в ее достижениях, а в самой сущности (ФРГ, Россия). По этой причине националисты подчеркивают внутреннее, не доступные для объективной проверки свойства нации.

Другие исследователи выбирают иную перспективу. Они изучают разновидности национализма, прежде всего в их соотношении с государством, причем показывают, как обе модели (этническая и гражданская) в конкретных случаях налагаются друг на друга и со временем меняют свое значение. Примером может служить работа американского социолога Роджерса Брубейкера «Гражданство и национальность во Франции и Германии», в которой исследуется, каким образом на «французское» и «немецкое» представления о нации повлияло формирование этих двух государств⁷. Во Франции бюрократическая монархия породила политическую и территориальную концепцию национальности. По мере того как вокруг единого политического и культурного центра постепенно складывалось национальное государство, шла культурная ассимиляция — сначала региональных культурных меньшинств, а затем и иммигрантов.

⁷ См. «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа». Под ред. Е. Ю. Мелешкиной. М., 2001. С. 35.

В Германии долгое время существовал «разрыв» между уровнем наднациональной империи и субнациональными суверенными, а также полусуверенными политическими единицами (княжествами, королевствами), что способствовало развитию этнокультурного понимания национальности. Национальное развитие шло в регионе с несколькими политическими центрами, двумя конфессиями, а также весьма устойчивой границей между сферами распространения германских и славянских языков.

Столетиями немцы жили в анклавах на славянском Востоке, но не утратили своего языка, культуры и идентичности. Однако ассимилировать польское население, включенное в состав Восточной Пруссии, они тоже не смогли. В итоге у германской элиты сложилось представление о желательности и возможности раздельного существования культур. Уже после того, как было создано объединенное германское государство, этнокультурное и государственное понятия «немец» начали понемногу смешиваться. Однако этнокультурное все же должно преобладать.

Английский исследователь Энтони Смит тоже описал отличие этнического национализма от территориального (гражданского) в абстрактном виде как отличие идеальных типов без привязки их к отдельным странам. Это позволяет оценивать опыт каждого государства при помощи критериев, заложенных в мо-

⁸ См. Г. Г. Диллингенский. Социально-политическая психология. М., 1996. С. 37. дели, уловить динамичный характер национальной идентичности, показать, что на деле «каждая нация обладает чертами как этнической, так и территориальной»⁸. Более того, в разное время в одной и той же стране может брать верх представление о нации то как о гражданском сообществе, то как об общности по крови и культуре.

Смит показал, что даже во Франции, которую считают воплощением идеи гражданской нации, существует и альтернативная версия национального сообщества, нашедшая свое выражение в идеях «интегрального национализма». Когда государство может навязать этническим меньшинствам мифы и символы доминирующей группы, ассимиляция эффективнее создания абсолютно новой системы символов, включающей культурный багаж нескольких объединяемых групп. Но и в таком случае не исключено сопротивление меньшинств, не же-

⁹ См. «Политический процесс: основные аспекты и способы анализа». С. 36. лающих расставаться со своим культурным своеобразием. В последнее время началось пристальное исследование сложной проблемы «гражданской нации»⁹. Гражданскую идею нации чаще всего ассоциируют с Францией, Канадой и США. Считается, что там нации — плод свободного выбора чисто политической идентичности или преданности некоторым политическим принципам. Однако каждая из двух стран обладает и собственным культурным багажом, порожденным их историей. А потому разумнее сопоставлять нации, чья культурная идентичность выдвигает на первый план политические символы и политическую историю, с другими, для культурного наследия которых особенно важны язык или этническое происхождение. Так, французская «Марсельеза» или трехцветный флаг — не только политические, но и культурные символы.

Однако что делать со смесью соперничающих друг с другом символов и исторических повествований, которые и составляют культурное наследие? Миф этнической нации состоит в том, что национальная идентичность — это только наследие и ничего больше; тут нет места для выбора. Миф гражданской нации заключается в обратном: выбор произволен, для него важны не прежняя культурная идентичность, а разделяемые с единомышленниками политические принципы. Гражданские нормы регламентируют организацию общества внутри национальных рамок, но не объясняют, как они возникают. Идея общественного договора, в основе которой лежит действительное или подразумеваемое согласие группы индивидов, придает законность разным способам политического и социального устройства.

¹⁰ См.: В. Одайник. Психология политики. СПб., 1996; И. Г. Тюлин. Внешнеполитическая мысль современной Франции. М., 1998. С. 61. Сама по себе риторика народного суверенитета поощряет современных граждан думать о себе как об общности, логически и исторически предшествующей политическим институтам¹⁰. Эта доктрина видит за любым государством народ, использующий государство для самоуправления. Относительно нежесткие связи, позволяющие людям объединяться в общественной и частной сферах, описываются при этом по-

нятием «гражданское общество». Если речь идет об ответственности правительства перед предполитической общностью, ее называют народом. Если же имеют в виду особую идентичность, говорят о нации. Все современные политические культуры были созданы от лица народа или нации, а не во имя абстрактной идеологии.

Уже внутри исторической общности можно выделять различные представления о ней самой: они бывают в большей или меньшей степени открытыми, включают или исключают потенциальных членов. Не стоит, однако, обольщаться, будто можно создать свободно выбранную и чисто гражданскую форму национальной идентичности. Без согласия, подразумеваемого гражданским идеалом, культурное наследие стало бы судьбой народа. Культурное наследие, согласно мифу этнической нации, однозначно определяет будущее. Но, игнорируя это культурное наследие, миф гражданской нации не способен объяснить, почему политический выбор делается той или иной общностью людей¹¹.

¹¹ См. Г. Н. Новиков. Голлизм после де Голя. С. 42.

Подводя итог вышесказанному, можно, таким образом, констатировать первый ключевой элемент внутреннего аспекта французской политической идентичности: понятие о нации как о «гражданской общности» с опорой на ее политический базис — принципы и установки (основные из которых — сильное государство, главенство государства и его интересов над личностью, превалирование понятия «гражданин» над понятием «человек»), а также политические мифы (о единстве нации, подкрепленные фигурой харизматического лидера страны и «широко разрекламированной» государственной символикой).

Вторым ключом к характеру политической идентичности французской нации может служить понятие, обозначаемое большинством исследователей как «солидарность»¹². В данном случае, учитывая тесную взаимосвязь с этнокультурной идентичностью страны, оно может быть расширено до следующей формулировки: «солидарность франкоговорящей нации, претендующей на (единоличное) европейское лидерство».

¹² См. В. Н. Иванов. Политическая ментальность: опыт и перспективы исследования. С. 38.

В целях иллюстрации этого положения приведем пример, чаще всего встречающийся в работах западных аналитиков по исследованию проблем формирования современной концепции французской идентичности. Предположим, на юге Франции настали самые благодатные дни: солнце, пейзаж, еда и вино — точно такие же, как неделю назад. Но пляжи почти опустели, и можно спокойно пройти в ресторан, место в котором неделю назад нужно было брать с боем. Настало время *rentrée* (возобновление работы, занятий — *фр.*). В английском языке нет эквивалента этому слову, поскольку нет аналогичного явления. Сезон отпусков бывает везде. Но нигде нет ничего, подобного массовой миграции, происходящей во Франции, равно как и ее резкому окончанию. Дороги в направлении на Париж забиты автомобилями граждан, возвращающихся из отпусков, а *rentrée* становится главной темой для телевидения и газет.

Экономические франкофобы найдут простое объяснение этому явлению. Назойливое, централизирующее французское государство требует, чтобы учебный год начинался в один день во всех школах. Это объяснение не лишено смысла, но это еще не вся правда. Предписания являются продуктом общества, в котором они функционируют. В силу практических соображений и взаимной договоренности в большинстве стран учебный год в школах начинается с интервалом в несколько дней.

Отличие Франции заключается в том, что *rentrée* отмечается как событие общенационального масштаба. Подобные публичные акции играют важную роль в определении французской идентичности. Если сегодня в одной горной деревне над Мантоном (Menton) всех угощают супом с базиликом, то завтра в соседней состоится фестиваль лаванды. Чтобы объяснить суть французского духа, нужно упомянуть о дорожных заторах, равно как о Дне взятия Бастилии, игре в шары (*rétanque*), скоростных поездах, музее д'Орсэ, местном колорите (*terroir*), но прежде всего — о кулинарных и лингвистических традициях.

Солидарность является центральным элементом идентичности в большинстве стран Европы. У нее множество проявлений. Большинство малых европейских государств имеет свой особый язык и однородную культуру. Во Франции границы солидарности, возможно, шире, чем где-либо еще, — это всеохватная солидарность, которая позволяет сверхпривилегированным госчиновникам

¹³ См. А. С. Макарычев. Идентичность государства — реалии и перспективы трансформации. С. 16.

и гротескно субсидируемым фермерам пользоваться сочувствием, даже когда они останавливают поезда и перекрывают дороги. Но в сегодняшней Европе, особенно во Франции, такая солидарность находится под давлением¹³.

Со стороны глобализации, подрывающей все формы национальной идентичности, равно как экономического бремени, налагаемого привилегированными группами, настаивающими на расширении своих привилегий, и группами, лишенными привилегий, которые требуют защитить свои права, а также от обществ иммигрантов, плохо ассимилированных в принявших их странах.

Итак, можно констатировать, что под *политической идентичностью* следует понимать отождествление субъектом политического процесса себя с определенной политической позицией, признаваемое другими субъектами политических отношений. Политическая идентичность — это момент относительной определенности в сфере политики, попытка фиксации политического становления. Необходимо также отметить, что политическая идентичность имеет два аспекта: внутренний и внешний. Внешняя грань политической идентификации может быть также охарактеризована как «геополитическая идентификация извне».

Говоря о политической идентичности Франции, необходимо отметить, что эта страна обладает достаточно развитой концепцией идентичности вообще и политической идентичности в частности.

Рассматривая современный этап развития государства, эпоху «голлизма» можно считать наиболее ярким моментом в утверждении политической идентичности Франции. Именно в этот период времени были заложены основные параметры системы французской идентичности. При этом сегодня можно говорить о кризисе идентичности Пятой Республики, связанном прежде всего с новыми тенденциями, характерными для современной системы международных отношений, — процессами глобализации, регионализации, демократизации, охватившими мировую политическую сцену в переходный период формирования постбиполярного мирового порядка.

Утопия для России как утопия для мира

В. С. Мартьянов. *Метаморфозы российского Модерна: выживет ли Россия в глобализирующемся мире.*

Екатеринбург, УрО РАН, 2007. 345 с.

Еще 20 лет назад в мировой политике все было вполне ясно и понятно: есть мировой капитализм во главе с США, есть мировой социализм, ориентирующийся на СССР, есть страны третьего мира, в том или ином отношении примыкающие либо к первым, либо ко вторым. И даже движение «неприсоединения» было всего лишь ответом некоторых правительств на биполярный мировой порядок. Два полюса глобального мира выражали две базовые идеологии эпохи Модерна — либерализм (в совокупности с консерватизмом) и социализм, и соответствующие им две возможные социальные системы. Эти полюса биполярного мира демонстрировали не только преимущества и уязвимости двух социально-политических и социально-экономических проектов, но и две действительные альтернативы развития мировой системы, одна из которых выражала экономическую успешность при сохранении социального неравенства (капитализм), вторая — социальное равенство при ограничении экономического роста (социализм). Но самое главное: глобализация имела по крайней мере два возможных вектора развертывания, не только выраженных в соответствующих идеологиях, но и обеспеченных деятельностью конкретных государств и их союзов.

Распад социалистической системы (1989–1991), который часто называют моральным крахом социализма, привел мир к ситуации не столько однополярной системы, сколько неустойчивой

постбиполярности. Многочисленные дилеммы возникли перед странами, раньше либо входившими в мировую систему социализма, либо ориентированными на его пример в третьем мире. Россия в этом процессе, разумеется, пережила более фундаментальный кризис, нежели ее бывшие союзницы по СССР, СЭВ и Варшавскому договору, ибо перестала быть сверхдержавой.

Это привело к ориентации большей части российских обществоведов на поиск специфики национального самосознания в условиях парадигмы транзитологии, попыткам сконструировать «национальную идею» и т. д. Все эти «искания», по сути, констатировали только одно: Россия включается, встраивается в систему глобального капитализма, теряет собственное всемирное значение, и пытается всего лишь конституировать какую-то особенную, а потому тупиковую «национальную идею» в рамках всеобщего глобализма. Другая часть российских интеллектуалов не разделяла такую постановку вопроса. Это почвенники, евразийцы, национал-патриоты, антиглобалисты, объединенные неприятием глобализации. Но антиглобализм тоже является неистинностью, ибо глобализация есть объективно существующий исторический факт, фиксируемый эмпирически. Отрицая глобализацию, они тоже, как ни парадоксально, пытаются вернуть Россию в лоно ограниченной «национальной идеи».

Поэтому появление книги, в которой весьма обстоятельно обосновываются

КОНДРАШОВ Петр Николаевич — кандидат философских наук.

реакционность и вторичность возврата России к «национальной идее», о которой так много писали еще несколько лет назад и надрывно пишут до сих пор, — весьма неординарное событие в современном российском обществоведении. Книга, написанная живым, тем не менее действительно научным языком, читается на одном дыхании, вызывая у читателя множество противоречивых эмоций. А ведь то, что захватывает, не оставляет равнодушным, по определению является значимым и ценным.

Большей частью с идеями, высказанными в книге, хочется согласиться. Последнее касается таких базовых, на наш взгляд, методологических аспектов общественной науки в целом, как партийность, историчность, роль утопий и идеологий.

Сегодня идея политической ангажированности (или партийности) общественных наук у многих вызывает только ухмылку — проходили, мол, такое в курсе марксизма-ленинизма, безнадежно устаревшем, да и вообще он как-то не вписывается в современный дискурс. В отличие от позитивистов, В. Мартынов подчеркивает необходимость, как выражался В. И. Ленин, «партийности в философии». Так он пишет: «Проблема заключается в сознании социального контекста, в неизбежной ценностной рефлексии ученых-обществоведов. Обществовед-теоретик не может находиться вне реального общества, то есть не сознать свои исторические координаты, социальные предпочтения, личные симпатии—антипатии, ангажированность. Любые попытки рассуждать в общественных науках объективно и не ангажированно, встав «над обществом», являются позицией идеолога. Поэтому не может быть серьезной политической теории, которая не имеет, пусть и предельно опосредованной, связи с позициями интересов значимой социальной силы в поле политики. Более того, это невозможно без целенаправленного поиска такой опоры, без поиска соответствия интеллектуального и социально-

политического поля. Иначе проблема субъекта социальной теории как субъекта социальных изменений заходит в тупик, а без субъекта общественные теории теряют смысл» (С. 22).

Безусловно, такая прямая, четкая и смелая позиция заслуживает одобрения, тем более что в предисловии Мартынов прямо указывает: «...авторская позиция состоит в том, что ценностный нейтралитет в общественных науках, во-первых, недостижим кем-либо “до конца”, даже если этот кто-то пытается вещать от имени социальных универсалий и конвенций, будь то государство, право, история, разум, Бог, природа и т. п. А во-вторых, вследствие этого аморален. Так как попытка встать над спором, над политикой, социумом есть претензия на объективную позицию Бога. Подлинно научной представляется иная методологическая позиция, емко сформулированная С. Жижekom: “Нужно уметь признавать свою партикулярность”» (С. 9).

Заслуживает внимания критика Мартыновым философских оснований постмодернизма. Распространение и восприятие идей этого интеллектуального движения в России заслуживают особого внимания, поскольку постмодернизм воспринимается у нас некритически, даже в некотором смысле религиозно. Быть может, есть какая-то своеобразная, извращенная эстетика в употреблении фраз типа «маршрутизация нарративов в неэвклидовой геометрии герметизирующегося универсума дискурса», но смысла в этом нет никакого. Более того, положения постмодернистов, будто их мысль тотально и радикально вырвалась из пут «модернового» мышления, воспринимается как само собой разумеющаяся истина. Но в действительности, как показывает Мартынов, никакого «эпистемологического разрыва» между модернизмом и постмодернизмом нет, ибо «постмодернизм довел до логического края внутренние противоречия Современности, но не смог предложить ей системную альтернативу. Поэтому постмодерн остался

критической культурной надстройкой над Современностью — Модерном, автономия которой от своего интеллектуального основания-источника невозможна. Конец Современности означает одновременно и конец паразитирующего на ней постмодерна» (С. 200).

В. Мартьянов показывает, что постмодернизм в своей «мягкой» форме не преодолел модернистскую модель мышления, основанную на бинарных оппозициях, он только механически перевернул их. И далее автор рецензируемой книги предлагает заслуживающую внимания интерпретацию политической роли постмодернизма. Дело в том, что постмодернисты в целом воспринимаются как левые, радикально настроенные интеллектуалы, критикующие общество потребления, репрессивные механизмы буржуазной фактичности. В этой критической функции постмодернизма видят его прогрессивную роль.

Автор показывает, что это не так: «В отличие от марксистской критики общества, предполагающей преобразование несправедливых экономических, политических, культурных принципов общества, постмодернизм не предлагает реальных (реалистичных) альтернатив. В силу этого не только падают убедительность и релевантность постмодернистской критики, но и происходит ее превращение в чистое отрицание, в антигезис, не оставляющий возможности для нового синтеза. Это подтвердила и практика, когда принципы постмодернистских теорий, будучи действительно реализованными в практике, стали разрушать современные нации-государства, умножая конфликты, группы обделенных и недовольных, разделенные общности... Таким образом, постмодернизм, провоцируя множасьщиеся конфликты все более мелких и ограниченных человеческих идентичностей... не знает, как их в итоге разрешить, поскольку не обладает универсализующими критериями и обобщающими практиками... Таким образом, постмодернизм странным образом оказывается до-Модерном и до-Просвещением.

Регресс очевиден: универсалии Модерна дискредитированы, а взамен ничего более эгалитарного и справедливого не предложено» (С. 201—203).

Соответственно, книга Мартьянова заставляет задуматься над возможным местом России в современном, глобализирующемся мире: *где окажется Россия в его структуре в ближайшем будущем?*

Хотим мы этого или нет, но либеральный (капиталистически-демократический) проект Модерна реализован и, по сути исчерпав себя, зашел в тупик (см. С. 27). Тупиковость ситуации состоит в том, что он не смог реализовать базовых ценностей (равенство, благосостояние, демократия, защита прав, социальные гарантии, свобода) *для всех*, ибо мир фундаментально разделен на «центр» капиталистической миросистемы, в которой эти ценности в той или иной степени оказываются реализованными, и «периферию» (с переходными системами «полупериферии»), где господствуют бедность, несправедливость, унижение, авторитаризм и насилие: «Оказалось, что последовательно проводимый курс неолиберализма ведет к экстремальному расслоению обществ, обострению политико-экономических конфликтов и общей поляризации миросистемы» (С. 28).

Но самое важное в другом: либеральный проект, по существу, не может ничего предложить странам «периферии». «Отсюда проблема, состоящая не столько в кризисе капиталистической миросистемы и представительной демократии, сколько в потере ими утопического измерения, способности давать надежды на что-то большее» (С. 26). В современности, помимо демократии, нет ничего трансцендирующего, выводящего за пределы сложившегося status quo (см. С. 29). Более того, «такие “новые” концепции, как неолиберализм или альтерглобализм, оказываются на самом деле отнюдь не принципиально новыми проектами, а скорее иррациональными и реактивными антиутопиями, которые питаются энергией разочарова-

ния в осуществленных на практике идеалах капиталистической миросистемы, не предлагая им действительной альтернативы, но ограничиваясь косметическими ремонтами... Соответственно, несправедливость в обществе прогресса стала интерпретироваться уже не как ухудшение статус-кво, но, наоборот, как его сохранение, как нереализованность возможностей и надежд, как отсутствие изменений к лучшему» (С. 26–28).

Именно в этом смысле привычные политические теории не годятся для мировой системы, которая складывается ныне. Классические идеологии Модерна (социализм, либерализм), которые давали трансцендирующие перспективы на лучшее, то есть несли утопический элемент, мобилизующий массы, ушли в прошлое, а новые политические «нарративы» (неолиберализм, антиглобализм, неофундаментализм) оказываются, с одной стороны, не связанными с общей глобализационной динамикой всемирно-исторического процесса (ибо «замыкают» политику на внутрисоциальном, национальном уровне), с другой — неспособными к трансценденции, выходу за пределы существующего мирового порядка, который представляется несправедливым даже для принадлежащих к «золотому миллиарду», не говоря уж о «периферии» миросистемы.

Рассуждая в такой системе координат, Мартынов обращает внимание на Россию. В свое время СССР предложил альтернативный, левый проект Модерна, но он потерпел крах. В силу этого мир стал однополярным и моноидеологическим. Однако место и роль России в мире не могут оставаться «полупериферийными». Отсюда и насущные задачи для нее и в глобализирующемся мире: «проблема альтернатив не исчезает. Поиск новых трансцендирующих оснований для современной политики и общества интенсифицируется именно потому, что старые уже реализованы. И Россия как субъект полупериферии, стремящийся улучшить свое положение в миросистеме, конечно, априори заинтересована в таком поиске» (С. 16).

Какой может быть глобальная российская альтернатива? Если суммировать все идеи Мартынова на этот счет, то они таковы. Во-первых, это должна быть не «национальная идея», а именно *глобальная концепция*. Во-вторых, она должна быть не только протестом, но и *положительной программой*: «...если речь идет о поиске действительной альтернативы, глобального протеста мало, нужны амбиции уровня К. Маркса для описания *возможного общества*, которое превзойдет нынешнюю миросистему с ее либеральным консенсусом в пользу более универсальных и справедливых ценностей, даст новые возможности и надежды взамен нынешней детерминированности и предсказуемости, которые для многих классов и периферийных стран оборачиваются безнадежностью. Иначе проблема замены Демократии равновеликой Недемократией превращается в бессмысленную схоластику» (С. 15). К сожалению, «в настоящее время, помимо впечатляющей критики, целостной альтернативы капиталистической миросистеме и либеральному консенсусу нет» (С. 63).

В-третьих, глобальный эгалитарный проект, способный выжить в России, должен быть направлен не на удовлетворение каких-то национальных, корпоративных или узкоклассовых интересов за счет эксплуатации всего остального мира, а на всеобщее (глобальное) благо. «Такова, собственно, и оптимальная стратегия для современной России — менять миросистему к всеобщей выгоде, а не бороться в ограниченной цивилизационной логике с ее нынешними гегемонами. Этот принцип уже однажды помог России превратиться в короткие исторические сроки из аграрной распадающейся империи фактически в альтернативный центр миросистемы. Такой путь возможен и сегодня» (С. 32). Надо «предлагать не цивилизационные, а потенциально всечеловеческие сценарии решения проблем, которые могли бы устроить все заинтересованные стороны. Это трудно, но возможно». И далее: «Проблема заключа-

ется в том, что проекты преодоления периферийности можно реализовать лишь путем изменения всей миросистемы и только как следствие — самой России. Во все более взаимосвязанном мире изменить часть можно, лишь изменив целое. Войти в мировую политическую повестку можно только одним путем — мыслить глобально, с точки зрения выгод всего человечества» (С. 65).

В-четвертых, всеобщий проект должен быть *утопией* в том смысле, что должен обрисовывать контуры общества будущего, давать надежду на улучшение возможностей всех людей на Земле, а не сохранять и консервировать бесчеловечность неоллиберального глобализма. Тем не менее «утопический образ, который СССР предлагал миру, был в силу разных причин отвергнут, а новой социальной утопии, дающей надежду на лучшее будущее для большинства населения Земли, так и не появилось» (С. 290). В-пятых, глобальная социальная утопия должна быть не столько экономической, сколько *этической* по своему содержанию, а именно — выступать с критикой «моральных принципов капиталистической миросистемы, герметически замкнутых на бесконечное накопление капитала, подчиняющее себе все иные возможные приоритеты» (С. 314). Новую этику автор связывает с пересмотром принципов потребительского и накопительского мировоззрения, что отсылает нас к проектам таких мыслителей, как Э. Фромм, Г. Маркузе, А. Швейцер.

В-шестых, утопия при своей реализации должна быть нацелена не только на насущные и кратковременные проблемы современности, но также и на будущие поколения: «Представляется, что в условиях капиталистической миросистемы большая справедливость политических решений, прежде всего на международном уровне, может быть связана с выработкой механизмов принятия решений, предполагающих учет перспектив интересов человечества в целом. То есть выработку долгосрочных стратегий, учитывающих не только интересы всех населяющих

землю людей, но и будущих поколений» (С. 321).

И, наконец, последнее. Альтернативный глобальный проект-утопия, который может предложить Россия миру, будет способствовать, помимо всего прочего, обновлению российской социальной науки, «преодолению зацикленности, типичной для общественных наук периферии, на собственной локально-национальной проблематике, симулякральных проблемах идентичности, комплексах обязательного признания любых новаций “внешними авторитетами” и т. п.» (С. 327). Следуя своим методологическим предпочтениям, В. Мартянов считает, что на статус перспективной парадигмы общественнознания может претендовать миросистемный анализ (см. С. 328, 337).

Таковы, по мнению автора, задачи для России в современном, глобализирующемся мире.

Часто с автором хочется спорить. Особенно это касается двух моментов. Во-первых, когда он в свой текст вводит такие понятия, как «имплозия масс», «нарратив» или «метарассказ», — термины с весьма расплывчатой семантикой. Так, на странице 126 рецензируемой работы читаем: «В результате идеология как пластичное связующее звено знания и власти обладает способностью к перекодированию научного “кода истины” во вторичный код оправдания власти. Идеология — это форма политического метарассказа эпохи Просвещения и Модерна». Думается, что эту мысль можно было бы более адекватно высказать и с помощью «классической» терминологии.

Во-вторых, несогласие вызывает некоторое пренебрежение автором методологией классического марксизма в пользу миросистемного анализа, предложенного И. Валлерстайном, который в своей основе также является неомарксистским. Думается, многие анализируемые в книге вопросы могли бы получить более выгодное решение или по крайней мере освещение посредством ориентации на марксизм,

в том числе в его недогматической форме. Особенно это касается таких ключевых проблем, разбираемых в книге, как роль утопии и утопического в политике (Э. Блох, Ж.-П. Сартр), связь идеологии и повседневности (А. Грамши, Г. Лукач, А. Лефевр, А. Хеллер), историчность ценностей и их место в структуре политического (Г. Маркузе, Г. Лукач, А. Хоннет). Более того, именно в рамках методологии классического марксизма (естественно, с учетом новых условий) можно успешно анализировать и процесс самой глобализации.

Наконец, мы позволим себе указать на главный недостаток монографии —

отсутствие разработки позитивного содержания новой социальной утопии. Но, наверное, несправедливо требовать от одного автора в одной книге дать ответы на все серьезные вопросы, являющиеся объектом интеллектуальных усилий многих ученых. К тому же в начале своего труда автор сам предупреждает нас: «Возможно, не на все вопросы удалось сформулировать достойный ответ. Главное, чтобы они были поставлены» (С. 10). Думается, поставленные в книге дискуссионные вопросы требуют серьезного обсуждения, ибо от способа их решения зависит дальнейшая судьба и России, и мира в целом.

КОНСТАНТИН ГРЕКОВ

Консерватизм и Российское государство: от Ивана III до наших дней

Р. Пайпс. Русский консерватизм и его критики: Исследование политической культуры. Пер. с англ.

М., «Новое издательство», 2008. 252 с. (Библиотека «Либеральная миссия»).

Открыв новую книгу известного американского специалиста по истории России и СССР Ричарда Пайпса, внимательный читатель сразу же обнаружит небрежность в логических построениях автора. В предисловии к русскому изданию Р. Пайпс формулирует основную идею своей книги об авторитарном характере российской политической культуры и приводит в качестве одного из аргументов результаты социологических опросов, которые показывают, что «русские, поставленные перед выбором между *свободой* и *порядком*... в большинстве своем выбирают *порядок*. Из этих опросов явствует, что свобода для них означает анархию и преступность». При этом здесь же он говорит: «...ложный выбор, ибо эти два понятия прекрасно сочетаются» (С. 7). Получается, сама постановка вопроса некорректна, а значит, не следует делать поспешных выводов.

В книге «Русский консерватизм и его критики» Р. Пайпс предпринимает попытку проследить корни русской консервативной традиции. Термин «консерватизм» имеет разные значения в зависимости от политической культуры страны, ибо именно культура определяет, что консерватизм стремится сохранить. Квинтэссенцией русского консерватизма, по мнению автора, является самодержавие — сильная централизованная власть, не ограниченная ни законом, ни парламентом. Историю консерватизма он проследивает с момента возникновения идеала авторитарного правления в начале XVI века, когда появилась русская политическая теория, до начала XX, когда, по крайней мере на время,

эта проблема была решена введением конституционного парламентского режима (см. С. 12). «Критики» самодержавия в названии этой книги — это мыслители и/или государственные деятели, которые тем или иным способом хотели ограничить власть государя, то есть, по существу, это либералы или либеральные консерваторы.

Таким образом, исследование представляет собой очерк интеллектуальной истории, но истории, связанной с действительностью. Р. Пайпс замечает, что идеи не возникают в вакууме, а однажды возникшие таким образом беспомощны и потому представляют небольшой интерес для историка. По этой причине исследователь интеллектуальной истории должен объединять изучение идей с таковым конкретных социальных и политических институтов, в которых они появляются.

Круг источников, использованных автором, достаточно широк; он рассматривает не только труды политических мыслителей и официальных идеологов (И. С. Пересветов, Ф. Прокопович, П. Я. Чадаев, С. С. Уваров), но и произведения писателей и историков (Н. М. Карамзин, А. С. Пушкин, М. Н. Погодин, Ф. М. Достоевский), путевые заметки иностранцев, взгляды государственных деятелей (М. М. Сперанский, П. А. Столыпин) и др.

В главе, открывающей книгу, Пайпс анализирует причины появления в России политических институтов и практик, «породивших уникальную пропасть между правителями и подданными» (С. 16). По мнению автора, эти причины следует искать в обстоятельствах возникновения Русского

ГРЕКОВ Константин Игоревич — политолог, публицист.

государства, культуре России, унаследованной от Византии и ставшей источником ее религии, а также в монголо-татарском ханстве, чьи властители правили Россией в течение двух с половиной веков.

Априори считая европейскую культуру образцом либерализма, автор анализирует российские реалии с точки зрения их соответствия этой модели. По мнению Пайпса, европейские монархии сформировались благодаря синтезу трех элементов: наследия Римской империи, культуры варварских племен, которые завоевали ее, и Католической церкви. В дальнейшем европейские традиции были дополнительно подкреплены двумя институтами — феодализмом и городскими коммунами. То есть власть европейских королей с раннего времени ограничилась множеством идей и институтов, как то: убеждением, что король обязан заботиться о благосостоянии своих подданных, уважать обычай и не издавать законов по собственной прихоти; что перед принятием решений, касающихся всей страны, он должен советоваться с народом, а главное — он должен уважать собственность своих подданных.

Условия становления российской государственности были иными. Страна, уязвимая перед иностранными вторжениями, в которой власть управляет огромными территориями, имела тенденцию к централизованным формам управления. Концентрации власти в руках русских правителей способствовало отсутствие частной собственности на средства производства и рынка предметов потребления. Города Московии, по сути, были административными и гарнизонными центрами, имевшими значительное сельское население, занятое крестьянским трудом и не знавшее местного управления. Конечным результатом этих обстоятельств стало отсутствие двух институтов в средневековой Руси, которые на Западе выполняли функцию ограничения власти королей: независимой родовой знати со средним классом и частной собственности на землю.

Р. Пайпс замечает, что такой менталитет существовал и в Европе — в период раннего Средневековья, например у французских королей Меровингов, тоже

обращавшихся со своим королевством, как с собственностью. Но на Западе в процессе развития общественное право наложилось на частное и породило представление о государстве как об инструменте партнерства между правителями и управляемыми. В России такой эволюции не произошло из-за недостатка факторов, сформировавших европейскую политическую теорию и практику: римского права и католической теологии, феодализма и торговой культуры городов.

Конечный результат подобного политического устройства таков: правящая элита ни тогда, ни позже не рассматривала общество как образование, не зависимое от государства, имеющее собственные права, интересы и желания, образование перед которым она несла ответственность. Режим, не опиравшийся на народ, которым он управлял (а на самом деле даже отвергавший его поддержку), жил в постоянном ощущении опасности и страхе перед разрушением, заставлявшим российских мыслителей, как и население в целом, поддерживать самодержавие как единственного гаранта внешней безопасности и внутренней стабильности. Это был замкнутый круг: русские люди поддерживали автократию, потому что чувствовали себя бессильными, и они чувствовали себя таковыми, потому что автократия не давала им никакой возможности ощутить свою силу (см. С. 47).

Суверенитет, приобретенный Москвой в результате освобождения как от монгольского, так и от византийского господства, заставил ее столкнуться с множеством политических вопросов. Это дало начало дискуссиям, ознаменовавшим появление в XVI веке русской интеллектуальной жизни. Политическая дискуссия, начавшаяся около 1500 года между «нестяжателями» (Нил Сорский, Максим Грек) и «стяжателями» (Иосиф Волоцкий), касалась вопроса о монастырском землевладении. Однако полемика между этими двумя лагерями затрагивала и предмет, не относящийся прямо к монастырскому землевладению, — верховную власть.

Чтобы обезопасить свои владения и обеспечить монополию на религиозные обряды, официальная Православная церковь

предоставила «полную и безусловную поддержку самодержавной власти». Правитель, единственный подлинный христианский император в мире, при поддержке богословов был провозглашен как наделенный неограниченной властью — его подданные в буквальном смысле слова были его рабами, с которыми он волен был обращаться по своему усмотрению. У них не было прав — только обязанности. Он мог править один, без советников. Церковь, второй по значимости институт в стране, полностью подчинялась государству (см. С. 64).

Политическая теория в настоящем смысле этого слова не просто как компиляция идей, а как доктрина государства с объяснением его истоков и оснований, законных полномочий и его отношения к обществу, впервые появилась в России во время правления Петра Великого. Сам Петр был деятелем, а не мыслителем. Но это не означает, что ему не хватало идей. Одной из них было представление о суверенитете как о неограниченной власти. Другая привлекавшая его идея заключалась в следующем: правитель и подданные несут обоюдную ответственность за создание «всеобщего блага».

Такова была теория. Однако на практике Петр продолжал патримониальную традицию, отказывая русским людям в каких-либо устремлениях и воспринимая их как подданных. Отсюда и тесно связанная с концепцией «всеобщего блага» концепция государственной службы, обязательной не только для знати, но и для остальных, включая и самого царя.

Если русская политическая теория появилась во времена правления Петра Великого, то общественное мнение возникло при его непосредственных преемниках: сначала при Елизавете, а в более развитом виде — при Екатерине Великой. Это стало прямым следствием ослабления и затем окончательной отмены обязательной государственной службы дворянства, а также введения частной собственности на землю, впервые в России создавшей свободный имущественно обеспеченный класс.

При всем этом русские правители обращались с общественным мнением последовательно. Они поддерживали его,

развивая высшее образование, потому что хотели видеть Россию современной страной. Но, как только общественное мнение становилось критическим по отношению к правительству, они обращались к репрессиям.

Просамодержавный консерватизм доминировал в российской политической теории и практике с начала XVIII до середины XIX века. Были заметны и либеральные веяния, защитники которых пытались каким-то образом ограничить самодержавие: посредством или бюрократических механизмов, которые могли регулировать выполнение царских указов и таким образом препятствовать ему, или сужения его компетенции. Эти усилия пользовались поддержкой наиболее просвещенных слоев страны, включая некоторых членов высшего дворянства. И все же в итоге эти усилия потерпели неудачу, и консерваторы одержали победу.

Во второй половине XIX века русский консерватизм претерпел радикальные изменения, вызванные несколькими взаимосвязанными факторами. Самым важным из них было унижающее поражение России в Крымской войне. С этого момента мыслящие русские люди стали осознавать, что причина поражения крылась не в военной неполноценности, а во внутренней слабости, отказе вовлечь общество в социальную и политическую жизнь.

Либеральной традиции в России посвящена последняя глава книги «Недолгий триумф либерализма». Русский либерализм черпал свои идеи в Западной Европе: за небольшими исключениями все его сторонники принадлежали к западникам, хотя большинство осознавало особенности России, а некоторые признавали правильную доктрину славянофилов. Движение прошло через два этапа: первый продолжался примерно 40 лет — с 1855-го по 1895 год, второй — с 1895 года до конца старого режима. На первом этапе либерализм следовал умеренно консервативной линии поведения, будучи готовым пожертвовать демократией в обмен на гражданские права; на втором этапе он перешел в политическое наступление, познав на опыте, что гражданские права и самодержавие несо-

вместимы (см. С. 197). Основными теоретиками либерально-консервативной школы в России являлись Константин Кавелин, Борис Чичерин и Александр Градовский. В частности, Градовский считал самодержавие полностью совместимым с гражданскими свободами и верховенством закона.

Такова была характерная черта российского либерализма во время правления Александра II и Александра III. Действительно, либеральный консерватизм был абстрактной и нереалистичной доктриной. Представление, что неограниченная монархия может с уважением относиться к гражданским правам, было далеко от реальности. По мере осознания этой реальности российское либеральное движение радикализировалось, его руководство переходило к силам, сосредоточенным в земствах. А в 1905 году добилось конституционного режима для России.

Ключевая ошибка Ричарда Пайпса, как и большинства представителей либеральной школы, заключается в его подходе к России (она рассматривается исходя из соответствия «западному канону»), безусловно имеющем право на существование, поскольку русская культура (особенно после петровских реформ) является частью европейской. Однако абсолютизация его приводит к неверному истолкованию существовавших институтов. К примеру, при анализе природы самодержавия автор подчеркивает отсутствие сдерживающих институтов, традиционных для Европы, что дает ему возможность сделать вывод о неограниченном характере царской власти и отсутствии у нее каких-либо обязательств. Однако следует помнить, что Россия была православной страной, где правитель воспринимался как пастырь своего народа. Соответственно, за свой народ он должен был персонально отвечать перед самим Богом. Этим в том числе объяснялась широта предоставленных ему полномочий.

Кроме того, Р. Пайпс достаточно небрежно обходится с историческим материалом разных времен, переносит современные реалии в исторические эпохи. Указывая на частную собственность как на

базовый институт европейской цивилизации, он с легкостью ее находит и в племенном строе, и в античную и в феодальную эпохи. В то время как уже античные авторы указывали на сложный, двойственный характер права собственности, поскольку она сочетала черты как частной, так и общественной собственности.

Не совсем корректно используются данные лингвистики, в частности терминология римского права. Пытаясь жестко отделить частное право от общественного (точнее — публичного), Пайпс говорит, что это выражалось в терминологии власти: *potestas* — государственная власть, *dominium* — частная власть. Что не совсем верно. К примеру, власть отца над своим семейством обозначалась как *patria potestas*, а власть римского народа могла звучать как *dominium populi Romani*. Корректнее говорить о *potestas* как о власти по отношению к людям, а *dominium* — к вещам.

Работа зачастую грешит тенденциозной расстановкой акцентов. Всячески подчеркивая неудачные попытки либерализации в России, Р. Пайпс упускает из виду постепенную эволюцию системы. Столь жесткое прерывание развития в 1917 году связано не столько с внутренними, сколько с внешними причинами — с Первой мировой войной.

Наконец, можно поставить под сомнение и базовый тезис Р. Пайпса о либерализме европейского общества. Известно, что либерализм политических институтов на Западе компенсируется жесткими ограничениями со стороны самого гражданского общества, о «тоталитарности» и «репрессивности» которого в XX веке писали многие философы левого толка, в том числе Сартр, Адорно, Маркузе.

Возвращаясь к упомянутому Р. Пайпсом выбору, правильнее будет сделать иной вывод. Следует говорить о двух сторонах общей европейской культуры, всегда ищущей баланс между двумя представленными крайностями. Ведь, если европеец выбирает *свободу*, это не значит, что любой *порядок* для него означает рабство и тиранию.

АЛЕКСАНДР МАРЕЙ

Мысль, язык, общество и государство

Б. Харшав. Язык в революционное время.
Пер. с англ. Л. Черниной.
М., «Текст», 2008. 477 [3] с.

Как известно, язык первичен по отношению ко всяким возможным знаковым системам*. Именно поэтому уже на протяжении длительного времени он является значимым объектом для культурологических, социологических, литературоведческих, историко-правовых и прочих «нелингвистических» в строгом смысле исследований. Одним же из наиболее интересных аспектов без сомнения является вопрос о роли языка в процессе формирования картины мира индивидов и социальных общностей, вплоть до форм национального самосознания народа в целом. Подобное исследование может проводиться как бы с двух сторон: можно изучать тот или иной язык, опираясь на знание о сложившейся системе ценностей народа, зафиксированной в его текстах, прежде всего религиозных и правовых; а можно подходить к анализу упомянутой системы ценностей, принимая в качестве исходных данных информацию, предоставляемую непосредственно языком как средством и инструментом формирования сложной системы социокультурных коммуникаций.

Книга американского ученого еврейского происхождения Бенджамина Харшав** посвящена «всемирным трансформациям», случившимся в Новейшее время

с народом евреев, и более конкретно — возрождению древнееврейского языка и его последующему становлению как разговорного и литературного языка Государства Израиль. По меткому выражению самого автора, речь идет об исследовании «идеологии, которая создала язык, сотворивший общество, ставшее государством» (С. 10). Соответственно этому заявлению по содержанию в книге четко выделяются две основные части: в первой рассматривается процесс формирования собственно идеологии (Харшав называет его «еврейской революцией нового времени» (мы еще вернемся к этому термину)), вторая же (Ч. 2—4 в авторской разбивке) посвящена изучению возрождения иврита и его распространения в качестве основного языка нового, ивритского общества (см. С. 9—10). Своеобразной «жемчужиной» книги с точки зрения ее структуры является ее третья часть, в которой собраны несколько не переведившихся ранее на русский язык статей ивритоязычных авторов о возрождении иврита.

В качестве цели своего исследования Б. Харшав видит построение *каркаса* (термин автора) еврейской национальной истории. До сего момента, по его утверждению, еврейская историография развивалась преимущественно в рамках позити-

МАРЕЙ Александр Владимирович — старший преподаватель Российского государственного гуманитарного университета, кандидат юридических наук.

* Подробнее об этом см.: Г. В. Колшанский. Объективная картина мира в познании и языке. М., 1990. С. 39; Т. В. Губаева. Язык и право. М., 2007. С. 11 и далее.

** В данном случае национальность автора книги имеет сугубо принципиальное значение. Это книга, написанная евреем и о евреях, что, с одной стороны, обуславливает глубочайшее проникновение автора в материал и его понимание описываемых процессов, с другой — объясняет чувство им многих моментов еврейской истории как своих собственных. Таким образом, читая исследование Б. Харшав, ни на минуту не следует забывать, что в нем читателю представляется позиция не просто интересного ученого, но еще и инсайдера.

вистских представлений, и в ее основные задачи входили сбор разнообразных фактов, обработка многочисленных источников и т. д. Автор же пытается сделать качественно иной шаг, представив на суд читателя комплекс обобщений, «которые можно рассматривать как гипотезы и впоследствии опровергать или уточнять» (С. 12). Важным представляется и замечание Харшава относительно его идеологической исследовательской позиции: несмотря на то, что значительное количество проблем, описываемых им в книге, остаются актуальными по сей день, он претендует лишь на одно: показать, что же происходило в том «смутном, возможно переходном, но созидательном столетии», которому посвящает свой рассказ (С. 14). Позволим себе заметить, что эта позиция особенно ценна именно сегодня, когда разнообразные политические реалии практически постоянно заслоняют историческую перспективу.

Бенджамин Харшав начинает книгу с разговора о терминах, вводя читателя в круг таких понятий, как *Эрец Исраэль*, *алия*, *шув*, *галут* и др. Мы последуем примеру автора, но при этом сосредоточим наше внимание на другой употребляемой им же терминологии. Как уже говорилось выше, одним из принципиально важных концептов для Харшава является понятие «еврейской революции нового времени», объединяющее два других — еврейскую революцию и еврейское же новое время. Отсчет «еврейского нового времени» автор начинает с 1881—1882 годов, отмеченных волнами погромов на Украине и в Белоруссии, названных известным еврейским писателем Менделем Мойхером-Сфоримом «бурей в пустыне Негев» (С. 33). Они-то и сорвали с мест множество еврейского населения и спровоцировали исход, а порой — и изгнание евреев из русских деревень, описанное во многих произведениях еврейской литературы (например, знаменитый «Тевье-молочник» Шолома-Алейхема) (см. С. 452 и далее). Этот исход и стал основой для первой *алии* — массовой волны иммиграции евреев в Палестину, *Эрец Исраэль*. Концом «еврейского нового

времени» можно считать основание Государства Израиль в 1948 году, ознаменовавшее великую перемену в жизни одного из самых древних народов Земли.

Что же касается понятия «еврейская революция», то оно заслуживает отдельного рассмотрения. В трактовке этого термина Б. Харшав следует за первым премьер-министром Израиля Давидом Бен-Гурионом (1886—1973), определившим ее в работе «Императивы еврейской революции» (1944) следующим образом: «Все другие перевороты, как прошлые, так и будущие, были восстаниями против системы, против политической, социальной или экономической структуры. Наша революция направлена не только против системы, но и против судьбы, против уникальной судьбы уникального народа» (цит. по: С. 25). Харшав перерабатывает это определение, расширяет его, трансформирует соответственно целям своей книги и получает следующее: «Еврейская революция нового времени была направлена не против властных политических структур, а скорее против господствующей семиотики — набора верований, ценностей и поведенческих моделей — ради усвоения идеалов новой мировой культуры. В этом отношении по времени и характеру она подобна революции, случившейся в тот же самый период в модернистском изобразительном искусстве и литературе» (С. 24—25). Таким образом, следуя за автором, можно отметить, что еврейская революция была прежде всего внутренней, происходившей не на баррикадах и в министерских кабинетах, а в умах и сердцах евреев, переосмысливавших себя, свое место и миссию в мире, свои книги и язык.

Евреи до революции, описанной Харшавом, — это прежде всего евреи так называемых *штетлов* — маленьких восточно-европейских местечек, многократно воспетых и высмеянных в произведениях Шолома-Алейхема, Мойхера-Сфорима и др. Рассматривая тот мир, Харшав отмечает его «местечковость», «еврейность» и прочие негативные стереотипы, определявшие образ еврея в глазах нееврейского

населения. Интересно, что этот образ вызвал отчетливое отторжение как у антисемитов, так и у самих евреев. При этом у последних реакция раскладывалась на три компонента, названных автором «дейк-сическими осями» (от дейксис — лингвистический инструмент, не имеющий собственного лексического значения и отражающий значение слов и фраз при помощи обращения к физическим координатам коммуникативного акта (см. С. 43)): «я», «здесь» и «сейчас». Соответственно, их отторжение имело вид «не-я», «не-здесь» и «не-сейчас» и было направлено в первую очередь на самоощущение евреев. И если с реализацией импульсов «не-здесь» и «не-так-как-сейчас» проблемы хотя и возникали, но самого «земного свойства» (эти оси реализовывались через массовую эмиграцию в Эрец Исраэль, во-первых, и через организацию общественных и политических организаций социалистического толка (Бунд и др.), во-вторых), то отрицание личностного дейксиса давалось евреям тяжелее всего (см. С. 44—57 и далее). Ось «не-я» трансформировалась у многих из них в утверждение «не такие, как наш образ в массовом сознании». В свою очередь этот выбор повлиял на позицию обитателей *ишуве* — еврейской общины, проживавшей на земле Израила: наиболее презренными считались занятия, прославившие евреев в диаспорах (банковское дело, медицина, адвокатура и т. д.) и, по их мнению, служившие «добыванию денег из воздуха». Им противопоставлялись безусловно положительные в глазах израильских евреев сельское хозяйство, производство оружия и культивирование владения им.

Сложившаяся ситуация требовала к отрицательным импульсам добавить еще и положительные как основу для будущего национального объединения и возрождения. Один из подобных импульсов (самых мощных) привел к развитию новой *секулярной* еврейской литературы на идиш, а затем и на иврите: не только к написанию новых авторских поэтических и прозаических текстов на этих языках, но и к массовым переводам мировой классики

и современной мировой литературы — от Гомера до Пушкина и Уолта Уитмена. По замечанию Б. Харшава, в задачу входило создание литературы на обоих языках и наоборот: было предпринято огромное усилие с целью включить мировую литературу в контекст литературы еврейской (см. С. 67, 323 и далее). Бурное развитие еврейской литературы сопровождалось появлением многочисленных еврейских общественных и политических идеологий, в основном социалистического и анархистского толка (см. С. 71—73). Третьим же элементом созидания нового общества, не уступавшим двум первым по необходимости и важности, было формирование сети культурных, образовательных, социальных и политических организаций, относившихся к различным, зачастую соперничавшим, языковым и идеологическим течениям (см. С. 74 и далее). Речь идет о светских ивритских и идишских школах, публичных библиотеках, театрах, профсоюзах, спортивных ассоциациях, издательствах и т. д. Как отмечает Б. Харшав, идишские и в меньшей степени ивритские газеты, издательства и школы буквально покрывали весь земной шар (см. С. 75). Таким образом, одним из основных инструментов проведения еврейской революции была описанная автором трехкомпонентная система, состоявшая из литературы, идеологии и еврейских социальных и культурных организаций, которая была частично перенесена в Эрец Исраэль, а частично создана уже там. Результатом ее развития следует считать, согласно Харшаву, сначала консолидацию еврейского ишува в качестве отдельного целостного объекта в подмандатной Палестине, а затем и его трансформацию в независимое Государство Израиль (см. С. 76 и далее).

Основным же стержнем, скрепившим три компонента той системы, безусловно был еврейский язык. Уместно заметить: когда мы говорим о еврейском языке до-революционной диаспоры, подразумеваем наличие минимум трех языков: иврита (на нем написаны Библия и некоторые произведения светской литературы), идиш — «еврейского разговорного» язы-

ка и языка страны проживания. Подобное многоязычие (см. об этом С. 433 и далее), составившее значительную часть жизни диаспорального еврейства, никоим образом не удовлетворяло интересам творцов нового общества в Израиле. Для создаваемого ими государства нужен был один язык; им должен был стать иврит как единственный, объединивший все ветви еврейского народа. Проблема, правда, была в другом: иврит, как уже говорилось, был древним языком и практически не соответствовал нуждам современного мира — в нем отсутствовали целые пласты лексики, от научной до бытовой. И все же именно иврит был языком, способным объединить Израиль.

Вторая часть книги Б. Харшава посвящена как раз описанию длительного и местами мучительного процесса создания нового иврита и рассказам о людях, его творивших. Еще при жизни ставший легендой Элиезер Бен-Иегуда, заставивший семью говорить только на иврите и потративший всего себя на создание словаря иврита (см. С. 207–210); профессор Йозеф Клаузнер; фанатичный учитель иврита Давид Юделевич и многие другие появляются на страницах его книги. В данном обзоре мы не будем перечислять ни рассказы об этих людях, ни дискуссии о языке, имевшие место в Израиле рубежа XIX–XX веков и подробно отраженные на соответствующих страницах книги Б. Харшава, — это надо читать самому.

Что же касается собственно роли языка, то здесь стоит указать на два значимых момента. Первый касается роли иврита, как ее понимали люди, создававшие еврейское государство. Ярким примером служит Берл Кацнельсон (1887–1944) — один из

идеологов рабочего движения Израила и наиболее влиятельных еврейских журналистов первой четверти XX века, в своей статье «Решения “Кунтреса”» по языковому вопросу» определивший ее как роль фильтра, пропускающего к полноправному участию в жизни израильского общества лишь людей, владеющих ивритом: «...если кандидат (в Конституционное собрание. — А. М.), который находится в Израиле не менее года, не выучил еще языка народа, это означает, что он не узнает интересов страны, не прочтет написанного в книгах и газетах, не поймет, о чем говорится на собраниях... Ему остается только одно занятие — подвергать обструкции иврит и требовать другого языка...» (С. 403). Второе замечание касается современной языковой ситуации в Израиле, где, по наблюдению Харшава, вновь воцарилось многоязычие: основными разговорными языками стали иврит и идиш, языком науки и техники давно и прочно считается английский, а под этими языками сохраняются разнообразнейшие местные языковые традиции, в том числе и русская.

В завершение заметим: привлекательность рецензируемого текста, естественно, не исчерпывается приведенными сюжетами. Книга написана живым, хорошим языком (пониманию которого в немалой степени способствует квалифицированный труд замечательных переводчиков) и изобилует интересной информацией. И едва ли не самым волнующим, вынесенным из чтения этой книги является понимание механизма, сохраняющего язык живым, постоянно меняющимся и меняющим все вокруг себя организмом, будь то говорок еврейского *штетла* или язык Торы и Талмуда...

ВЛАДИЛЕН БУРОВ

Плодотворный опыт поисков и решений

А. В. Виноградов. Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Изд. 2, исправ. и доп. М., НОФМО, 2008. 364 с.

В последние годы опубликована масса монографий и статей российских и зарубежных авторов, посвященных экономической и политической истории Китая за период осуществления так называемого курса реформ и открытости, тем более что в декабре нынешнего года как раз исполняется 30-я годовщина его провозглашения на знаменитом III пленуме ЦК КПК 11-го созыва.

Рецензируемая книга заметно выделяется на их фоне. В ней на широком историческом материале рассматривается весь комплекс проблем, связанных с темой «модернизации Китая», в числе которых — экономическая и политическая стратегия руководства страны, идеологическое измерение реформ, развитие общественных наук, роль политических лидеров, механизм воспроизводства власти, теоретические концепции КПК, формирование современной национальной идентичности, сопоставление пути развития Китая в новейшее время с мировым опытом, в частности с российским, и т. д.

При этом очень важно следующее: автор стремится подойти к процессу китайской модернизации с точки зрения критериев и методов, принятых в современной политологической науке, обнаружив хорошее знание проблематики модернизации, затронутой в работах крупных зарубежных исследователей. Он не замыкается в узких рамках специфики исторического развития Китая, а рассматривает обозначенную в названии книги тему исследования под углом зрения общего хода мирового

процесса модернизации и глобализации. А. В. Виноградов не берет на веру ставшие модными во второй половине 1980-х и особенно в 1990-е годы западные теории, хотя и демонстрирует явное знакомство с ними. Он отвергает до сих пор бытующее в российском обществоведении слепое подражание ценностям «цивилизованного мира», на чем настаивали Е. Гайдар и его последователи, поскольку западные концепции «не смогли существенным образом оплодотворить общественную мысль. Под влиянием политической конъюнктуры и большей частью механической переориентации исследователей на либеральные ценности и подходы так и не было создано ничего концептуально значительного и оригинального», — подчеркивает он (С. 6).

Автор не отрицает, что не только в России, но и в Китае социально-экономические и политические преобразования начались под непосредственным влиянием идей либеральной экономики, однако подход к ее использованию в обеих странах оказался неадекватным: «Россия, увлеченная либеральным романтизмом, за несколько лет успела разрушить многое из того, что прежде составляло основу ее экономического и политического могущества, и вынуждена была остановиться, чтобы хотя бы частично восполнить утраченное. Китай — наоборот, сделав выводы из копирования советского опыта в недалеком прошлом, *тщательно оберегал свою самобытность* (курсив мой. — В. Б.), успешнее России продвигался по пути ре-

БУРОВ Владилен Георгиевич — профессор, доктор философских наук.

форм, предложив в конце концов не просто жизнеспособную, но и весьма эффективную модель экономического развития, заставляя говорить о нем как об одном из потенциальных лидеров XXI века» (С. 7).

Поиск собственной «самобытной» модели модернизационного развития начался в Китае задолго до проникновения в страну марксизма и образования КПК. Эта проблема встала перед страной уже в середине XIX века — после унижительного поражения от Англии в ходе «опиумных войн». Спротивление западным странам посредством учебы у них и заимствование их передовой техники были определены как главное содержание патриотизма нового времени. Один из влиятельных мыслителей того времени, Вэй Юань (1794—1856) выступал за широкое использование достижений внешнего мира: изменение финансово-экономической системы, развитие сельскохозяйственного производства, использование машин, упорядочение налоговой системы, создание современного транспорта, укрепление внешней и внутренней торговли, создание новой армии и т. д. (см. С. 105). По его мнению, только после проведения всех этих мероприятий можно будет «покорить заморских варваров».

Однако предлагавшиеся Вэй Юанем, а также другими мыслителями и политиками меры не могли быть осуществлены в силу почти полного сохранения структуры феодальной бюрократии, которая действовала по принципу, предложенному видным представителем правящих кругов тогдашней династии Цин — Чжан Чжидунном: «китайская наука — в качестве основы, западная — в качестве функции». Неудача реформ по методу цинского двора неизбежно привел к появлению более радикальной партии реформаторов, наиболее видным представителем которой был Сунь Ятсен, осознавший, как пишет автор, «необходимость радикальной смены строя и заимствования западной техники, методов производственного управления, интеллектуальных стандартов и культурных норм для сохранения ядра национальной культуры (курсив мой. — В. Б.)» (С. 10). Его взгляды

отражали умонастроение образованной на западный манер, свободной от феодальных догм части китайской интеллигенции. Автор прав, отмечая, что «западная по сути идея насилия над историей — то есть насильственной революции — не могла появиться у конфуциански образованного китайца» (С. 113). Однако Сунь Ятсен был протестантом, что позволяло ему иначе, чем типичным представителям тогдашней китайской интеллигенции, воспринимать историческое развитие.

В первой четверти XX века усилился поиск новых форм политического устройства страны. В связи с этим китайские идеологи и политики обращали внимание на различные течения западной идейно-политической мысли — либерализм, анархизм и марксизм. По мнению автора, либерализм был отвергнут в силу абсолютной несовместимости с традиционными взглядами и представлениями, в силу своего акцента на политических свободах личности; анархизм, весьма популярный в начале 1920-х годов, также был в конце концов отброшен, поскольку «не имел алгоритма применения и был не в состоянии ответить на главный практический вопрос: как спасти Китай?» (С. 120).

Гораздо ближе китайским реформаторам и революционерам различного толка оказался марксизм. Автор книги указывает на следующие причины этого: «Победа большевиков, соединивших близкий Китаю нравственный идеал с источником западного могущества — передовой техникой, олицетворяла эффективный ответ западному капитализму. Адаптировав марксизм к национальным условиям и четко указав на понятную восточную социуму цель — противодействие Западу с помощью ускоренного, “догоняющего” типа развития, большевизм вселил уверенность в том, что победа революции возможна и в Китае. В отличие от других школ социалистической мысли, он смог стать инструментом политической борьбы, объяснив социально-экономические закономерности не только феодализма, в которых китайцы легко усматривали собственную действительность, но и импе-

риализма, который им навязывал Запад» (С. 122–123).

Но уже тогда (в конце 1910-х — начале 1920-х годов) среди первых сторонников социализма имела место тенденция к китаизации марксизма. Первым, кто заложил эту традицию в рядах КПК, был, по словам Виноградова, один из ее основателей — профессор Пекинского университета Ли Дажжао. Его «концепция социализма», пишет он, находилась под сильным влиянием традиционной китайской утопии «датун». Можно с полным основанием говорить, что «китаизация марксизма» присутствует и в первых работах Мао Цзэдуна, первоначальные варианты которых существенным образом отличаются от отредактированных, позднее вошедших в первый том переведенных на русский язык его «Избранных произведений». По этой причине Виноградов называет Мао Цзэдуна и его сторонников в руководстве КПК политиками-почвенниками (см. С. 130).

Специфика деятельности КПК в 1930-е годы, вынужденной в то время вести вооруженную борьбу в сельских районах, оказала влияние на ее социальный состав: партия постепенно становилась крестьянской. Появившаяся в тот период теория «новой демократии» противостояла классической марксистской схеме. Китаизированный марксизм как бы соединял воедино теоретические построения европейских социалистов и реалии политической и национально-освободительной борьбы Китая. Как пишет Виноградов, «таким образом в 1930-е годы оформились характерные черты китайского марксизма: опора на практику, центральная роль армии, широкий союз на национальной, а не классовой основе и т. д. Но по целому ряду положений, теория “новой демократии” завершила период распространения марксизма, положив начало его развитию на национальной почве» (С. 132). В то же время политическая идентичность компартии внутри страны обеспечивалась социалистической теорией независимости от того, какое содержание в нее вкладывалось.

Обобщая итоги развития китайского общества в первой половине XX столетия,

автор делает вполне обоснованный вывод: только радикально-революционная модель модернизации КПК «сумела преодолеть инерцию социокультурной среды и вывести Китай из состояния стагнации на путь динамического развития» (С. 161). Революция выступала в качестве единственного средства модернизации и социально-экономических преобразований. Однако этот ресурс, заключает автор, был исчерпан в период «культурной революции, революционно возродившей традиции государственного управления» (там же).

Автор оспаривает до сих пор бытующее мнение об эклектичном характере маоизма. С этим можно согласиться, пишет он, если квалифицировать его как западное учение, как одно из течений марксистской мысли. Отсюда необоснованные упреки «идей Мао Цзэдуна» в мелкобуржуазности. Между тем маоизм должен оцениваться «как оригинальное китайское учение, инспирированное социалистическими идеалами Запада и пытавшееся соединить коммунистическую теорию с традиционными ценностями. Так же как марксистский классовый анализ был верен для капиталистической стадии развития, маоизм отразил существенные черты модернизирующихся цивилизаций, создав пространство для национальных концепций развития» (С. 160).

Половина содержания книги Виноградова посвящена политической, идеологической и теоретической деятельности второго (Дэн Сяопина), третьего (Цзян Цзэминя) и четвертого (Ху Цзиньтао) поколений китайских руководителей. Как явствует из проделанного автором анализа, заслуга Дэн Сяопина состояла в придании им нового («второго») дыхания китайскому социализму, одновременно отказавшись от многих положений классического марксизма, следование которым препятствовало дальнейшему развитию страны. Марксизм как таковой, как символ легитимности КПК нельзя было отвергнуть, ибо он способствовал завоеванию ею власти в 1949 году, но «его надо было *осовременить и китаизировать*, чтобы использовать скрытый в нем потенциал

социально-политической стабильности (курсив мой. — В. Б.)» (С. 163).

В монографии подробно описаны все идеологические кампании, а также научные и теоретические дискуссии последней четверти XX столетия, которые позволили сформулировать новое понимание социализма как особого типа модернизации, в котором сохраняющая свою национальную идентичность традиционная культура соединяется с динамизмом экономики. Главным среди них явилась широкомасштабная кампания «Практика как единственный критерий истины», в ходе которой было сформулировано важное идейно-теоретическое положение, а именно — любое положение классиков марксизма, включая Мао Цзэдуна, необходимо соединять с реальной действительностью, проверять на практике. Эта идея обосновывалась ссылками на быстро меняющуюся социально-политическую экономическую ситуацию в Китае и во всем мире.

В связи с этим вспоминаю зимний декабрьский вечер 1985 года в гостинице одного из городов Центрального Китая, в котором проходил симпозиум по китайской философии. Зашедший в мой номер «на огонек» молодой (сегодня уже мастистый) ученый во время беседы взял листок бумаги и написал на нем следующее: «Маркс, Энгельс, Ленин — не боги, а люди». Когда я спросил о Мао Цзэдуне, он ответил, что это относится и к нему, желая тем самым подчеркнуть, что нельзя превращать высказывания классиков марксизма в догмы. Кампания о практике позволила, как тогда говорили в Китае, «раскрепостить сознание»: она привела к созданию творческой атмосферы в общественных науках. В научной периодике стали появляться статьи, в которых указывалось, что после кончины К. Маркса в мире произошли глубокие изменения, вызванные научно-технической революцией, наступил переход от индустриального к информационному обществу. Маркс, естественно, также не мог предвидеть реальной практики социалистического строительства. Отсюда следовал вывод

о необходимости новых подходов и решений — другими словами, развитие и обновление марксизма. Кроме того, признание практики исходным пунктом для обретения истины привело к появлению в Китае новой философской школы, получившей название «практический материализм»*.

В ходе обсуждения теоретических вопросов указывалось на влияние на марксизм идей утопического социализма, «от которого он унаследовал неизменность социального идеала, утратив свойственные новому времени динамизм и открытость, то есть постоянный обмен между теорией и практикой» (С. 205). Можно сказать, что приоритет в признании в классическом марксизме утопических элементов принадлежит не академику Т. И. Ойзерману («Марксизм и утопизм»), а китайским ученым, обратившим на это внимание задолго до него.

Именно в таких условиях появляется концепция строительства «социализма с китайской спецификой», впоследствии вошедшая в идейный багаж КПК как «теория Дэн Сяопина». По словам Виноградова, данный тезис «был безусловно ревизионистским с точки зрения ортодоксальных канонов», но «примирял марксистские символы легитимности КПК со свободой маневра, в том числе в отношении реформ» (С. 190). Для обоснования своей позиции автор ссылался на низкий уровень экономического развития Китая и его исторические условия — многочисленность населения, недостаток пахотной земли и т. п. Впоследствии в качестве цели социалистического строительства Дэн Сяопин использовал из китайской традиции термин «сяо кан» (общество «малого благоденствия»). Другими словами, в основе теории Дэн Сяопина лежала цивилизационная специфика, а не формационные характеристики.

Признание китайской специфики автоматически означало признание наличия различных видов «национальных социализмов», одним из которых являлся китайский. Виноградов справедливо под-

* О содержании взглядов представителей этой школы см. статью профессора Китайского народного университета Ань Циняня («Вопросы философии». 2007. № 5).

черкивает, что выдвижение концепции «социализма с китайской спецификой» поставило под сомнение универсальный характер марксизма, тем самым социализм был приближен к китайской действительности. Как образно пишет автор, «как западный костюм не изменил китайских лиц, так и слова о “социализме” и “коммунизме” не изменили лица китайской цивилизации. Китай надел фрак потому, что без него не пускали на бал, даваемый Западом, но он готов его сменить, как только бал закончится. И для этого ему необходимо сохранить национальную идентичность» (С. 213). Автор книги говорит даже об актуализации в современных условиях лозунга Чжан Чжидуна.

Неоднократно исследователь обращается к вопросам о личном отношении Дэн Сяопина к марксизму, о сущности содержания китайского марксизма вообще. Из его высказываний складывается впечатление, будто Дэн Сяопин, будучи правверным марксистом, постепенно перестает им быть. Здесь необходимо принципиальное уточнение. В силу обычных исторических обстоятельств в 1920-е годы профессионально образованных марксистов среди руководителей КПК было всего несколько человек: Ли Дачжао, Чэнь Дусю, Цюй Цюбо и немногие другие. Тот же Мао Цзэдун пришел в коммунистическое движение, отнюдь не будучи марксистом. Марксизм в 1920-е, 1930-е и 1940-е годы изучали в основном по произведениям Сталина и переводным работам советских авторов. Мао Цзэдун, например, приобщался к марксистской философии по переведенным на китайский язык книге Митина и Разумовского «Боевые задачи материалистической диалектики» и учебнику по философии Айзенберга и Широкова: два последних имени не известны даже составителям словаря — Энциклопедии по русской философии.

Что же касается Дэн Сяопина, то он как-то однажды откровенно признался, что не читал трудов классиков, а изучал лишь популярный учебник Бухарина и Преображенского. Для него термин «марксизм» имел *чисто инструментальное значение* — как символ национального и

социального освобождения. Поэтому он был свободен в выборе идеологических ориентиров при определении своего политического курса и лозунгов: он просто не задумывался над тем, насколько они в действительности соответствуют принципам марксизма, искренне считал, что поступает, как марксист, руководствуясь известным изречением Ленина «марксизм — не догма, а руководство к действию». Как согласовать произнесенные им слова и дела, которые он совершал, с принципами марксизма — было на совести его аппарата.

Конечно, он был знаком с основными доктринальными положениями классического марксизма, но считал возможным использовать только соответствовавшие конкретно исторической ситуации (к примеру, о роли государственных органов управления в строительстве демократии и о демократии социалистической и буржуазной). Главная особенность мышления Дэн Сяопина — это чувство нового, опиравшееся на большой политический опыт, природную интуицию и личную биографию. На протяжении 1970–1990-х годов он не раз демонстрировал: для него экономическая целесообразность важнее идеологических принципов, что так характерно для классического марксизма. Как пишет автор, «утвердилось представление об общественной собственности лишь как о ведущей, при допущении и поощрении других укладов, служащих общественному сектору; о распределении лишь в основном как о распределении по труду, наконец, о планировании в масштабах всего общества лишь как об одном из инструментов, экономического развития наряду с рыночным регулированием» (С. 274).

Именно при Дэн Сяопине план и рынок были признаны средствами экономического регулирования, а не экономическими антиподами. Чтобы не допустить «разгула рыночной стихии», был одновременно сохранен государственный сектор экономики, отвечающий за развитие стратегических отраслей народного хозяйства. Мне представляется, что Дэн Сяопин был искренне

убежден, будто «социализм с китайской спецификой» есть теоретическое воплощение современного китайского марксизма. Ведь при нем были сохранены все марксистские символы легитимности. Такой же позиции придерживаются и наследовавшие ему Цзян Цзэминь и Ху Цзиньтао. Марксизм по-прежнему остается главной идеологической константой китайского общества, но это уже другой марксизм*.

В результате партийно-государственной легитимации «теории Дэн Сяопина» «он стал вровень с Сунь Ятсеном, завоевавшим авторитет в качестве лидера национального освобождения, и Мао Цзэдуном, олицетворявшим социалистическую (заимствованную) идеологию Китая» (С. 273). Позднее то же произошло с Цзян Цзэминем, которому принадлежит авторство «важной идеи трех представительств» (КПК представляет передовые производительные силы, передовые слои общества, передовую культуру), и Ху Цзиньтао: ему приписывается авторство «научной концепции развития» (развитие общественного механизма носит системный, а не фрагментарный характер, что немаловажно в условиях существующих в Китае проблем).

В последние годы наблюдается явная тенденция усиления национальной составляющей в китайской государственной идеологии. Это связано с обсуждением вопроса о нравственных императивах правления; естественно, в центре обсуждения — социально-политическая роль конфуцианства. Как пишет автор, «конфуцианский тезис “ценить справедливость, презирать выгоду”, подтвердив свою актуальность, подготовил свою почву для широких обобщений в общественно-политическом сознании: в Китае, долг всегда был важнее выгоды, поэтому классовые (и добавим, коллективистские. — В. Б.) интересы ставились выше индивидуальных или групповых, а революционные цели приняли форму высокого нравственного идеала» (С. 293). В реальной жизни про-

цесс соединения марксизма с конфуцианством набирает обороты**. Нельзя не согласиться с автором в том, что внимание к конфуцианскому наследию, в частности реанимация традиционной китайской максимы и «управление государством с помощью добродетели», обусловлено потребностью в стабильном государственном строительстве.

Фактически и реформа политической системы в Китае идет в русле национальной традиции; «демократическое», как пишет автор, есть синоним «легитимности», на государственном уровне демократия означает не участие народа в управлении, а процедуру легитимации власти и решений (см. С. 246). В отличие от Запада, где сформировалась лично-ориентированная культура, в Китае она коллективистская. По мнению автора монографии, «неприимчивость в отношении западных либеральных ценностей повысила внимание к традиционным нравственным идеалам, в которых благосостояние отдельного человека находится в непосредственной зависимости от общественного» (С. 219—220). В апреле 2006 года мне довелось участвовать в международной научной конференции на родине виднейшего китайского мыслителя XVII века Хуана Цзунаси, вошедшего в историю китайской политической философии мыслями о введении поста ответственного перед страной первого министра, о превращении средних школ в трибуны для выражения общественного мнения. Но главное, на что обращалось внимание и было подчеркнуто несколькими месяцами ранее премьер-министром Вэнь Цзябао, — это идея мыслителя и «народ как основа», то есть выдвигание лозунга коллективистской идеологии.

В заключение необходимо подчеркнуть, что монография Виноградова представляет собой серьезное научное исследование, содержащее новые, нетривиальные подходы к исследованию темы «китайская модернизация».

* Об этом см.: В. Буров. Современный китайский марксизм («Свободная мысль». 2008. № 2).

** Автор данной рецензии еще в 1994 году в Пекине на конференции, посвященной 2545-летию со дня рождения Конфуция, отмечал, что обновление марксизма в Китае возможно только на пути его синтеза с конфуцианством.

АЛЕКСАНДР ШВЕД

За Кавказским хребтом

«Пятидневная война. Россия принуждает к миру» (Войны).

М., «Европа», 2008. 184 с.;

«День катастрофы — 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии. Сборник». Сост. В. Быкова, Н. Давлетшина (Войны).

М., «Европа», 2008. 192 с.

Август в постсоветской истории давно уже воспринимается как особый, роковой месяц. Какая-то жуткая символика видится в том, что именно в августовские дни начался решающий этап распада Советского Союза, и в августе же произошла Пятидневная война в Южной Осетии, которая, по существу, подвела последнюю черту под общим прошлым некогда братских народов. И хотя формально это событие касается только российско-грузинских отношений, на деле краткий по времени, но ожесточенный военный конфликт с самого начала стал частью широчайшего контекста, выходящего далеко за рамки противостояния между двумя постсоветскими государствами.

Война 8–12 августа 2008 года завершилась военной победой России. Официально Россия не воевала ни с государством Грузии, ни тем более с грузинским народом. Она «лишь» провела операцию по принуждению к миру грузинского руководства, защищая жизнь и достоинство своих граждан и воинов-миротворцев, подвергшихся неспровоцированному нападению. Между тем война в Южной Осетии стала первой военной операцией Российской Федерации за пределами собственной территории. Страна впервые вела полномасштабные боевые действия на постсоветском пространстве против недавних соотечественников. А накал страстей оказался столь мощным, что не ослабева-

ет даже по истечении двух месяцев после окончания конфликта: боевые действия лишь переместились из военной сферы в область политики и дипломатии. В момент написания рецензии ведутся активные дебаты в Парламентской ассамблее Совета Европы. Ставился даже вопрос о лишении России права голоса в ПАСЕ, и хотя эта инициатива и не имела шансов вылиться в действительно значимые последствия, однако уже сам факт ее выдвижения представляется весьма красноречивым.

В целом объективное рассмотрение проблем, связанных с кавказским контекстом, сейчас просто невозможно: еще слишком свежи эмоции и накалена обстановка. Кроме того, важно учитывать и другое: нейтральная позиция ставит под сомнение полную правоту одной из сторон и может быть использована противником для ее обвинения и дискредитации. Однако уже сейчас имеется достаточно большой объем информации, анализ которой позволяет сделать первые выводы, подвести первые итоги. Видимо, этими соображениями и руководствовалось издательство «Европа», по свежим следам выпуская в серии «Войны» две небольшие книги, посвященные драматическим событиям в Южной Осетии в августе 2008 года.

Первая из них — «Пятидневная война. Россия принуждает к миру» — представляет собой скорее справочное издание. В первых главах авторы анализируют со-

ШВЕД Александр Игоревич — политолог, публицист.

отношение военных сил в зоне конфликта, дают характеристику театра боевых действий. Далее, основываясь на данных СМИ и мнениях экспертов, детально, по дням воспроизводят хронологию всех пяти дней войны. В качестве заключения представлены выдержки из интервью Председателя Правительства РФ В. В. Путина американской телекомпании «CNN», а также заявление Президента РФ Д. А. Медведева о признании независимости Южной Осетии и Абхазии. В приложении помещены хроника событий, а также штатное расписание 58-й армии ВС РФ, грузинских войск, участвовавших в конфликте, и вооруженных сил Абхазии и Южной Осетии.

Второй сборник — «День катастрофы — 888. Остановленный геноцид в Южной Осетии» — характеризуется составителями как «белая книга» этнических чисток в отношении осетин. Хронологически он охватывает период с 1920-х годов по настоящее время, содержит много фактического материала, данных статистики, показания очевидцев событий. Составители сборника, кроме того, сообщают: ими использованы материалы книги «Грузия: этнические чистки в отношении осетин».

Следует повторить: по ряду причин сейчас невозможно писать беспристрастно, и рецензируемые книги также несколько односторонне отражают ход события. Выражается это прежде всего в расстановке акцентов. Например, в них подчеркивается толерантность осетин по отношению к грузинскому населению (в частности, к торговцам-челнокам, зарабатывавшим на разнице цен в Тбилиси и Цхинвали (см. *«День катастрофы — 888»*. С. 20)) и, наоборот, агрессивность антиосетинской пропаганды грузинских властей. Также обращается внимание на всемерное стремление российских войск избежать, в отличие от грузинских военных, жертв среди мирного населения сел, откуда грузинской армией велся артиллерийский обстрел, и выбор щадящих методов огневой реакции (см. *«Пятидневная война»*. С. 24). Однако в целом авторы стремятся к правдивому изложению, придерживаются

фактов, опираются на показания конкретных свидетелей.

История грузино-осетинского конфликта имеет долгую историю. Авторы склонны относить его еще к началу XIX века, когда после присоединения Грузии к России князья из рода Мачабели предъявили претензии на ряд деревень с территории нынешней Южной Осетии. Отсюда, кстати, в конце 1980-х — 1990-е годы при Звиаде Гамсахурдии в грузинской пропаганде утвердилось одно из грузинских названий Южной Осетии — «Самачабло» («владение Мачабели»). В книге утверждается, будто в 1830 году российское правительство дало на эти претензии окончательный и однозначный ответ: грузины не обладают никакими правами на Южную Осетию (см. *«День катастрофы — 888»*. С. 12). К сожалению, при этом не дается никакой ссылки на исторический источник, следовательно, проверить информацию нет никакой возможности.

Первое серьезное обострение конфликта происходит в начале XX века. В 1920 году под предлогом подавления большевистского восстания меньшевистская Грузия, метко названная иностранным свидетелем тех событий «малой империалистической нацией», ввела в Южную Осетию регулярные войска. Десятки тысяч людей были изгнаны из своих домов, села превращены в пепел, более 5 тысяч осетин погибли. Специальная комиссия при правительстве уже Советской Грузии оценила ущерб в 3 317 516 рублей золотом — огромную по тем временам сумму.

Политика дискриминации по отношению к национальным меньшинствам в Грузии не была прекращена даже в советское время. Южная Осетия превратилась в аграрно-сырьевой придаток. На развитие региона выделялись мизерные деньги, а все более-менее эффективные производства переносились в регионы центральной Грузии. С 1949 года весь учебный процесс в школах, включая начальные классы, был переведен на грузинский язык. В 1951 году на грузинский перевели и все дело-производство (см. *«День катастрофы — 888»*. С. 54–55).

В конце 1980-х к власти пришли крайние националисты во главе со Звиадом Гамсахурдиа. Под лозунгом «Грузия для грузин!» они начали путь к независимости с жесткого подавления идентичности абхазов и осетин. В 1991–1992 годах грузинские националисты совершили в Южной Осетии многочисленные акты геноцида, задокументированные правозащитниками. 100 тысяч осетин были вынуждены покинуть Южную Осетию и внутренние районы Грузии. Авторы особо подчеркивают, что немалая часть вины за эти события лежит на центральном руководстве страны, прежде всего на М. С. Горбачеве и его окружении, занятыми в то время борьбой с Б. Н. Ельциным. «Кремль прямо говорил: “До тех пор пока вами не будет подписан Союзный договор, пока вы не примете участия в союзном референдуме, и в Южной Осетии, и в Абхазии у вас будут проблемы”. То есть продолжится кровопролитие» (*«День катастрофы — 888»*, С. 92). С тех пор Южная Осетия, в ожесточенной войне отвоевав самостоятельность, ни дня не была в составе Грузии.

Официальная дата начала войны, ночь (с 7 на 8 августа), не была началом агрессии грузинской стороны по отношению к Южной Осетии. Обстановка в зоне конфликта резко ухудшилась минимум за неделю до этого. В современной историографии этот период (1–7 августа) получил название «Снайперская война». С обеих сторон участились обстрелы, появились убитые и раненые. Около полуночи 7 августа под предлогом того, что осетинская сторона не выполняет условий перемирия, Грузия, объявив о начале операции «по восстановлению конституционного порядка», начала массированный обстрел Цхинвали из тяжелых орудий и систем залпового огня.

С точки зрения международного права действия грузинской стороны были неправомочными. Начав полномасштабные боевые действия, она нарушила режим перемирия, установленный в зоне конфликта согласно Дагомьским соглашениям 1992 года и международно-правовым обязательствам сторон, принятым в их дополнение в последующие годы. Также

были обстреляны позиции российских миротворцев, находившихся в зоне конфликта на законных основаниях с согласия грузинской стороны, причем несколько десятков человек погибли. Кроме того, существует не столько правовой, сколько моральный аспект — факт атаки мирных жителей, то есть нарушение Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны.

Все выше перечисленные факты давали достаточные основания РФ для проведения операции по принуждению к миру. На внеочередном заседании Совета Безопасности ООН в 4.00 8 августа представители России пытались принять резолюцию, осуждающую агрессию Грузии. Однако итогом долгих дискуссий (заседание закончилось только к 10.00) стало лишь выражение «озабоченности о ситуации в зоне конфликта». Подобная реакция мирового сообщества, а в последующее время — освещение югоосетинского конфликта в западных СМИ оказались очень неприятной неожиданностью для руководства РФ. Фактически против России велась настоящая информационная война. Во всех основных западных СМИ с самого начала и до конца не только доминировала прогрузинская точка зрения, но и полностью игнорировались аргументы противоположной стороны. Вопреки традициям западной «свободной прессы» они не излагались даже в негативном ключе.

Отчасти в этом виноваты официальные представители российского МИД, поскольку не сумели четко и оперативно определить правовой характер ситуации. Вместо этого слишком много внимания уделялось эмоциональным доводам. Со ссылкой на правительство Южной Осетии говорилось о гибели 2 тысяч мирных жителей в результате обстрела Цхинвали. По мере расследования выяснилось, что эта цифра слишком завышена, что дало возможность поставить под сомнение легитимность действий российской стороны.

В предисловии к книге «День катастрофы — 888» известный российский политолог Модест Колеров убедительно доказывает некорректность подобных выводов:

«Когда обвинение Саакашвили в геноциде стало фактом, кое-кто, привыкший мерить геноцид только масштабами Холокоста или геноцида армян, стал с сомнением подсчитывать число осетин, уничтоженных в августе 2008 года в ходе грузинской агрессии. ...Им казалось обязательным — не зафиксированное намерение, а число... Согласно конвенции, должны быть наказуемы и сам геноцид, и “заговор с целью совершения геноцида”, “прямое и публичное подстрекательство к совершению геноцида”, “покушение на совершение геноцида”, “соучастие в геноциде”. Уверен, что труды Саакашвили, его союзников и протекторов в полной мере подходят под набор этих определений» (С. 8–9).

Авторы сборника «Пятидневная война» в целом позитивно оценивают внешнеполитические итоги войны в Южной Осетии. «Слово России зазвучало громче» (С. 4), она «показала всему миру, что с ней следует считаться. Фактор сдерживания в результате проведения операции значительно укрепился после периода, когда Россию перестали принимать всерьез даже мельчайшие из соседей» (С. 137). Однако жесткая реакция мирового сообщества на действия РФ обнаружила и существенные недостатки в принятой внешнеполитической доктрине. Стремясь построить максимально прагматичные отношения, наша страна успела растерять всех старых союзников, в первую очередь среди стран ближнего зарубежья, а наши потенциальные партнеры пока с большой настороженностью (некоторые — с открытой враждебностью) наблюдают за усилением роли России в мире.

В этой ситуации нельзя предьявить претензии, пожалуй, только Российской армии. Военную операцию по принуждению Грузии к миру следует считать однозначным успехом российского военного командования. В то же время одним из итогов операции стала необходимость пересмотра ряда устаревших положений и стереотипов в стратегии и тактике ведения современной войны — в частности, использование стратегического бомбардировщика «Ту-22М3» для разведки местности, что привело к его потере. Командование ВС РФ также признало, что технический уровень оснаще-

ния ряда частей, задействованных в проведении операции, оставляет желать лучшего. Основная боевая техника, использованная российскими войсками, не менялась со времен Афганской войны. Особенно остро ощущается отставание в средствах навигации и преодолении радаров противника, а также в отсутствии своей глобальной системы позиционирования. В свете итогов операции было принято решение о необходимости повышения уровня боевой подготовки личного состава войск (см. «Пятидневная война». С. 132–137).

Казалось бы, постимперское пространство только начало успокаиваться, а удары, нанесенные бывшими братскими народами в процессе разрушения СССР, — начали забываться. Однако мы уже наблюдаем очередное обострение — неизбежное и логичное, но от этого не менее трагическое. Самое печальное в такой ситуации — разрушение не только исторических и культурных, но и человеческих связей и отношений, складывавшихся столетиями. В этом смысле российско-грузинский конфликт, как и российско-украинский, символизирует начало конца не только советской, но и постсоветской традиции. Мы начинаем забывать, что нас связывает. Главное же — выросло и вступило в активную жизнь новое поколение, для которого общее прошлое — это такая же древняя история, как Пунические войны. В общем, новые фильмы про Мимино никогда уже не будут сняты ни в России, ни в Грузии.

Такой расклад может нравиться или не нравиться, но считаться с ним необходимо. А потому, когда затянутся свежие раны и спадет накал страстей (рано или поздно это все же произойдет независимо от желаний заокеанских «спонсоров» г-на Саакашвили), надо найти силы и выстроить спокойные, прагматические отношения на основе принципов взаимной выгоды и уважения государственного суверенитета и территориальной целостности — такой, какой ее определяет воля народов, не желающих отделяться от исторической России (как бы она ни называлась), а не шизофренический национализм грузинского руководства и (как это ни больно признавать) значительной части грузинского народа.

НАДЕЖДА АУРОВА

С точки зрения либерала

Г. А. Джаншиев. Эпоха великих реформ. Т. 1–2.

М., «Территория будущего», 2008. 480 с., 496 с. (Университетская библиотека Александра Погорельского. Серия История, Культурология).

Переиздание очерков Григория Аветовича Джаншиева (1851–1900) несомненно будет отмечено не только специалистами истории России XIX века, но и широким кругом читателей, интересующихся отечественной историей. Тем более что книга, до 1917 года выдержавшая не менее семи изданий, в советское время не переиздавалась ни разу; теперь же она станет намного доступнее.

В подобных случаях принято говорить, что в отечественную историю возвращается незаслуженно забытое имя. Однако в случае Джаншиева это совершенно не так. Его имя и труды хорошо известны специалистам и никогда не были забыты. Ссылки на джаншиевские очерки присутствовали в научных исследованиях советского времени; его книги не изымались из библиотек, более того — нередко прямо рекомендовались студентам в списках дополнительной литературы. И тому есть довольно простое объяснение: Г. А. Джаншиев, по существу, первым представил целостное описание Великих реформ 1860–1870-х годов, а потому ни один исследователь последующего поколения при

всем желании не мог обойти ни факта существования, ни самого содержания его труда. Кроме того, автора очерков при всем желании невозможно было причислить к «реакционерам» от истории: наоборот, в истории дореволюционной отечественной исторической мысли совсем непросто найти пример столь же «прогрессивного» автора. При этом Джаншиев, что называется, «не засветился» ни в одном крупном политическом движении или партии до 1917 года, которые впоследствии занимали бы антисоветскую позицию: он неизменно оставался независимым публицистом.

Сказанное вполне объясняет влияние его труда, оказанного как на дореволюционную оппозиционную, так и на советскую историографию. В первом случае следует упомянуть прежде всего имя видного члена кадетской партии и известного либерального историка А. А. Корнилова*, Во втором — работы выдающегося советского историка П. А. Зайончковского** и историков его школы, прежде всего видного современного специалиста по истории России середины — второй половины XIX века Л. Г. Захаровой***. С учетом же международ-

АУРОВА Надежда Николаевна — старший научный сотрудник Центра по изучению отечественной культуры Института российской истории РАН, кандидат исторических наук.

* См., например: А. А. Корнилов. Курс русской истории XIX века. М., 1993 (переиздание).

** См., например: П. А. Зайончковский. Военные реформы 1860–1870-х годов в России. М., 1952; он же. Проведение в жизнь крестьянской реформы 1861 года. М., 1958; он же. Кризис самодержавия на рубеже 70–80-х гг. XIX века. М., 1864; он же. Отмена крепостного права в России. М., 1968, и др.

*** См., например: Л. Г. Захарова. Земская контрреформа 1890 года. М., 1963; она же. Самодержавие и отмена крепостного права в России. М., 1984; она же. Александр II. — «Вопросы истории». 1992. № 6–7; она же. Великие реформы: поворотный пункт русской истории? — «Отечественная история». 2005. № 4 и др.

ного значения школы Заончковского, широко признанной уже при жизни ученого, сюда же следует отнести и работы ряда видных американских специалистов русской истории означенного периода, прежде всего Р. Пайпса и не только*.

Разумеется, отдавая должное интеллектуальному наследию Джаншиева, историки последующих эпох пошли гораздо дальше как в освещении фактической стороны событий, так и в интерпретации их сущности. С течением времени джаншиевские очерки все более воспринимались не как исследование, а как самостоятельный исторический источник уже потому, что их автор и сам был младшим современником Великих реформ. В своих текстах наряду с гениальными находками он отразил и представления, не прошедшие проверку временем, особенно эпохой кризисных событий последних двух десятилетий отечественной истории.

При всех неоспоримых заслугах перед российской историографией Джаншиев не был профессиональным историком**. Выходец из тифлисской армянской общины, он с детства проявил незаурядные способности и тягу к знаниям, а также получил возможность закончить гимназию в Москве на средства Лазаревской стипендии, затем — Московский университет, где на Александровскую стипендию он учился отнюдь не на историко-филологическом, а на юридическом факультете. Показательно, что он принципиально отказался от возможности стать историком, несмотря на прямые призывы гимназических наставников: по его собственным словам, «на классицизме 60-х годов лежала явственная печать ретроградства и обскурантизма» (Т. 1. С. 28). Войдя же в число студентов-юристов, Г. А. Джаншиев попал под обаяние действительно незаурядной личности — видного либерального юриста-государствоведа В. И. Сергеевича.

По окончании университета (1874) молодой человек пошел по юридической стезе, став адвокатом. Вскоре началось его

сотрудничество с периодическими изданиями, сначала — специальными («Судебный вестник»), затем — адресованными широкому читателю («Северный вестник», «Порядок», «Московские ведомости» и др.). Так, изначально совсем неожиданно для себя, Джаншиев, не оставляя карьеру адвоката, вскоре стал известным публицистом либеральной направленности.

Влияние журналистской манеры, публицистического стиля и шире — образа мышления в полной мере ощущается и в его очерках о Великих реформах. Подобно многим либеральным общественным деятелям и публицистам своего времени Джаншиев рассматривал литературную деятельность как средство пропаганды своих политических взглядов (в той, разумеется, мере, которую позволяла жестокая цензура времен Александра III и «раннего» Николая II): не случайно хорошо знавший его лично известный историк А. К. Дживилегов назвал его «поэтом эпохи шестидесятых годов» (Т. 1. С. 18). Подобно В. Маяковскому, который через два с небольшим десятилетия после кончины Джаншиева ратовал за то, чтобы «к штыку приравняли перо», последний слишком часто видел исторические события в черно-белых тонах, избегая промежуточных вариантов.

Поэтому в его очерках хлесткие характеристики и идеологически ярлыки, как правило, заменяют действительно вдумчивый анализ событий и процессов. Вот лишь некоторые наиболее показательные примеры. Государственный контролер, один из идеологов реформ Анненков, сторонник министра юстиции графа В. Н. Панина, оказывается у Джаншиева «упрямым злым рутинером» и «рьяным кнутофилом» (Т. 1. С. 295). Самого Панина, после смерти Я. И. Ростовцева (1860) назначенного председателем Редакционных комиссий — учреждения, сформулировавшего основные нормативные акты крестьянской реформы 1861 года, публицист вос-

* См., например: «Великие реформы в России. 1856—1874. Сб. статей российских и американских историков». М., 1992 (английское издание — 1994).

** Об основных вехах биографии Г. А. Джаншиева см.: «Автобиографические данные о Г. А. Джаншиеве (сообщены С. А. Венгерову для его Критико-библиографического словаря в 1888 году)». — Г. А. Джаншиев. Эпоха Великих реформ. Т. 1—2. М., «Территория будущего», 2008. Т. 1. С. 27—30.

принимает едва ли не как личного врага. Отсюда «свирепый министр юстиции граф Панин», «мрачный рутинер-педант, горячо отстаивавший не только крепостное право, но и цензуру, канцелярскую тайну, плети и клеймение», «враг всякой мысли, всякого гражданского, умственного и нравственного совершенствования» (в последнем случае Джаншиев цитирует по дневнику цензора, профессора Московского университета А. В. Никитенко, известного своими либеральными взглядами). Что же говорить об упоминании имени А. А. Аракчеева, который у публициста оказывается просто «зверем»? (Т. 1. С. 308, 329, 328, 308).

Не стесняясь уничижительных слов применительно к своим «врагам», Джаншиев, наоборот, преисполнен восторженно-снисходительного отношения к «друзьям». Книга превратилась в настоящий панегирик либеральным идеям и верованиям пореформенной эпохи. Отсюда и соответствующие характеристики: «гуманные веяния 60-х годов», «гуманное течение», «гуманное движение», «великая гуманная реформа», «гуманно-освободительное движение», «либерально-гуманное направление» и т. д. (Т. 1. С. 280, 283, 323, 325. Т. 2. С. 85)

Воистину, язык и риторические приемы Джаншиева достойны отдельного исследования. В совокупности они заставляют воспринимать процесс разработки и проведения реформ как поле эсхатологической «последней битвы» между либералами («прогрессивными людьми») и реакционерами. Существо происходившего предельно упрощается: изначальная «гнусность» российской действительности не подвергается сомнению, а потому ее изменение оценивается априори положительно (отсюда однозначно-позитивные коннотации слова «прогрессивный»), тогда как попытки ограничить степень радикальности преобразований или поставить под сомнение их концепцию подлежат бичеванию, едва ли не оплевыванию (отсюда однозначная негативность понятия «реакционный»).

Эта одновекторная, почти детская уверенность в бернштейновском «движе-

ние — все» критически оценивалась уже младшими современниками публициста. Не случайно А. К. Дживилегов отмечает, говоря о книге: «Читатель напрасно был стал искать в ней всестороннего освещения различных моментов движения шестидесятых годов. Очерк подготовки реформ — почти отсутствует, истолкования классового характера крестьянской реформы нет совершенно, экономические предпосылки ее не выяснены. Словом, опущены научные вопросы, правильное решение которых могло бы помочь социологическому истолкованию такого важного факта, как движение шестидесятых годов. Но Джаншиев и не преследовал этой цели. Он вполне сознательно ограничил свою задачу прагматическим очерком, потому что писал не научный трактат, а памфлет. В последних изданиях книга стала несколько грузной для памфлета, но основной характер ее от этого не изменился». И далее: «В “эпохе великих реформ” Джаншиев делал не столько научное, сколько общественное дело, был прежде всего публицистом, как был публицистом во всех своих писаниях, не исключая путевых очерков. Он не мог иначе. Так уж была устроена его голова, что он все, о чем думал и говорил, прикидывал на общественную мерку» (Т. 1. С. 19, 20).

При ближайшем рассмотрении, однако, картина оказывается еще более сложной. Блестящий знаток описываемой им эпохи, Джаншиев интуитивно осознавал: механизмы процесса реформ далеко не во всем соответствуют черно-белому взгляду на мир — достаточно сопоставить основной текст его очерков с обширными постраничными «подвалами» со ссылками на источники и авторские замечания к ним, содержание которых много менее однозначно. Так, например, такой признанный «либерал», как Н. А. Милютин, выступал против отмены телесных наказаний, полагая, будто общество к этому еще не готово; этого и подобных ему фактов автор просто не мог не заметить.

Однако в формулировках своих главных выводов Джаншиев, видимо, не мог вырваться из плена клише либеральной

журналистики: стиль неизменно оказывался столь могущественным, что буквально «подминал» под себя содержание. Ныне мы уже хорошо осознаем значение этого фактора: не случайно в современной науке в качестве самостоятельной поставлена поэтика научного исторического текста. Мы осознаем могущество литературной формы, способной подчинить себе не только содержание написанного, но и стиль мышления его автора в целом. Соответственно, на первый план в изучении означенной проблематики выходит корректное применение традиционных филологических и лингвистических методов текстового анализа.

Важно понимать, сколь могущественными оказались эти клише либеральной публицистики, уверенно шагнувшие как в досоветскую, так и в постсоветскую историческую литературу (прежде всего учебную, но в какой-то мере и научную). Понадобились долгие десятилетия, чтобы вырваться из плена старых метафор. Чтобы понять это, достаточно сравнить тексты Джаншиева и современные работы признанных специалистов соответствующей проблематики, прежде всего уже упоминавшейся Захаровой и ее учеников, в числе которых следует отметить прежде всего И. А. Христофорова*. Ныне историческая наука окончательно ушла от восприятия реформаторской деятельности как одновекторной борьбы «крепостников» или либералов. В полной мере осознано, что в среде правящей элиты существовал определенный консенсус по вопросу необходимости преобразований. Спор шел лишь о конкретных путях проведения реформ, причем разногласия носили не только (порой — не столько)

принципиальный, сколько технический и личностный характер. А потому при обсуждении конкретных вопросов «либералы» нередко менялись местами с «реакционерами» и наоборот.

Все сказанное, разумеется, ни в коей мере не принижает достоинств очерков Джаншиева. Напротив, возникает возможность их более всесторонней и глубокой оценки. И здесь с сожалением приходится констатировать: уделив значительное внимание полиграфической стороне вопроса (внешне книга выглядит просто безукоризненно), издатели не желали снабдить джаншиевский текст комментариями, достойными этого исторического памятника. Тем более что, как уже отмечалось, недостатка в квалифицированных специалистах-историках, способных выполнить эту работу на необходимом профессиональном уровне, не ощущается.

Впрочем, думается, и в существующем виде книга будет признана и оценена. Увлекательное джаншиевское повествование открывается разговором о предыстории реформ (очерк о В. Г. Белинском) и продолжается рассказом об основных связанных с ними вехах и событиях — крестьянской, университетской, земской и городской, цензурной, судебной и военной реформах, а также множеством более мелких по объему, но не менее интересных по содержанию очерков, включая персональные характеристики ряда видных, но мало знакомых неспециалистам политических и общественных деятелей. Пересказывать этот насыщенный фактами и деталями материал — дело просто неблагодарное, а потому оставим читателю удовольствие ярких и неожиданных интеллектуальных открытий.

*См., например: **И. А. Христофоров**. Аристократическая оппозиция Великим реформам (конец 1850 — середина 1870-х годов). М., 2002.

ГРИГОРИЙ ГРИНБАУМ

Труд многих лет

Р. Н. Долныкова. Закономерности и реалии. Изд. 2, перераб. и доп.
Иерусалим, «Филобиблион», 2002. 500 с.

Выход в свет книги видного ученого-востоковеда, экономиста, политолога и специалиста в области теории систем Рипсиме Николаевны Долныковой несомненно станет значимым явлением в культурной и научной жизни русскоязычной общины Израиля. Выпускница восточного отделения исторического факультета МГУ (ныне — Институт стран Азии и Африки), Р. Н. Долныкова долгое время проработала в ведущих академических научных учреждениях Москвы — Институте востоковедения и Центральном экономико-математическом институте, а также в Центре международных исследований МГИМО(У) МИД РФ. В 1986 году вышла главная работа ученого, посвященная применению принципов теории систем к задачам экспертного анализа и прогнозирования внешней политики.

Впервые в советской науке в этой книге Долныкова предложила варианты решения ряда ключевых методологических проблем, касающихся как сферы общенаучной и конкретно-научной методологии, так и методики анализа и прогнозирования развития сложных социальных систем, причем разработанные ею методы касаются далеко не только области внешней политики. Работа обратила на себя внимание целого ряда видных советских ученых, публицистов и общественных деятелей, в числе которых — академик Н. Н. Моисеев, журналисты А. Н. Бовин и О. Р. Лацис, экономисты В. Л. Шейнис и Л. И. Рейснер и др. К сожалению, в тот период в силу ряда причин субъективного характера автору не удалось представить

текст к защите в качестве докторской диссертации. Однако интереса к теме ученыя не утратила. На протяжении двух десятилетий она продолжала сбор, обобщение и осмысление материала. Так родилась идея второго издания книги, дополненной новым, обширным материалом.

При подготовке переиздания проявились не только свойственные Долныковой талант ученого, зрелость научных взглядов и огромный жизненный опыт, но и дарование яркого, эмоционального публициста, последовательного защитника либеральных идей и ценностей, свойственных культуре лучшей части прежней русской интеллигенции. Последовательный противник рецидивов имперского мышления в политике современной России, Р. Н. Долныкова дополнила свою книгу новым разделом, посвященным аналитическому описанию событий и процессов, связанных с распадом СССР (см. С. 350–392).

Обращают на себя внимание и богатые по содержанию приложения. Особенно трогательно помещение в этой части книги небольшой статьи мужа автора А. Э. Азарха, до конца жизни остававшего другом, помощником и единомышленником Долныковой (см. С. 481–492). Думается, глубоконаучный подход, свойственный авторской манере автора фундаментальной монографии, ее способность выделять действительно главное, не зацикливаясь на малозначимых деталях, найдут отклик и у российского читателя — которому, собственно, и адресована эта небольшая рецензия.

ГРИНБАУМ Григорий Феликсович — политолог, публицист.

К сведению подписчиков журнала «Свободная мысль»

Международный общественный журнал «Свободная мысль» совместно с Центром исследований постиндустриального общества сообщает о выходе в свет книги известного европейского социолога, профессора Мюнхенского университета и Лондонской школы экономики Ульриха Бека «Космополитическое мировоззрение».

В книге рассматривается становление теоретического космополитизма — мировоззрения, согласно которому все люди, независимо от национальной, этнической и религиозной идентичности, принадлежат к единому человеческому сообществу, только еще обретающему политическую определенность. Автор утверждает преходящий характер национального государства и порождаемых им условностей; рассуждает о вызовах и угрозах, с которыми сталкивается человечество XXI столетия; оценивает историческую роль международных и наднациональных политических организаций и объединений. Значительная часть работы посвящена проблематике прав человека, теории и практики международного вмешательства, а также гуманитарных интервенций. Работа, продолжающая публикации автора по проблемам глобализации и «общества риска», ранее уже переведившиеся на русский язык, представляет собой методологически строгое исследование, в котором детально обоснованы выдвигаемые им тезисы. Язык и стиль книги делают ее понятной всем, кто имеет хотя бы минимальное гуманитарное образование. Книга адресована широкому кругу читателей.

Ульрих Бек (р. 1944) — автор концепций «рефлексивной модернизации» и «общества риска». Особую известность ему принесли работы по периодизации эпохи Модернити и комплексному исследованию современной глобализации. Автор и редактор 25 монографий и сборников научных работ, среди которых наиболее известны «Общество риска» (1986), «Воссоздание политического» (1993), «Что такое глобализация?» (1997), «Рефлексивная модернизация», в соавторстве с А. Гидденсом и С. Лешем (1996) и «Власть в глобальном мире» (2003). Основатель, издатель и главный редактор (с 1980 года) журнала «Soziale Welt». Почетный профессор ряда европейских и американских университетов.

По нашей традиции, все подписчики журнала «Свободная мысль» на второе полугодие 2008 года получают указанное издание бесплатно.

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ, ИЗДАЕТСЯ С 1924 ГОДА

Уважаемые читатели!

Открыта подписка журнала «Свободная мысль».
Подписка проводится во всех отделениях связи и оформляется с любого месяца.

Издательская стоимость одного номера всего 60 рублей.

Стоимость подписки в вашем регионе вы можете узнать
в каталоге Агентства «РОСПЕЧАТЬ» в местном отделении связи.

Индекс издания — 79255.

Ф.СП-1	Министерство связи РФ «Роспечать»		79255 (индекс издания)								
	АБОНЕМЕНТ на журнал		количество комплектов								
СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ		на 2008 год по месяцам									
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда:		(почтовый индекс)		(адрес)							
Кому:		(фамилия, инициалы)									
доставочная карточка		79255 (индекс издания)									
ПВ	Место	Литер		на журнал		79255 (индекс издания)					
СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ		на 2008 год по месяцам									
Стои- мость	по каталогу за доставку	руб.		количество комплектов							
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда:		(почтовый индекс)		(адрес)							
Кому:		(фамилия, инициалы)									

Подписку на журнал «Свободная мысль» вы можете оформить в любом отделении связи, а также в следующих агентствах:

- «Мир прессы»: Москва, Новодмитровская ул., д. 5, тел. 787-6362;
- «Артос-ГАЛ»: Москва, 3-я Гражданская ул., д. 3, стр. 2, тел. 995-4463, 504-1345;
- «Союзпечать»: Москва, Авиамоторная ул., д. 49/1, тел. 707-1289, 707-1658;
- «Урал-Пресс XXI»: Москва, Нижняя Масловка ул., д. 11/13, тел. 789-8636;
- «Интерпочта»: Москва, Васнецова пер., д. 4, стр. 2, тел. 684-5534;
- «ЭксПресс»: Москва, Бакунинская ул., д. 4/21, тел. 783-9029.

Подписку в странах дальнего зарубежья можно оформить через агентства:

- «МК-периодика»: info@periodicals.ru
Москва, Гиляровского ул., д. 39, тел. 681-9345;
- «Ист Вью Информейшнс Сервисес»: www.eastview.com, sales@mosinfo.ru
Москва, Азовская ул., д. 6, корп. 3, тел. 318-0937, 777-6557.

В компании «Ист Вью Информейшнс Сервисес» вы также можете оформить подписку на электронную версию нашего журнала.

ISSN 0869 - 44435

Индекс 79255

2008 / № 10 (1593)

СВОБОДНАЯ МЫСЛЬ